

Колос

9
СЕНТЯБРЬ
1971

Костёр

9

СЕНТЯБРЬ

1971

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Роботы и все
остальные

7

Четыре танкиста
снова пришли
на экран

36

Кто указал путь
Магеллану?

50

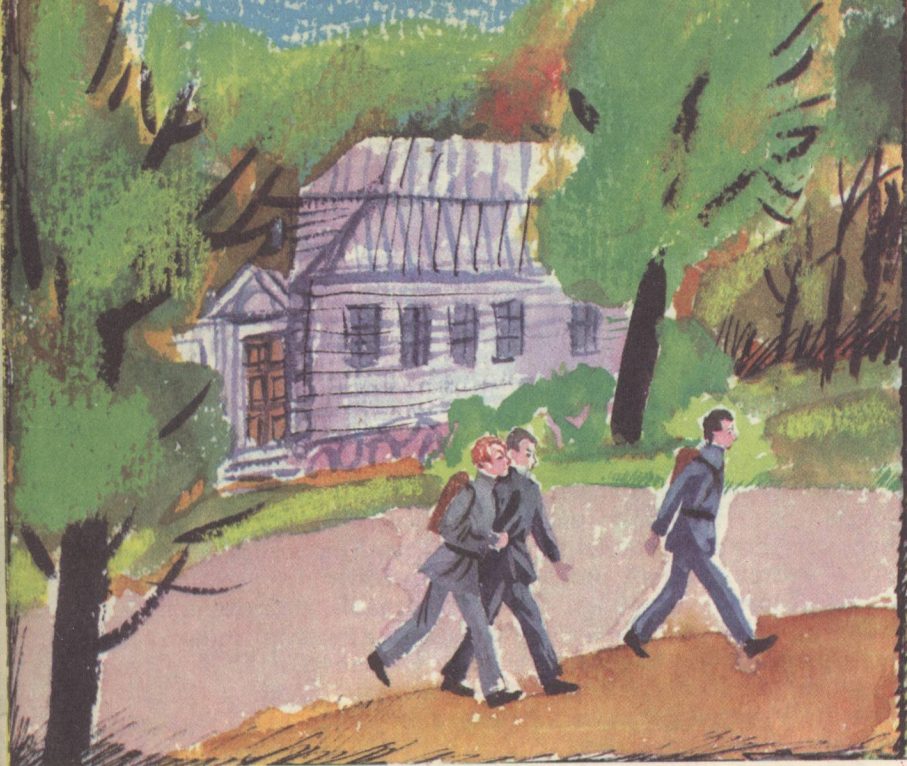
Откуда берутся
чемпионы

59

Игра, которая
не только игра

64

ПЕРВЫЙ ЗВОНOK

А. Лосев

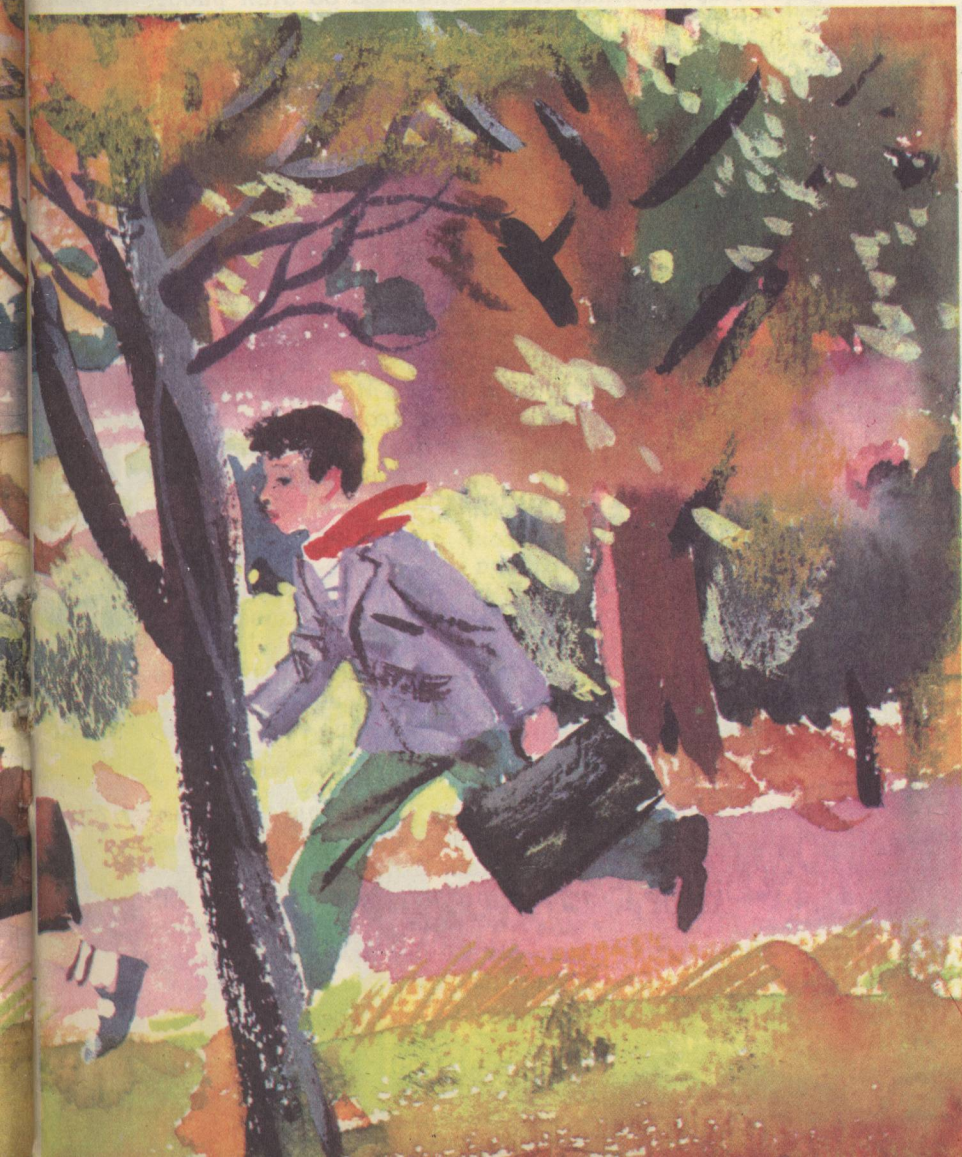
Рисунки С. Острова

По всей стране звонки звенят
торжественно и строго,
зовут ребят, зовут ребят
в далекую дорогу.

Звал колокольчик на заре
лицейскую ватагу,
тех, что держали в декабре
экзамен на отвагу.
И, так же звóнок и высок,
над Волгой серебристой
звенел залиvistый звонок
в гимназии симбирской.

Звенит звонок! Звенит звонок!
Учебный год на старте!
Нас поджидает педагог,
ждут города на карте,
туриста новый ждет маршрут,
ждет мастера столярка,
натуралиста грядки ждут
среди деревьев парка.

Звонок зальется голосист,
а в классе тихо станет...
И золотой кленовый лист
в окошко к нам заглянет.

«Ускорить строительство Андижанского водохранилища и Тюямуянского гидроузла»

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

ЗДЕСЬ СТРОЯТ МОРЕ

П. Соловей

Вокруг чернота. Фары раздвигают ее на ширину дороги, позади настывает снова смыкается. Несколько минут — и мы на котловане.

Четыре часа назад все здесь было по-другому. Длинные шланги тянулись по дну. Свистел сжатый воздух — рабочие очищали скалу: она должна быть абсолютно чистой, ее мыли, обдували, заделывали все щели. Комиссия строга — если кто-то проведет по камню ладонью и на ней останется грязь, блок не примут. Это не пустые придирки. Бетон должен так схватиться со скалой, чтобы образовать с ней одно целое. Тогда плотина будет устойчивой, ее не испугают напор воды или подземные колебания.

Бригадир бетонщиков Кирилл Андреевич Калмыков об этой работе говорил так:

— Самая невидная, и скучноватая даже. Но ответственная. Ни пылинки нельзя оставить, ни соринки. Когда бетон ляжет, уже не проверишь, не переделаешь. Нужно сделать раз — и навечно.

И вот сейчас, внизу, в котловане — пять человек. Они хорошо видны в свете прожекторов. Ночь отодвигается светом, и гудением моторов, и движением людей.

Помню, как я удивлялась, когда сутки назад въезжала сюда, в Тополино. Автобус спокойно шуршал по асфальту и остановился у двухэтажной гостиницы. В маленьком поселке строителей такая гостиница? Да, и не только она. Вдоль улицы — лампы дневного света. В квартирах — водопровод, ванны, газзовые плиты. У домов цветы, молодые зеленые

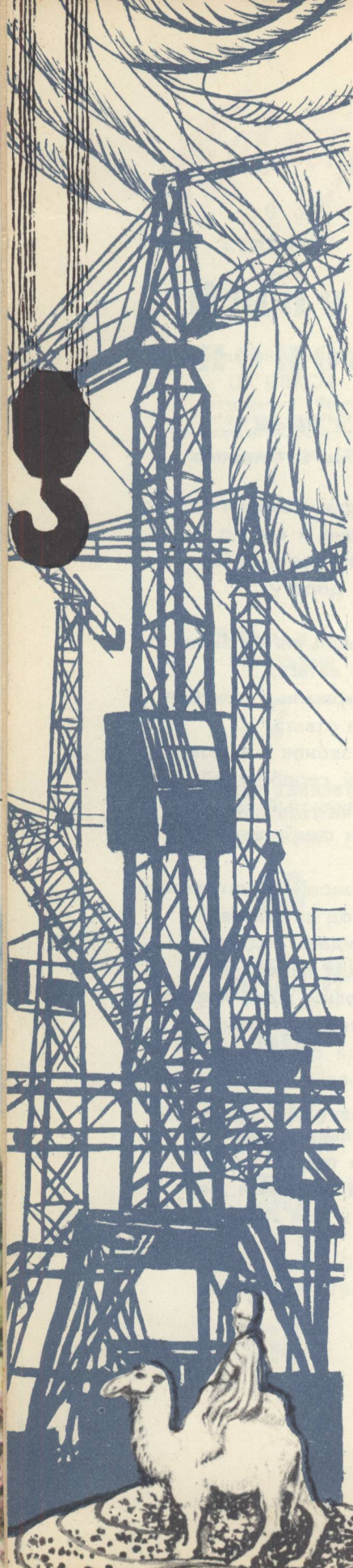
деревья. Три с половиной тысячи рабочих сейчас на стройке, и почти все живут в отдельных квартирах, со всеми удобствами, как в большом городе. И начальник строительства Махмуд Хусаинович Деушев неохотно рассказывает об этом: «Сделано, значит — зачем говорить? Говорить нужно только о том, что не сделано!»

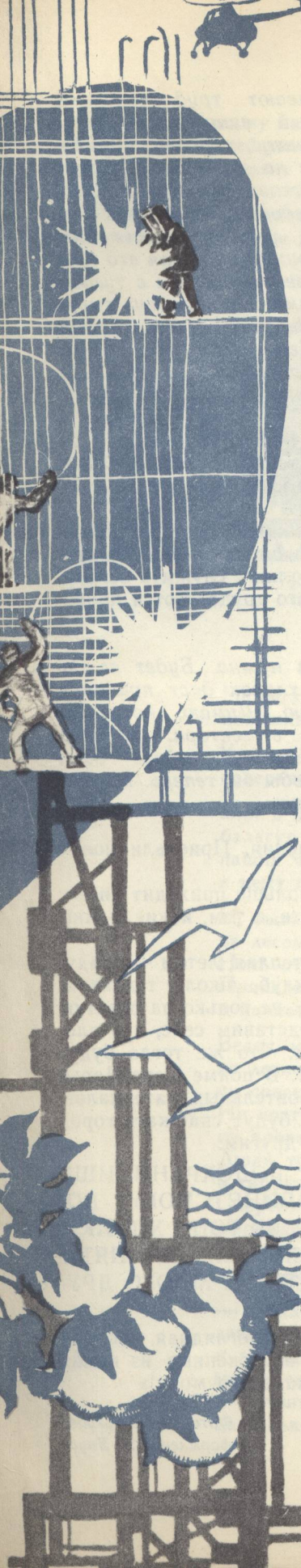
Гудит самосвал-КРАЗ. Только что он тяжело оседал под грузом. Теперь он опрокидывает бетон в бадью, и она повисает над кузовом другого грузовика, того, что внизу, в котловане.

Бетон разгружался слишком далеко от места бетонирования, кран не передвинуть, — что делать? И кто-то остроумно разрешил проблему. Опустили в котлован автомашину, и теперь она, осторожно гудя, подвозит рабочим новые и новые порции массы.

Бетона надо уложить много. Три миллиона восемьсот тридцать тысяч кубических метров. Чтобы собрать воду Кара-Дарьи в море, плотина должна быть высотой в сто пятнадцать метров, длиной больше километра — и притом устойчивой и надежной,

не бояться землетрясений, нередких в здешних местах. Проектировщики создали специальный проект ребристой плотины облегченного типа. Подобных плотин — всего две в мире, в Италии и Японии, где тоже часты подземные толчки.

Андижанская стройка

Тридцать секунд дрожит в руках бетонщика вибратор, потом он передвигает его — и снова тридцать секунд, опять передвижение — и так до тех пор, пока будет пройден последний метр. Чтобы бетон стал плотным и упругим, твердым, как скала.

Это трудная работа. Тяжелые вибраторы, мокрый бетон. Некоторые не выдерживают, уходят. Почему же большинство остается? Когда я говорила об этом с бригадой Калмыкова, кто-то сказал с улыбкой:

— Мы же самые главные на стройке.

Стройка идет близ поселка Тополино. Тридцать или даже сорок лет назад кто-то посадил здесь несколько деревьев. Они выросли стройные, шумливые, заметные издали в галечной пойме реки Кара-Дарьи. Потом на гребне горы вытянулся еще ряд тополей, молодых и сильных.

Сейчас темно, и гор не видно. А они совсем близко — мягкие, с плавными склонами, с округленными вершинами. И до чего они, когда смотришь днем, разноцветны! Коричнево-красные — это камень. Зеленоватые — от весенней травы. Алые — вспышки

цветущих маков. Кажется, совсем рядом (горный воздух уменьшает расстояние) рассыпаны черные точки — пасутся бараны. А вот и чабан на сером почкорном ослике

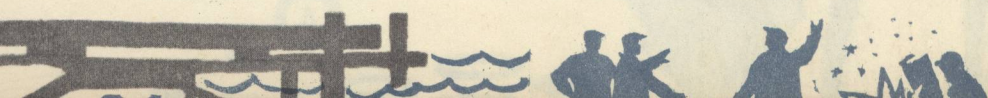
А дальше, в дальнем далеке, как высокие таинственные башни, сияют снежные вершины. Это сходятся хребты Тибета и Тянь-Шаня. Где-то там и начинается тоненькая голубая змейка реки.

Нет, она не голубая, а буро-коричневая. Стремительная. Шумит и шумит, не дает подолгу засматриваться на снега, где она родилась.

Бетон все идет. Один за другим подходят самосвалы, опрокидывают свои кузова, бадья виснет над котлованом, ее дно с лязгом открывается — и снова в руках у бетонщиков вибраторы.

Я живу в Ленинграде. Для ленинградцев вода — это Балтика, Нева, Ладожское озеро, Вуокса,

десятки озер, рек, ручьев. Это дождь, который налетает иногда несколько раз в день и на кото-

рый сердятся. По воде плывут пароходы, в ней купаются, ловят рыбу.

В Узбекистане вода — считанные реки и каналы. Летом не стоит смотреть на небо. Там — ни облачка, лишь безжалостное солнце, которое иссушает все вокруг, если нет воды. Гибнут растения, разрушаются покинутые города, пустыня грозит людям. История знала много таких трагедий. Но если есть вода — щедрая земля и щедрое солнце бога-

то одаривают труд человека. Прозрачный виноград, пахучие дыни, гранаты, персики, помидоры — все на этой земле радуется своим урожаем. И особенно хлопок — гордость республики.

Видимо, уже древние земледельцы понимали, какая это ценность — зеленые кусты с тугими коробочками. Больше двух тысяч лет выращивают в Узбекистане хлопок. Его сеют у рек, потому что он растет только там, где много солнца и воды.

Дан сигнал: всем покинуть котлован. Сейчас начнут взрывать.

К взрывам здесь привыкли. На обрывистых стенах котлована видны следы работы взрывников: длинные полукруглые канавки с гладкой поверхностью — здесь прошел бур.

Взрыв раздается внезапно, но неожиданно тихий, совсем не страшный. Это потому, объясняют мне, что скала капризна, сильный удар может разрушить или повредить ее там, где она должна служить основанием плотины. А тогда потребуется много ручного труда. Вот и приходится действовать потихоньку, нежно.

Прежде чем приехать в Тополино, я побывала в колхозе имени Карла Маркса Андижанской области. Там более тысячи гектаров занято хлопчатником. Главный агроном колхоза Юлдашев как будто ждал моего вопроса:

— Вода нужна. Будет ее достаточно, хлопок даст прибавку. И немалую. Думаю, несколько центнеров с гектара. Машины есть, удобрений сейчас дают больше, воды бы теперь. Вот построят море...

На стол главного инженера легли два заявления. Приехали новые рабочие, просят принять.

Сейчас сюда приезжает много народу. Еще больше приходит писем: люди хотят узнать об условиях работы, о климате, о том, какие нужны профессии.

Климат здесь благодатный. Зима короткая и теплая, летом — градусов на десять прохладнее, чем в долине. Есть клуб, школа, техникум, детсады и ясли. Работы будут вестись еще долго: не только на девятую пятилетку, еще и в десятой хватит дел. Но представим себе, что плотина построена, водохранилище играет волнами. Что же тогда будут делать строители? Опустеют ли их поселки? Нет. В пойме Кара-Дарьи богатейшие запасы сырья для производства строительных материалов. Через восемь-десять лет Тополино и Карабагиш будут снабжать город и колхозы бетоном, кирпичом, гравием и многим другим.

ЭКОНОМИСТЫ ПОДСЧИТАЛИ: КОГДА ВОДОХРАНИЛИЩЕ БУДЕТ ПОСТРОЕНО, В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ СМОГУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНО ПОЛУЧИТЬ БОЛЕЕ СТА ТЫСЯЧ ТОНН ХЛОПКА, СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ТОНН ОВОЩЕЙ И БАХЧЕВЫХ, СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ТОНН ВИНОГРАДА И ФРУКТОВ И МНОГО ДРУГИХ ПРОДУКТОВ.

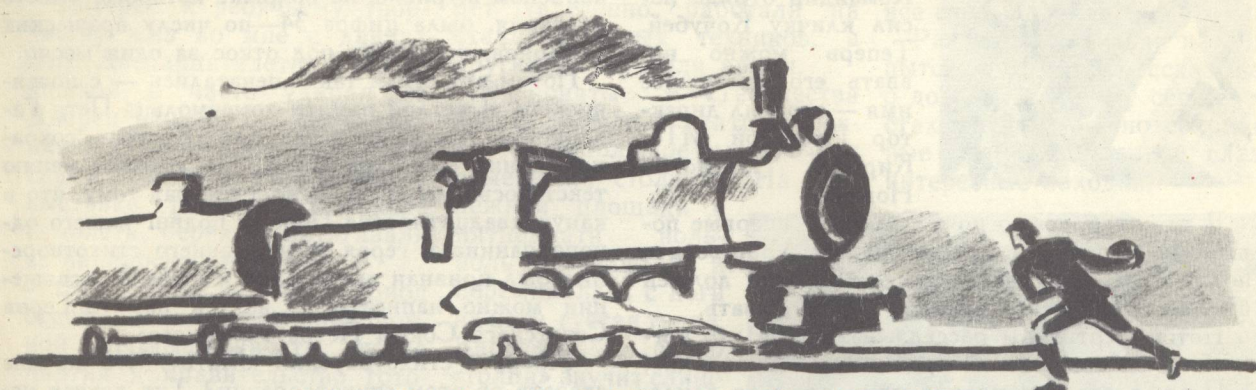
Когда я уезжала, шел дождь. Темнота была непроглядная. Но мне казалось, что я все-таки вижу огромные буквы, выложенные из камня на склоне горы: «Ускорим строительство Андижанского моря!»

Фото Ю. Шаферова
Оформление А. Януса

Сперва я расскажу вам о Пете Галецком.
Сейчас на Витебщине, в селе Славени, есть школа, которая носит его имя. А на станции Крынка, неподалеку от Орши, есть другая школа. Ребята, которые учатся в ней, приносят цветы и зажигают костры у самой железной доро-

ги, где установлена доска, рассказывающая о подвиге, совершенном на этом месте.

А была еще иная, не мирная, школа, которую он, бывший колхозный бригадир, белокурый парнишка, комсомолец, окончил в грозном, под-

БАЛЛАДА О ГОРЯЩЕМ СЕРДЦЕ

Светлой памяти

Героя Советского Союза Петра Галецкого

Не на курьих ли ножках
избушка привстала в кустах?

Кто не верит легендам,
поверьте обыденной были:

жил в избушке лесник,
балагур и на сказки мастак,
наших четверо хлопцев
к нему покурить заходили.

И, бывало, в полнеба
за лесом вагоны горят!
Ночь стоит — нараспашку.
Присядет лесник на пороге,
и начнется легенда.

Ведет, мол, вожак свой отряд
по лесной, по ночной —
по совсем партизанской дороге.
Ни костра, ни тропинки,
ни крова, ни зги впереди.
Люди тонут в трясилах
и гибнут от мрака и мора.
Смерть! Но сердце свое
вырывает вожак из груди,
чтоб, сгорев для людей,
их от смерти спасло и позора.

— Данко звали героя, —
закончит лесник свой рассказ
и добавит,
махорочный дым разгоняя рукою.
— Очень складная сказка,
да только она не про нас.

Есть, конечно, герои,
да вряд ли бывает такое...

...Но, случилось, не вовремя
к насыпи вышли друзья:
раздвигая орешник,
цистерны из мглы напоздали.
И вожак снял винтовку.
— Минировать, хлопцы,

нельзя —

запоздали!

А впрочем, —
он стукнул прикладом, —
нельзя ли?..

И увидели трое,
как бросился с миной один
под колеса цистерны.
И — грохот!
И — зарево к тучам!

...А в окопах узнали,
что это горел не бензин,
а зажженное сердце
ударил светом могучим.
Упомянут был Данко
в тот день в оперсводке полка!

Кто не верит легендам,
обыденной были поверьте:

было вырвано сердце
из теплой груди вожака —
и горит, и спасает людей
от позора и смерти!

1943, немецкий тыл

нявшемся на мсть, сорок втором году. Перейдя с группой хорошо обученных подрывников линию фронта, Петя стал партизаном комсомольско - молодежного отряда «Победа». Командир отряда носил кличку Кочубей. Теперь можно назвать его настоящее имя — это был директор Гжатской МТС Кирилл Иванович Новиков.

В ту октябрьскую ночь Галецкий впервые пошел «на железку» старшим группы. Минировать полотно на перегоне Выдрей — Крынка должен был он, Петя, а его друзья — прикрывать.

Потом партизаны рассказывали мне, что когда Степа Давыдовский прошептал: «Опоздали», а Петя, в сердцах ударив прикладом по земле, перекинул винтовку за спину и, прижимая мину к груди, побежал наперерез приближающемуся эшелону, он еще крикнул: «Танки!» Почему танки? Ведь на фоне неба было хорошо видно, что идут цистерны с горючим. Вася Ладыженко даже сосчитал — сорок цистерн. Значит, Петя подумал о том, как вражеские танки, напоенные этим горючим, сея смерть, пойдут на наши окопы. И он решил один выиграть этот бой. И — выиграл, бросившись с миной под поезд.

Отряд Кочубея входил на правах батальона в особый партизанский полк Героя Советского Союза С. В. Гришина, в котором сражался и я. Для кочубеевцев и для всех гришинцев Петя Галецкий — наш партизанский Матросов — стал символом безграничной самоотверженности, богом нашей отваги.

Он зажег высокое пламя. «Баллада о горящем сердце» впервые появилась в партизанском рукописном журнале, на обложке которого, вместо названия, была цифра 34 — по числу вражеских эшелонов, пущенных под откос за один месяц.

Потом эти стихи так и печатались — с посвящением «Светлой памяти комсомольца Пети Галецкого». Я и на этот раз, для «Костра», сохраняю в них все, как было. Но впервые меняю текст посвящения. Я бесконечно рад тому, что в канун двадцатилетия Победы подвиг нашего однопольчанина и героя моего давнего стихотворения был признан всенародно и ныне в посвящении можно написать: «Светлой памяти Героя Советского Союза Петра Галецкого».

Теперь о стихотворении «Мать». Что же мне сказать об этом стихотворении? Тут другая история. Собственно, никакой истории и нет. Никакого конкретного случая, повода к его написанию рядом не было. Рядом была большая война, большое мужество и дружба и накопившаяся в суровых солдатских сердцах большая неистраченная нежность. Как все это поместилось в такое маленькое стихотворение, я и до сих пор не знаю. Помню только, что написалось оно как-то сразу, на редкость легко, без помарок, и добавлять к нему мне и сейчас ничего не хочется.

Марк Максимов

МАТЬ

Жен вспоминали
на привале,
друзей — в бою.
И только мать
не то и вправду забывали,
не то стеснялись вспоминать.

Но было,
что пред смертью самой
видавший не один поход
седой рубака крикнет:
— Мама!..

...И под копыта упадет.

Рисунки В. Орлова.

ВСЕ-НАСТОЯЩЕЕ!

А. Томили

Фото А. Бочина

В Москве целый месяц работала Всесоюзная выставка детского творчества. И само собой, мне захотелось ее посмотреть.

Интерес к ребячьему творчеству жив во мне с давних пор. Двенадцатилетним мальчишкой я часто удирал во Дворец пионеров. Там, в компании с такими же ленинградскими ребятами, мы строили к выставке роскошную модель самолета, бережно обтягивали ее папиросной бумагой.

1940 год — «...период огромного подъема авиационной промышленности, когда партия и правительство готовили перевооружение всей нашей авиации новейшими типами самолетов». Так характеризует это время советский авиаконструктор Александр Сергеевич Лавочкин. В заводских цехах уже стояли образцы боевых самолетов: «Миги», «Яки», «Илы»... Сейчас эти великолепные машины можно увидеть в музее или на экране. Тогда же это были только «образцы», последнее слово науки и техники. И мы, мальчишки, старались не отстать от задач современной нам техники. Мы ссорились, спорили, мы работали, ожидая выставки, как чудесного праздника... Увы, она не состоялась. 22 июня 1941 года началась война... Сколько раз потом вспоминал я эту недостроенную модель! И в блокадном городе. И в победном, праздничном. И в небе за штурвалом большого настоящего самолета, когда после войны стал летчиком.

Сегодня я инженер, работаю в институте. Преподаю. Мои студенты еще вчера мастерили в кружках юных техников модели и приборы. Завтра они будут работать на предприятиях и стройках родины. О чем они думают? Что умеют? Почему эти трое шутя справля-

ются с лабораторными работами, а другие, даже очень старательные и усидчивые, не могут с ними сравниться? Не потому ли, что одни несколько лет увлеченно работали на станциях юных техников, а другие... упустили время.

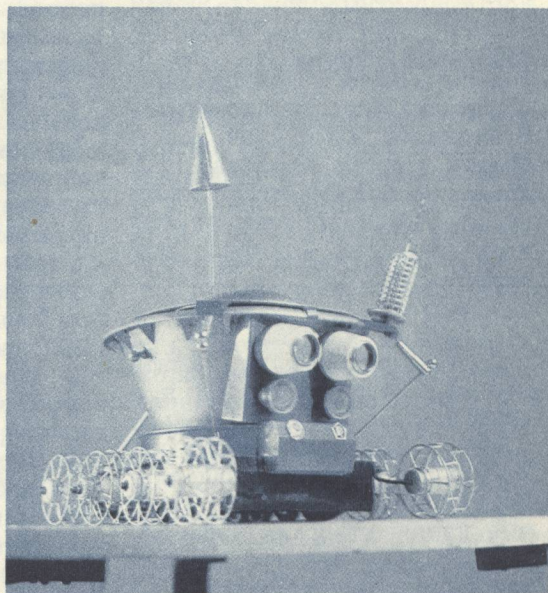
Экспонаты «Творчества юных» заняли в центре Москвы самое большое выставочное помещение столицы. На Манежной площади с пятнадцати ноль-ноль шевелилась и переминалась с ноги на ногу густая толпа. Впрочем, слово «толпа» звучит слишком солидно. Жаждающие посетить выставку, несмотря на мороз, с удовольствием ели мороженое, потряхивая портфельчиками и сумками, ранцами и папками с молниями, на которых так удобно съезжать с ледяных горок... Скажу по секрету, были здесь и милиционеры. И хорошо, что были. Столичные блюстители порядка выстраивали разноцветные шапочки друг за другом, выравнивая и поправляя веселую и оживленную очередь-тысяченожку. Милиционеры заботились, чтобы... не затолкали взрослых в этом море ребячьих голов!

Первое впечатление от выставки: модели, макеты, игрушки, роботы, приборы, игральные авторамы, музыкальные инструменты. Звук. Свет. Музыка. Все блестит, все движется, все работает!

На выставке каждый находит для себя интересное. В разделе «Юные натуралисты и опытники сельского хозяйства» все без подделки, все настоящее, все поражает: мил-

лионы посаженных деревьев, сотни тысяч ребят, изучивших трактор, школьные опытные хозяйства, школьные лесничества. Снопы, зерно, фрукты — все свое. Здорово!

Раздел «Поисковая и следопытская работа» рассказывает о дорогих каждому сердцу местах, здесь бережно сохраненные реликвии военной славы, интересные находки.

В разделе «Художественное творчество» — более полутысячи рисунков ребят, графика, гравюры, резьба, чеканка. Свежести мотивов, задору и жизнерадостности этого раздела выставки позавидует любой художник.

И, наконец, — «Техническое творчество». Я вхожу в этот мир, гудящий лампами, щелкающий реле, подмигивающий световыми сигналами, обхожу площадки, рассматриваю стенды, разбираюсь в секретах устройств. Луноход узнают все! Интересно, а занимался ли главный конструктор этой машины в кружке юных техников? Наверное... Вокруг лунного экипажа разместились другие фантастические плане-

тоходы: гусеничные, колесные, шнековые...

Вот и выставочный «Байконур». Одноступенчатые, двухступенчатые, трехступенчатые ракетоносители. В первые дни нередко по радио раздавалось напоминание: «Ребята, осторожно! Не нажимайте неизвестные кнопки у ракет... Взлетят!» Здорово! А ведь в тысяча девятьсот тридцать третьем году участники московской группы изучения реактивного движения — знаменитого ГИРДа, выпуская из своего дымного подвала очередную экспериментальную ракету, больше всего волновались: «Полетит или не полетит?» Волновался и молодой конструктор Сергей Королев... А тут — «не нажимайте на кнопки...» Даже ребячьи ракеты могут взлететь. Прогресс техники налицо!

Снова приходит на память модель, которую строил я с друзьями в 1940 году. Сколько споров и хлопот вызвала нехватка материала. Расщепляли бамбуковые удочки, лыжные палки, строгали дощечки. Папиросная бумага, картон, тряпочки — несерьезный подручный материал тех далеких лет. Я останавливаюсь возле испытательного стенда, по которому бегут лакированные электровагоны. Ребята в светлосерой железнодорожной форме перегоняют составы, сцепляют и расцепляют вагоны. Поражает тщательность отделки моделей. Оглянувшись, я щелкаю ногтем по корпусу, пытаюсь по звуку понять, что за материал. Паренек в форменной фуражке улыбается.

— Многие не догадываются. А мы набрали дома капроновых чулок, взяли эпоксидку...

Удивительно: „капрон“, «эпоксидка» — эпоксидная смола — подручные материалы. Я расспрашиваю руководите-

лей технических кружков. Одного, другого, третьего...

Как сейчас с деталями, с материалами?

— Нынче это не проблема. Достать можно все. Нет в магазинах, помогут заводы. Выручает и смекалка. Действующий макет сахарного завода выполнен из футляров от зубных щеток! Пластик — современный материал.

Мой собеседник знакомит меня со своим питомцем, — экспонатом. Это робот, управляемый на расстоянии. Один из большой компании электрорадиомеханических «людей» — любимых героев младшеклассников. Этот робот ходит, поворачивает голову, отвечает на вопросы. Ребята относятся к нему как к товарищу, только почему-то одетому в металл... А с товарищем приятно поговорить.

— Как тебя зовут? — вопрос хором из дюжины глоток.

— Я Марсик-два, брат того робота, который...

— Чем питаешься?

— Электрическим током.

— Кто тебя сделал?

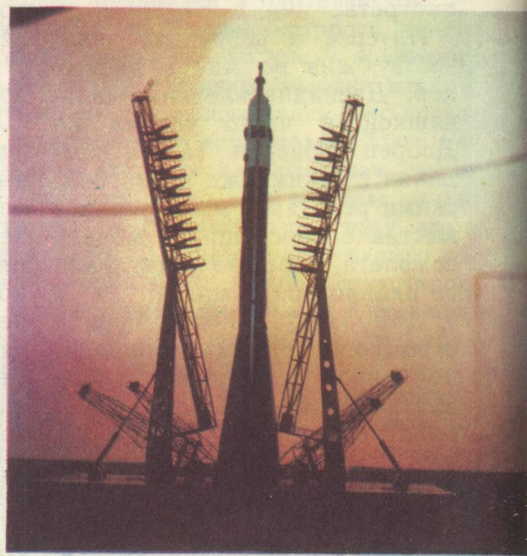
— Меня построили ребята со станции юных техников города Орши.

Авторы конструкции — Юра Гориньков, ученик десятого класса, Саша Велигуров, девятиклассник. Оба хорошо учатся, с удовольствием работают на станции.

Правда, некоторые ребята считают, что их дальнейшая жизнь пройдет за нажатием кнопок. Что в век технической революции не обязательно самому уметь пилить и строгать, паять проводники и рихтовать железо, работать напильником у простых слесарных тисков, шлифовать... Но они заблуждаются. Ведь самое главное — воплотить свой за-

мысел в металле и пластмассе, вдохнуть в него электрическую энергию жизни — вот важное дело современности.

— И что характерно, — продолжает мой собеседник, — наши ребята, авторы робота Мар-

сика и других роботов и моделей — все хотят настоящей работы. Игрушки их уже не занимают...

Примечательно, что среди моделей выставки самые совершенные конструкции «взрослой техники». Жизнь страны, жизнь пятилетки отражается в творчестве юных. И творчество их порой даже опережает

жизнь. Их не устраивает простое копирование готового. Они не хотят отставать от отцов и старших братьев! Например, калининградские школьники из Дворца культуры Балтийского района построили авто-

классником Женей Пономаревым из города Саранска, позволяет находить повреждения в скрытой электропроводке... Двое почтенных директоров стройтрестов даже поссорились, когда им одновременно пришла мысль захватить с собой готовый прибор.

Директивы XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза поставили перед советским народом грандиозные задачи. И ребята отстаивают свое право участвовать в их решении. Уже на многих предприятиях поняли, как велика может быть помощь юных изобретателей. На Кубани, например, более чем в двухстах пятидесяти школах технические кружки стали первичными организациями общества рационализаторов. Предложения ребят серьезно рассматривают бюро изобретательства — БРИЗы Минского тракторного завода, «Ростсельмаша», майкопского завода.

Уже совсем на выходе, возле испытательного бассейна, на меня налетели сразу двое из третьего или четвертого класса. Пионерские галстуки набоку, глаза горят, волосы растрепаны...

— Витьк, здорово! Ты сколько раз на выставке был?

— Я? Двенадцать, а ты?

— Эх! А я только пять... Айда новый катер посмотреть, сейчас пускать будут!

Выставка итоговая. До нее во всех республиках, областях и краях проходили конкурсы и слеты, выставки технического и художественного творчества, юннатской и опытнической работы. Десять тысяч экспонатов получил Всесоюзный оргкоми-

тет. Восемь тысяч из них отобрано для экспозиции. Пять тысяч демонстрируется одновременно. Из богатых запасников экспонаты все время обмениваются. И непрерывно, день за днем, — разноцветная тысячаочередка.

Главный комсомольский шеф выставки — секретарь ЦК ВЛКСМ Тамара Алексеевна Куценко рассказала о сложном организационном периоде. Множество экспонатов знакомо ей еще по месту их рождения. Огромную подготовку провел комсомол, чтобы отобрать для выставки эти четыре с половиной тысячи экспонатов.

— И, рассматривая конструкции, представленные на выставке, читая имена их авторов, нужно помнить об энтузиастах, руководителях кружков и станций юных техников.

Лучшие люди заводов Тулы и Пермской области, Челябинска, Свердловска и Копейска, молодые ученые Новосибирска отдают свое время, силы и труд ребятам. Кто знает, заработали бы приборы из Саранска, и «демонстрационный радиометр» девятиклассников Вячеслава Перункова и Алексея Панкратова, и «приспособление для сверления глубоких отверстий» восьмиклассника Вадима Белова и девятиклассника Володи Михеева, и уже упоминавшийся ранее «прибор для обнаружения повреждения в скрытой проводке», не будь у юных конструкторов талантливых руководителей, замечательных людей, — людей большой души...

На открытии выставки академик И. К. Кикоин обратился к ребятам — участникам этого смотра юных сил:

— Дорогие будущие рабочие, — сказал академик, — дорогие будущие инженеры, дорогие будущие коллеги!

Такое обращение — большая честь! И ребята достойны ее.

матическую линию сортировки сельди.

Представители промыслов посмотрели.

Представители промыслов удивились.

Представители промыслов приняли разработку ребят на вооружение!

Прибор, созданный восьми-

Наш Егорка смотрит хмуро.
Почему? А потому:
Рисовать карикатуры
Было велено ему.

Он умеет так похоже
Всех ребят нарисовать,
Так похоже!

Но кого же
В стенгазете просмеять?

В стенгазету вперив взор,
Размышляет наш Егор:

— У Бойцова Валентина
Захромала дисциплина.
Что ж, Бойцова рисовать?
Нет, не стоит рисковать!

У него мускулатура
Развита ужасно!

На него карикатуру
Рисовать опасно.

Просмеять Козлову Зойку?—
По труду схватила двойку.
А она отличницей
С колыбели числится!

Ей вчера головою
Задала за двойку мать...
Что-то жалко стало Зойку!
Нет, не буду обижать.

У Валерки — „два“ в журнале,
За подсказку наказали!
Может, скажете, что это
Материал для стенгазеты?

Но Валерка же усердно
Мне подсказывал ответ!

Эх, придется мне, наверно,
Рисовать автопортрет!

Егоркин сон

Без четверти девять. Егорка одет
И в школу собрался чин-чином.
Но в кухне ему повстречался сосед—
Беседовать надо мужчинам!

Егор говорит: „Иннокентий Иванович,
Вчера я читал „Географию“ на ночь —
Пустыни, моря, острова, города...
Зато и приснилась же мне ерунда!

В пустыне Сахаре увидел кита я,
Мы вместе скитались с китом по Китаю,
На несколько дней
Завернули в Сидней
И сладким изюмом бомбили Бомбей!

На море Охотском охотились славно,
А кит за собаку служил мне исправно.
В Воронеже мы постреляли ворон
И лихо загнали лису в Лиссабон!

Откормленных карпов я пас на Карпатах,
А в Персии персиков пас я мохнатых,
Катался в Катуни, давил на Давос
И вез на Везувий огромнейший воз.

За это меня и судили в Судане...“
— Ну, вот что, — сосед перебил. — До свиданья!
Сейчас мне звонил из Судана судак,
Что ты на урок опоздаешь, чудак!

ПОВОРОТ

ПОВЕСТЬ

Вадим Фролов

Рисунки И. Харкевича

Она вскочила со скамейки. Встала передо мной. Смеялась, а солнце просвечивало сквозь ее волосы. И я зажмурился почему-то. И почему-то обрадовался — ну и пусть, ну и ладно, и хорошо.

Она оборвала смех и сказала опять сердито:

— Ну, чего расплылся? Рот до ушей.

Я сразу стал серьезным.

— Ладно, хватит шутки шутить. Надо дело делать.

И мне сразу захотелось куда-то бежать, что-то доказывать, кому-то помогать, кого-то спасать и как-нибудь обезвредить того страшного типа — Венкиного брата.

— А что делать? — спросила она грустно.

— Слушай, — сказал я, — может, нам с моим батей посоветоваться? Он в таких делах вроде должен разбираться.

— А он кто у тебя? — спросила она.

— Он... — я вдруг замаялся, — он-то, ну...

И тут я разозлился на себя до чертиков — что я, в самом деле!..

— Он милиционер, участковый, — сказал я решительно. — Вот!

Она удивленно посмотрела на меня, фыркнула, но сразу прикрыла рот рукой.

— Чего смеешься? Не у всех же родители профессора.

Сказал я это сердито, а самому ужасно обидно стало. И эта не лучше, подумал я, все они одинаковы, девчонки эти.

— Ты что? Совсем полоумный? Да? — спросила она. — Ты за кого меня считаешь?

Я молчал. Она дернула меня за рукав.

— Чего молчишь? — крикнула она. — Я ведь засмеялась потому, что вспомнила, как тебя милиционер за плечо вел. Я ведь не знала... Это твой папа был?

— Ну, папа, — сказал я, — а ты и рада была: с милицией Половинкина увидела. И всем развонила.

— Так я же не знала... — сказала она виновато. — Ну, прости, я действительно глупо сделала. Я тогда на тебя... зла была.

— Зла была, — ворчал я. — Все вы такие — разозлитесь ни за что ни про что, а мы отдувайся.

— Ну, хватит! — сказала она. — Ворчишь, как древняя старуха. Ну, я виновата. Но ты-то сам?.. Почему ребятам не сказал, что я

ошиблась? Почему струсил и ушел? Гордость заела? А может быть, не я, а ты своего отца не уважаешь? Раз постеснялся сказать тогда, да и сейчас мне сказать стеснялся. Эх, ты!.. — она не договорила, резко повернулась и пошла из садика. А я, как истукан, остался сидеть на скамейке.

Так и надо. Разворчался, раскрипелся, расшипелся, разобиделся. Человек тебе руку протянул, а ты... Я вскочил со скамейки и бросился догонять Машу.

Басова вдруг остановилась, обернулась:

— Ничего не говори отцу.

— Почему? — спросил я.

— Он ведь тоже... милиция, — сказала она, — а Венка просил.

— А я с ним не как с милицией говорить буду, а как с отцом, — сказал я, хотя и не стоило с ней разговаривать как ни в чем не бывало.

— А с ним можно не как с милицией? — спросила она.

— А почему нельзя? — сказал я и осекся. В самом деле, можно с моим отцом как с товарищем говорить? А может, я не пробовал? Да нет, вроде пробовал. Не знаю...

— Почему замолчал? — спросила Басова подозрительно.

— Ладно, — сказал я, — не буду я с ним говорить.

— Не говори, мы сами что-нибудь придумаем.

— Кто это «мы»? — спросил я. Я подумал, может, она меня имеет в виду.

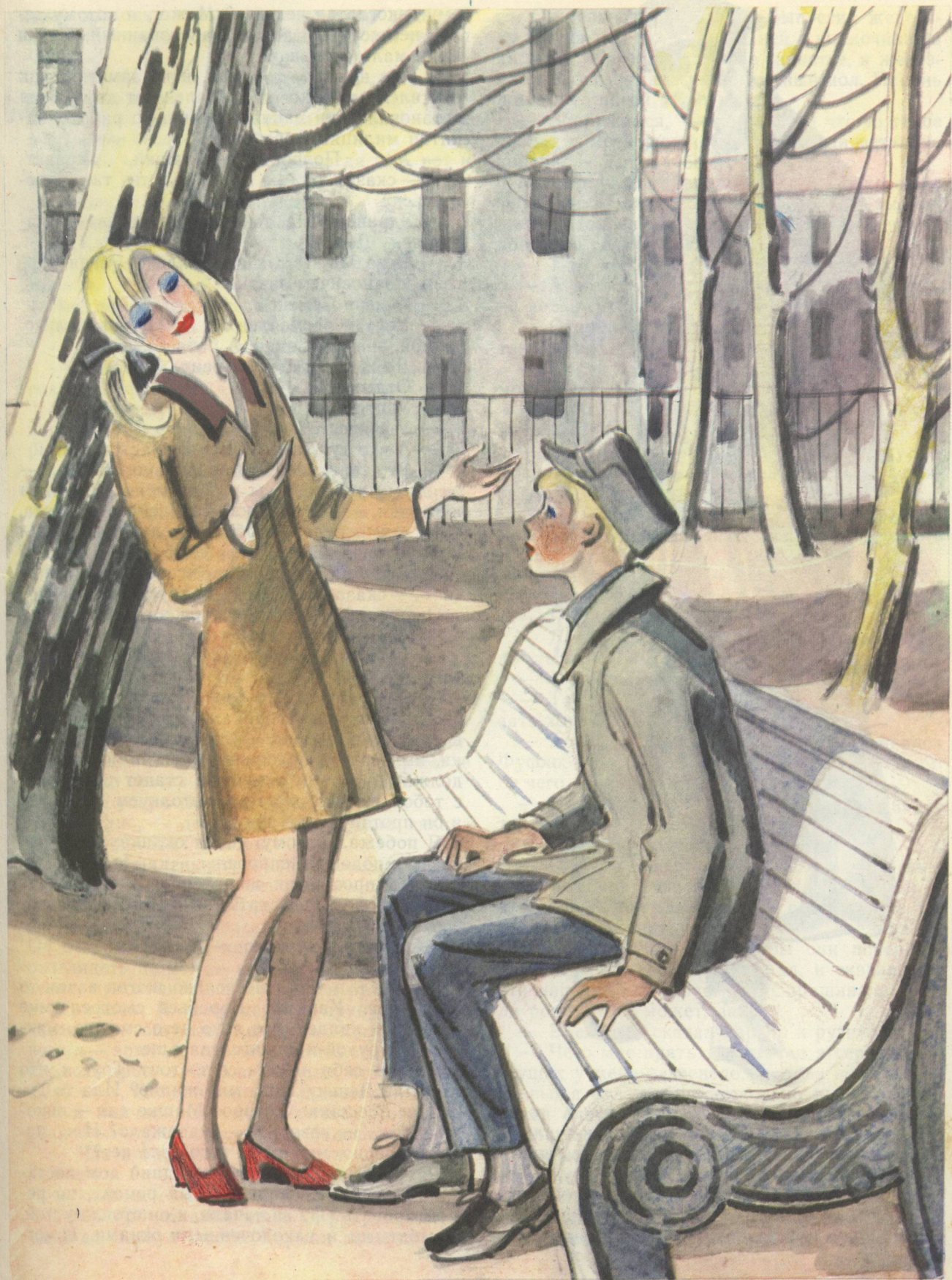
— Без тебя, — сказала она, — найдутся люди, которые не только о своих драгоценных обидах думают.

И Басова ушла.

Ничего у меня не получается — как ее увижу, мне улыбаться хочется и делать что-нибудь хорошее, а она думает, что я к ней подлизываюсь. Венка ей, видите ли, понадобился. Венку, видите ли, ей спасать нужно. О Венке у нее, видите ли, одна забота. Да провались он, этот Венка. Мне-то до него какое дело? До него и до его брата перекошеного. Даже думать о них забуду, не то что выручать. Сам выручит, не маленький.

Так я разжигал себя по дороге домой и до разжигался до того, что чуть не задымился. Все, решил я, все! Буду теперь только о себе думать. Время свое хронометрировать и уплотнять. Организованным буду и читать буду не

Окончание. См. «Костер» №№ 7—8, 1971 г.

только про шпионов и мушкетеров. А то вон все они какие умные — ин-теллек-туальные личности. Ладно, я им тоже покажу, что Семен Половинкин не тютя какая-нибудь, над которой по-всякому издеваться можно.

И с батей поговорю по-настоящему, как мужчина с мужчиной. Что, в самом деле, все

ему некогда да некогда? Может, я потому такой неотесанный да неорганизованный, что он меня мало отесывал?

Я уже не шел, а бежал, и не заметил, как очутился на Моховой. Недалеко от дому меня остановил один папин товарищ по работе, капитан милиции Воробьев.

— А-а, Половинкин-младший, здравствуй, — сказал он. — Куда это ты так торопишься?

— Здравствуйте, товарищ Воробьев, — сказал я. — Домой.

— Чего это ты так официально? Меня Сергеем Ивановичем звать.

— А меня Семеном.

— Уел, — засмеялся он. — Ну, правильно. Домой, значит, Семен. А батя дома?

— Дома, Сергей Иванович.

— Отдыхает?

— Учится.

— У-учится?

— А что тут такого? Все сейчас учатся.

— Это ты верно. Это правильно. Эт-то... — он посмотрел на часы и взял меня за лацкан курточки. — Слушай-ка, мне сейчас некогда, а ты ему передай, чтобы он в двадцать ноль-ноль в отдел зашел. Дело одно есть.

— Все у вас дела, а вот что вокруг делается... — сказал я и сразу прикусил язык.

Он внимательно посмотрел на меня.

— А что вокруг делается?

— Да так... ничего... хулиганов вот много развелось.

— А-а?! Верно, это есть. Только вы-то сами не будьте старыми бабками, которые только и ворчат: «Фулюганы, фулюганы». Так то бабки, им ворчать положено, а вы помогать нам должны — вот их и меньше станет... Ну, мы с тобой еще на эту тему потолкуем. Пока! — и он протянул мне руку.

Я побежал к дому, но он окликнул меня и, когда я подошел, спросил:

— Ты просто так сказал про то, что вокруг делается, а мы, дескать, не видим? Или знаешь что?

— Ничего я не знаю, — буркнул я.

— Ну, иди...

Я пошел, а через несколько шагов зачем-то оглянулся. Капитан Воробьев смотрел мне вслед. Он увидел, что я на него смотрю, махнул мне рукой и пошагал дальше.

Клял я себя на чем свет стоит. Трус я, что ли? Или Веньку этого мне жалко? Или то дурацкое обещание, которое Машке дал — никому ничего не говорить — удержало? Или, может, и верно, мне ни до кого дела нет?

Рядом с нашим домом соседний дом поставили недавно на капитальный ремонт, но ремонтировать еще не начали, и он стоял пустой, с выбитыми и заколоченными окнами. И ког-

да я проходил мимо, меня кто-то из подвального окна тихо окликнул. Я нагнулся и увидел Фуфло.

— Эй, ты, Сень, спустись-ка сюда.

— Чего я там не видел, — сказал я.

— Да ты не бойся, — он захихикал, — я за вчерашнее тебя не трону.

— Это тебя-то бояться? Некогда мне, вот и все.

— Слушай, верно дело есть.

У всех дела! Деловые все какие.

— Какое еще дело?

— Насчет... — начал Фуфло и вдруг замолчал.

Мне показалось, что его кто-то дернул сзади, потому что он быстро обернулся.

— Насчет чего? — спросил я.

— Насчет Жука. Веньки Балашова, — тихо сказал Фуфло.

— А почему обязательно в подвале разговаривать? — спросил я. — Выходи и поговорим.

— Да не могу я. Ты не бойся. Я... один.

«Так, — подумал я, — вот тебе и проверочка, Половинкин. Трус ты или нет». Сердце у меня заколотилось, но я не подал виду и начал просовывать одну ногу в окно.

— Да ты не лезь, — зашипел Фуфло, — в подворотне дверь есть.

Я пошел в подворотню. Не скажу, что я быстро шел. Подобрал по дороге небольшую железину и сунул в карман. Какое мне дело до Жука этого? Чего это я иду? Провались они все, и Жуки, и Фуфлы, и... и чернявые с дырками вместо глаз.

Ощупывая сырую стену, я кое-как спустился в подвал и сразу зажмурился — прямо в глаза мне светил карманный фонарь.

— Эй, убери фонарь, — сказал я.

— Ладно, — довольно добродушно сказал Фуфло и погасил фонарь.

Свет из маленького окна проходил в подвал слабо, но, немного освоившись с темнотой, я заметил рядом с Фуфлой Хлястика, а чуть поодаль какого-то совсем незнакомого парня. Он был невысокий, коренастый, а лица его я разглядеть не мог — круглое серое пятно. Он стоял, прислонившись к стене, и руки держал в карманах. Я тоже держал правую руку в кармане — ощупывал свою железку, хотя понимал — вряд ли она мне поможет, если что. Их ведь трое, а Фуфло говорил, что он один. «Держись, Половинкин», — подумал я.

Они молчали. Я тоже молчал. Потом парень откатнулся от стены и подошел ко мне.

— Что в кармане? — спросил он тихо. — Покажь.

— Ничего, — сказал я, откашливаясь.

Он быстро схватил меня за руку и, сильно жав ее, дернул к себе. Карман даже порвал-

ся. От неожиданности я не выпустил железку и рука моя так вместе с ней и выскочила из кармана. Парень сжал мне запястье, и железка со звоном упала на цементный пол. Парень поддал ее ногой и хмыкнул.

— Вооружился, — сказал он и что-то такое сделал с моей рукой, что я от боли встал на колени. — Вот я тебе с-счас...

Мне вдруг стало холодно, и я крепко сжал зубы, чтобы они не застучали. «Влип ты, кажется, Половинкин», — подумал я, но тут же довольно громко сказал:

— Т-ты чего?!

— А вот... — начал было парень, но Фуфло потянул его за рукав.

— Отпусти, — сказал он мрачно, — он и так скажет.

— Поглядим, — сказал парень и отпустил мою руку.

Я встал и начал отряхивать колени. Рука ныла.

— Ну, чего надо? — спросил я Фуфлу. — Говорил, что один, а сам целую... банду привел.

— А ты не бойсь, ты не бойсь, — захихикал Хлястик, — если умненьким будешь, ничего тебе не будет.

— А я и не боюсь, — сказал я.

— Тогда рассказывай, — сказал Фуфло.

— Что рассказывать? — спросил я.

— Давай, давай, — прошипел Хлястик, — не стесняйся.

— Ну! — зло сказал парень.

— Так это ты мне про Веньку чего-то сказать хотел, — сказал я Фуфле.

— А что про Веньку? — вроде бы удивился Фуфло. — Ничего я про Веньку не знаю. А тебе чего интересно про Веньку?

— Кончай трепаться, — сказал парень, — ты о чем сейчас с мусором толковал?

— С каким «мусором»? — удивился я.

— С милиционером, ну, — сказал Хлястик.

Тут я понял, что они видели, как я только что на Моховой разговаривал с капитаном Воробьевым. Значит, чего-то боятся. Я начал обрабатывать, что сказать, чтобы они поверили, но толком ничего не придумал, и сказал, что это наш старый знакомый. Спрашивал, дома ли родители — может, зайдет.

— Врешь, — сказал парень и ругнулся.

— Чего мне врать... — начал я сердито, но в ушах у меня зазвенело, из глаз посыпались искры, я отлетел на несколько шагов и вцепился спиной в стенку. Я помотал головой, сплюнул что-то густое и соленое изо рта и, ни о чем не думая, бросился на того парня. Конечно, он сразу опять ударил меня, и я сел на пол. «Ну, Половинкин, крепись», — подумал я сквозь шум в голове и почему-то вспомнил о Юлиусе Фучике. И не знаю уж, что со мной

случилось, но вдруг я перестал трусить. Я кое-как встал и сказал спокойно:

— Вы что, ошалели? Вам же теперь житья не будет.

— Пугаешь?! — сказал парень и пошел ко мне.

— Чего мне тебя пугать, когда ты сам пуганый, — сказал я.

Мурашки бегали у меня по спине и голос немного дрожал, но, честное слово, мне уже не было так страшно. А парень опять замахнулся, но Фуфло схватил его за руку.

— погоди, — сказал он. — Слушай, как тебя... Сенька. Это верно... твой знакомый, милиционер тот?

— Знакомый, — сказал я.

— О чем он тебя с-спрашивал? — забормотал Хлястик, и я заметил, что он здорово струсил.

— Хотел сказать, да раз вы так, не скажу.

Я опять сплюнул густую слюну — кровь, наверное, — повернулся и вроде бы не спеша пошел к выходу.

— Эй, ты! — рывкнул парень и бросился за мной.

Я быстро наклонился и поднял с пола ту железку и повернулся к нему.

— Ну, подходи, балда несчастная! — орал я как можно громче. — Подходи!

Парень от неожиданности остановился.

— Тихо ты! — испуганно сказал он. — Не ори!

— А-а! — продолжал орать я, размахивая железкой. — Поджилки затряслись?! Ты, Фуфло! Хочешь знать, о чем меня тот капитан спрашивал? О тебе! Понял? О тебе! И о том... черном. Соседе! Понял, Фуфлина морда?!

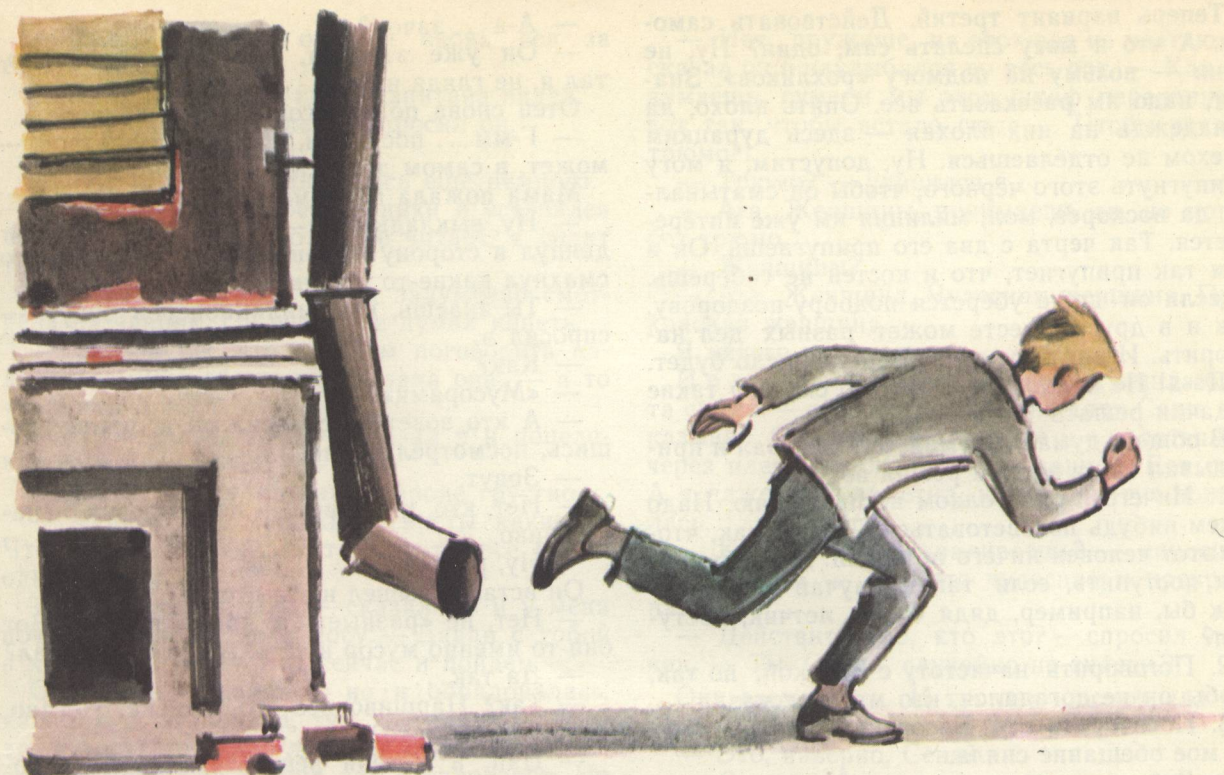
— А т-ты ему ч-что?... — спросил Фуфло, заикаясь.

Ага, голубчики, перетрусили! И я уж совсем обнаглел, не помню, что и орал. Даже чуть не приплясывал от злости. И вдруг заметил, что парень крадется ко мне и в руках у него что-то поблескивает. Я попятился к двери, споткнулся и упал...

— Не надо! — закричал кто-то, кажется, Хлястик.

Я открыл глаза — парень стоял надо мной. Всё. Но тут из темноты кто-то тихо свистнул. Парень быстро обернулся. В углу зашевели-

лась какая-то тень. «Черный, — подумал я, — сосед, братец!» И вот тут мне по-настоящему стало жутко.

— Беги! — заорал Хлястик истошным голо-
сом.

Я вскочил и вылетел на лестницу. Фуфло выбежал за мной и снизу ухватил меня за штанину.

— Н-ну, смотри, — крикнул он, — если на-
капаешь кому, не попадайся!

Я рванулся и выскочил в подворотню. Как я добежал до своей парадной — не помню. Взлетел на свой третий этаж и плюхнулся на подоконник. Ноги дрожали, руки дрожали, и дышал я, как Повидло, когда до смерти набе-
гается с собаками. И мысли скакали и скака-
ли, и я никак не мог собрать их. Выкрутиться-
то я выкрутился, а вот как буду выкручиваться
дальше? Ясно, эта компания боится чего-то.
И скорее всего из-за того черного, а что там
в подвале был он, это точно — больше некому.
С ним, видно, шутки плохи. Значит, надо что-
то делать. А что? И я, сидя на подоконнике,
начал прикидывать и раскладывать все по по-
лочкам. Получалось вроде бы три варианта.

1. Наплевать и забыть. Не мое, мол, дело.
2. Сказать бате или, например, капитану
Воробьеву.

3. Никому ничего не говорить, а действо-
вать самому.

Злой как черт я обмозговывал эти вариан-
ты, и ничего путного в голову не приходило.

Конечно, легче всего наплевать и забыть.
Какое мне дело и до Веньки и до этих подон-
ков. Все равно рано или поздно их милиция
заберет. И Венькиного братца шуганут куда
надо. Но тут выходило, что я попросту трус.
Как ни верти. И еще хуже выходило: ну, я за-
буду, а они какую-нибудь пакость сотворят и
кто-то пострадает, если я наплюю. Я, может,
и знать даже не буду, кто там пострадает, а
все равно очень даже плохо получается! И,
значит, хочешь не хочешь, этот вариант не го-
дится. Я просто сам себе никогда не прощу,
если из-за моей трусости люди пострадают.

Вариант второй, кажется, самый простой.
Сказать — и все! Пусть милиция разбирается.
Но, во-первых, почему-то здорово было жалко
Веньку. Он тут вроде бы и ни при чем. Не ви-
новат же он, что у него такой братец. А отду-
ваться скорее всего ему придется. Черный сра-
зу догадается, что это Венька про него кому-
то проболтался. И скорее всего именно мне.
Ведь он понял тогда у школы, что мы с Вень-
кой хорошо знакомы. Получалось, что и мне
надо побережиться. Фуфло ведь предупредил.
Злился я на себя, а все-таки здорово трусил.
Ну, ладно, положим, с этим я бы кое-как справ-
вился, а вот как быть с М. Басовой. Обещал
же я ей ничего не говорить ни отцу, ни вообще
милиции. И так она меня не очень-то уважает,
а попробуй обмани ее! Ого-го! Ничего хоро-
шего не жди тогда. Половинкин, несчастная
твоя голова.

Теперь вариант третий. Действовать самому. А что я могу сделать сам, один? Ну, не один — возьму на подмогу «рохликов». Значит, надо им рассказать все. Опять плохо, да и надежда на них плохая — здесь дурацким смехом не отделаешься. Ну, допустим, я могу припугнуть этого черного, чтобы он сматывался, да поскорее, мол, милиция им уже интересуется. Так черта с два его припугнешь. Он и сам так припугнет, что и костей не соберешь. И если он даже уберется подобру-поздорову, так и в другом месте может разных дел натворить. И опять от этого Веньке кисло будет.

Да-а! Не приходилось мне до сих пор такие задачки решать

В общем, думал я думал, прикидывал и прикидывал так и этак, и решил вот что:

1. Ничего я сам толком не придумаю. Надо с кем-нибудь посоветоваться. Только так, чтобы этот человек ничего не понял. Дескать, вот как поступить, если такой случай случится? Как бы, например, дядя Саша, летчик, поступил?

2. Поговорить начистоту с Венькой, но так, чтобы он не догадался, кто мне рассказал.

3. Поговорить с М. Басовой, чтобы она с меня мое обещание сняла.

4. Действовать.

Как дальше действовать — я еще не знал. Это будет зависеть от того, что все эти разговоры и переговоры мне дадут. Но надо торопиться.

Челюсть у меня ныла, губы распухли, но кровь уже не шла, и я, в общем-то, хоть и был ужасно злой, а собой чуток гордился. Все-таки не очень-то я растерялся в этом подвале. Не совсем уж плохо себя вел. Давай и дальше так, Половинкин.

Дома я сразу прошел в ванную. Умылся как следует холодной водой, нашел булавку, зашпилил карман и посмотрел на себя в зеркало. Ничего.

Я пошел на кухню и поставил на плиту чайник. Потом пошел в комнату. Тетки Поли и ребят еще не было. Мама что-то шила, а батя по-прежнему сидел за учебниками и, кажется, действительно занимался.

— Как погулял? — спросила мама.

— Отлично! — бодро сказал я. Наверно, слишком бодро, потому что отец поднял голову и посмотрел на меня.

— А-а! Как дела?

— В порядке, — сказал я.

— Ну-ну, — сказал он и опять уткнулся в учебники.

— Mam, — сказал я, — там на кухне... чайник, наверно, закипел.

Мама удивленно посмотрела на меня.

— Какой чайник? — спросила она.

— Я поставил, — сказал я.

— А-а... зачем?

— Он уже закипел, наверно, — пробормотал я, не глядя на нее.

Отец снова поднял голову от учебников.

— Г-мм... посмотри, Люда, — сказал он, — может, в самом деле кипит... чайник-то.

Мама пожала плечами и вышла.

— Ну, выкладывай, — сказал отец. Он отодвинул в сторону учебники и даже зачем-то смахнул какие-то крошки со стола.

— Ты знаешь, как милиционеров зовут? — спросил я.

— Как?

— «Мусорами».

— А кто зовет? — спросил он и, прищурившись, посмотрел на меня.

— Зовут.

— Нет, кто, кто зовет? — переспросил он настойчиво.

— Ну, разные...

Он встал и вышел из-за стола.

— Нет, не «разные», а дрянь всякая. Вот они-то именно мусор и есть. А где ты слышал?

— Да так...

— Так? Паршиво все это, Сенька. Погано. Так в чем дело-то?

— Пап, а у тебя револьвер есть? — спросил я.

— Пистолет, — сказал он, — только мы его после дежурства сдаем. А что?

— Ничего. Гвозди бы делать из этих людей... — сказал я почему-то.

— А дальше?

— Крепче бы не было в мире гвоздей.

— Хорошо сочинил.

— Это не я. Поэт один. Тихонов.

— А-а. Ну, все равно хорошо. Есть такие люди. Так что все-таки стряслось?

— Ничего не стряслось, — сказал я. Я уже и сам был не рад — зачем этот разговор затеял.

— А зачем ты... чайник поставил?

— Помнишь, ты меня о Веньке Балашове спрашивал?

— Ну.

— Зачем спрашивал?

— Теперь уж неважно.

Обиделся, наверно, на меня, что я тогда ему не ответил. Ну, ладно, все-таки спрошу.

— Зачем он тебе тогда понадобился?

— А что с ним? — переспросил он, глядя на меня очень внимательно.

— Д-да я... не знаю, — промямлил я.

— Ну, раз не знаешь — не о чем и говорить, — сказал он.

«Темнит батя что-то, — подумал я. — А впрочем, я-то тоже... А может, они уже знают о том черном? Это было бы здорово!»

— Чуть не забыл, — сказал я, — тебя капитан Воробьев просил в 20.00 в отдел зайти.

— Так, — сказал отец и снова сел за стол, — так.

Даже и не спросил, где я капитана видел.

— У тебя все, что ли? — спросил он.

— Все! — сказал я.

— Ну, тогда я позанимаюсь еще немного.

Он придвинул к себе учебники и уставился в них, но я видел, что он не читает, а сидит так — думает.

Я вышел на кухню. Мама задумчиво смотрела на чайник. Он еще и не думал кипеть.

— Сказал бы, что с отцом поговорить надо, — немного обиженно сказала она, — а то «чайник»!..

— Не сердись, мама, — сказал я и поцеловал ее в щеку.

Она засмеялась, но как-то вроде грустно.

— Чудные вы, мужики. Секреты какие-то. Что я вам, чужая? И так почти все время одна.

— Ну, что ты, мам, — сказал я, и у меня почему-то защипало в носу. — Давай с тобой в кино пойдем. А? Вот сейчас и пойдем.

Она очень удивилась, но и обрадовалась, кажется. А я, подлец, тут же подумал: чего это я вдруг про кино ляпнул? Вдруг согласится, а у меня еще всяких дел неупрочен. Но она, конечно, отказалась.

— Ну, что ты, Сеня?! Спасибо, но куда же я? Неудобно. Поля скоро придет.

— Да что с ней сделается, с твоей Полей, — сказал я сердито.

— Зачем ты так? — сказала мама с упреком. — Вот и папа тоже... Чем она вам не угодила?

Не хотелось мне ее еще больше расстраивать, а то бы я сказал, что слышал, о чем ей тетка ночью говорила.

— Да нет, мам, она... добрая.

— Верно, верно, — обрадовалась мама, — она очень добрая.

Тут закипел чайник.

— Кипит, — сказала мама, встрепенувшись, — а зачем он мне?

— Тетка с ребятами придет, — сказал я, — а чайник готов. Она чаек любит.

Мама засмеялась.

— Ишь хитрющий, — сказала она. — Ну, иди уж. Вижу — торопишься.

Я опять чмокнул ее в щеку и пошел к дяде Саше, не очень, впрочем, надеясь, что он дома. Но он был дома и, засучив рукава, наводил в своей комнате порядок.

— А, Семен, вот кстати, — сказал он. — Давай-ка помогай, а то я один не управлюсь. — Он посмотрел на часы и присвистнул. — Определенно не управлюсь.

— Улетаете? — спросил я.

Он всегда делал генеральную уборку, перед тем как улететь куда-нибудь надолго.

— Нет, дружище, на этот раз не улетаю, — сказал он и заулыбался во весь рот. — Как ты думаешь, сумеем мы этот шкаф передвинуть вот так, чтобы встало сюда... Чтобы встало трюмо?!

— Трюмо? — удивился я.

— Ага. Женщины, понимаешь ли, не могут без трюмо.

— Женщины?

— Ага. Женщина. Чудесная женщина. Прекрасная женщина.

Я ничего не понимал.

И в это время открылась дверь и вошла она, та самая — ее фотографию мне дядя Саша показывал. Она была в халатике и с полотенцем через плечо — только что из ванной. Вот так! А я даже и не заметил, когда она тут появилась.

— Кого это ты хвалишь? — спросила она сердито. — Кто это чудесная и прекрасная?

— Действительно, кто это? — спросил летчик. — Ты, Семен, случайно не знаешь?

Они засмеялись. И тут она посмотрела на меня и спросила:

— Это, наверно, Сеня?

— Он самый, — сказал летчик, — боевой парень. — Он подмигнул, и я не понял: то ли он всерьез говорит, то ли смеется.

Пока я думал, обижаться или нет, женщина подошла ко мне совсем близко и я увидел, что она действительно очень красивая, даже лучше, чем на фотографии. Вот так. Значит, теперь уж к дяде Саше так запросто не заскочишь. Теперь он не один. Ну, что ж, на то и взрослые, чтобы жениться. И сам не знаю почему, я вдруг вздохнул. А женщина эта, улыбаясь, протянула мне руку.

— Ну, давай познакомимся. Я очень много о тебе слышала.

— Я тоже, — вежливо сказал я.

— Вот как? — удивилась она и засмеялась, а дядя Саша погрозил мне кулаком.

— Меня зовут Галя, — сказала она.

Я пожал ей руку и спросил:

— А отчество ваше как?

— Просто Галя, — она опять засмеялась, — ну, тетя Галя.

«Какая она тетя», — подумал я. Но называть ее Галей мне почему-то не хотелось, и я повторил:

— Нет уж, лучше отчество.

— Ух! — сказал дядя Саша. — Ты сегодня с церемониями, как английский лорд. Алексеевна она, Галина Алексеевна.

— Очень приятно, — сказал я. — Дядя Саша, вот ваши три рубля.

— Не пригодились? — Он внимательно посмотрел на меня.

— Нет. Ну, я пошел. Не буду вам мешать.
— Ты какой-то... занудный сегодня, Семен, — сказал дядя Саша. — Стряслось чего-нибудь?

— Нет, — сказал я, — ничего не стряслось. Просто я хотел с вами посоветоваться, но... — и я развел руками.

Дядя Саша сердито швырнул на пол тряпку, которой вытирал шкаф, подошел ко мне.

— Давай! — сказал он и сел напротив меня в кресло.

— Нет, — сказал я. — Лучше в другой раз. Вы заняты.

— Слушай, — сказал дядя Саша. — Помнишь, когда ты составлял свой, — он усмехнулся, — хронометраж. Я тебе сказал тогда, что не считаю время, потраченное на друзей, потерянным. Выкладывай!

Я замялся. Как бы так рассказать, чтобы он не понял, что все это со мной случилось? Ну, в общем, кое-как, крутя и вертя, спотыкаясь и запинаясь, чего-то придумывая, а чего-то не договаривая, я ему рассказал историю, которая будто бы в прошлом году случилась с одним моим приятелем. Только про подвал не сказал.

Дядя Саша внимательно взглянул на меня, и я постарался выдержать его взгляд.

— По-моему, — сказал дядя Саша, — и та девочка, которой он дал слово молчать, и сам он... твой приятель — довольно... хм-м... глупые люди.

— Она не глупая! — сказал я и осекся.

— Как же не глупая? — сказал дядя Саша. — Зачем же тогда она... брала с него слово? И он глупый, что дал такое слово. Нельзя о таких делах молчать! Понимаешь, нельзя.

— Но он все-таки дал слово, да еще девочке, — сказала Галя.

— Я бы на месте твоего приятеля, — сказал дядя Саша, — все рассказал бы кому надо. И убедил бы эту глупую девчонку...

— Она не глупая! — почти закричал я. — Она ведь тоже дала слово!

— Она его нарушила, рассказав все это-му... твоему приятелю, — сказал дядя Саша жестко.

Фу-ты, ну-ты! Час от часу не легче. Не надо было рассказывать.

— Я пришел посоветоваться, а вы только ругаетесь, — сказал я обиженно.

— А ты-то чего обижаешься? — спросил дядя Саша хитро. — Мы ведь про приятеля твоего говорим.

— Ладно, — сказал я. — Что было, то было, но раз уж так получилось, то что бы вы сделали?

— Я бы пошел к этой глупой... — начал дядя Саша, — к этой девочке, — поправился он. — И убедил бы ее, что она взяла с меня слово неправильно, и пусть она вернет его мне обратно. Вообще, я бы поступал сообразно обстоятельствам.

— Я так и думал, — сказал я с облегчением.

— А почему бы тебе не посоветоваться с отцом? — спросил дядя Саша. — Ведь он-то, наверное, в таких делах больше нашего понимает.

Я замотал головой.

— Напрасно, — сказал дядя Саша озабоченно. — Напрасно. Дело-то, кажется, серьезное. И, если ты сам не хочешь... — он замолчал и испытующе посмотрел на меня.

— Да почему я не хочу? — сказал я. — Я просто не могу.

— А не кажется ли тебе, — сурово сказал дядя Саша, — что в данном случае ты больше думаешь о себе, чем о других?.. Так что, наверно, придется мне подумать о других.

— Дядя Саша, — взмолился я. — Только...

— Ладно. Иди, а я подумаю.

От дяди Саши я сразу же помчался к М. Басовой. Будь что будет. Пусть она злится и шипит, но я скажу ей все, что думаю об этом деле, и потребую, чтобы она вернула мне мое слово.

М. Басовой, конечно, не было дома. Открыл мне Григорий Петрович. Вот гляжу я на него и никак не могу представить, что он был таким геройским парнем — разведчиком. А как бы он поступил на моем месте? Но неожиданно для себя я спросил его совсем о другом:

— Скажите, Григорий Петрович, а вот для того чтобы сделать доброе дело — можно наврать?

— Наврать?

— Ну, слово нарушить?

— Х-мм, слово нарушать, конечно, не годится... Но вот что интересно: сегодня уже второй человек спрашивает — можно ли нарушить слово. Удивительное совпадение.

Я, конечно, сразу сообразил, что это за человек. Ага, значит, и она переживает! Хотя, может, она про какое-то другое слово спрашивала.

— Семен, — осторожно сказал Григорий Петрович. — Это ваш секрет. Но что это все-таки за слово, которое вам нужно нарушить?

— Григорий Петрович, — сказал я, — можно, я вам ничего сейчас не скажу? Вы в разведку когда ходили, наверно, попадали в разные переделки?

— Случалось, — сказал он скромно.

— И самому решать, что делать, тоже, наверное, приходилось?

— Приходилось.

— Вот и я хочу попробовать сам решить.

— Что ж... — сказал Григорий Петрович задумчиво. — Что ж, это по-мужски. И я приветствую. Но имейте в виду, Семен, если вам потребуется моя помощь, я всегда к вашим услугам.

— Спасибо, — сказал я.

— Ну вот... Хорошо, что с Машей вы дружите.

— А где она сейчас, Маша? — спросил я, чему-то обрадовавшись.

— Она пошла к какой-то новой подружке. Татьяна, кажется, ее зовут.

Так. М. Басова откладывает очередной номер. Зачем ей понадобилась Татьяна, которую она вроде терпеть не может? Станный народ девчонки.

И тут я разозлился на себя: только разговорчики да разговорчики, а дела ни на грош! Не долго думая, я помчался к дому у рынка, где живет тот старичок, который вручил меня в магазине. Я мчался сломя голову, и когда мне открыли дверь, долго не мог ничего сказать, а только пыхтел.

— Вам кого, молодой человек? — спросил старичок.

— Вы сказали, что у вас есть внучка, которая знает про гвозди? — выпалил я, наконец, отпыхтевшись.

— Какие гвозди? — очень удивился старичок.

— Н-ну, эти... из которых людей делают... то есть наоборот, из людей — гвозди...

— Ничего не понимаю, — сказал старичок и вдруг заулыбался. — А-а, вот я вас и узнал! Вы тот мальчик, который стихи пишет.

Я кивнул: пусть его думает, что хочет.

— Так ты за стихами пришел? — спросил он. — Ну, заходи, заходи.

— Нет, я за внучкой.

— За внучкой? — опять удивился он.

— Ну да, вы говорили...

— Есть внучка, есть, только она в Пензе живет. А зачем она тебе?

И чего это я решил, что Татьяна его внучка? Вот дурень! Я ужасно расстроился, и он, посмотрев на меня, тоже огорчился.

— Она тебе очень нужна? — спросил он ласково.

— Очень, — сказал я и спохватился. — Нет, не она, а... другая.

— А другой у меня нет, — с сожалением сказал старичок и развел руками. Очень славный старичок.

И тут из передней раздался чей-то знакомый голос:

— Дед, с кем это ты там?

— Понимаешь, Апик, тут один мальчик ищет внуку, — сказал дед.

— Какую внуку? — спросил голос, и в дверях появился... трясучий Апологий.

Я вылупил глаза и разинул рот. И он вылупил глаза и разинул рот. И так мы стояли довольно долго. Старичок даже забеспокоился.

— Э-э, молодые люди, — сказал он. — Что с вами? Вы знакомы?

Апологий захлопнул рот. И я захлопнул рот.

— Здорово, Половинкин, — сказал Апологий. — Какая я тебе внука?

— Да не ты, — сказал я. — Мне одна девочка нужна. Я думал, она здесь живет.

Я махнул рукой и начал спускаться по лестнице.

— Куда же ты? — спросил старичок. — Заходи.

— В другой раз, — сказал я. — Спасибо. До свидания. Извините.

Я помчался вниз. Апологий догнал меня около рынка.

— Ну и мчишься ты, — сказал он, переводя дух. — Как наскипидаренный. Кого ты ищешь?

— А тебе какое дело? — сказал я, разозлившись. — Ты все равно не знаешь, где она живет.

— Я все про всех знаю, — сказал Апологий. — Я такой!

— Трепло ты, — сказал я, но подумал, что чем черт не шутит, может, он и верно знает.

— Танька Шарова, — сказал я.

— А зачем? — спросил он.

— Катись ты! — сказал я.

— Тайна, — сказал он. — Ужасно люблю тайны. Знаю я, где она живет. А расскажешь?

— Не расскажу. Где она живет?

— Не знаю.

— Ну и...

— Я знаю, но скажу, если ты расскажешь.

Я остановился, взял его за грудки и тряхнул.

— А ну, говори! — заорал я.

— Не скажу!

Я хотел еще раз тряхнуть его, но какой-то дядька оттащил меня.

— А ну, пацаны, не драться, — сказал дядька и погрозил мне пальцем.

— Мы не деремся, — сказал Апологий, — мы отрабатываем приемы самбо.

Дядька засмеялся и ушел.

«Смотри-ка ты, — подумал я, — какой благородный Апологий».

Он дернул меня за рукав.

— Идем, — сказал он, — покажу, где она живет. — И кисло добавил: — Не такой уж я...

Молча мы дошли до большого серого дома, и он ткнул пальцем в окно третьего этажа. Я посмотрел на него. Он вдруг покраснел и отвернулся.

— Спасибо, — сказал я и побежал к парадной.

Дверь мне открыла сама Татьяна и вроде даже не удивилась.

— Здорово, Шарова, — сказал я. — А Басова не у тебя?

— У меня, — сказала она серьезно. — Проходи.

— А этот еще зачем здесь? — спросила Машка, когда Татьяна ввела меня в комнату. — Ты мне надоел! Ходит за мной, как... прилипало.

«Я тебе сейчас покажу... прилипалу», — подумал я и заулыбался во весь рот. Она, когда я так улыбаюсь, совсем из себя выходит.

— Ори! — сказал я, улыбаясь. — Все равно я знаю, как ты ко мне относишься.

— Как? Как? — она сощурилась.

— Хорошо. Хорошо ты ко мне относишься, — сказал я.

Она даже задохнулась и зашипела сразу.

— И нечего шипеть как кошка, — сказал я. — Дело надо делать, а не шипеть.

Она вдруг успокоилась.

— Воображай, что хочешь, — сказала она презрительно, — а с тобой у меня никаких дел нет и не будет. Понял? Потому что ты рохля, сам ничего решить не можешь. Потому что ты добрячок. И трус.

Вот как? Очень мне захотелось рассказать ей про подвал, но я удержался — еще хвастуном назовет.

— Ладно, — сказал я. — Не во мне сейчас дело. Понятно?

Тут вступила Татьяна.

— Слушай, Маша, — сказала она спокойно. — Раз уж я все знаю, разреши мне... Он правильно говорит. Надо что-то делать, и быстро.

— Ну, давайте решать, — послушно сказала Машка.

Я удивился, как это вдруг они подружились.

— Ничего я решать сейчас не буду, — сказал я. — Я Машу искал только чтобы сказать, что она взяла с меня дурацкое слово и пусть она вернет его мне обратно. А я уж знаю, что дальше делать.

— Не могу я слово вернуть, — сказала Басова, — я сама Веньке слово дала.

— И сама разболтала, — сказала Татьяна.

— Кому разболтала? Кому?! — чуть не плача, закричала Машка.

— Нам, — сказал я.

— Так то — вам... — сказала Машка.

Я хотел чертыхнуться, но Татьяна, посмотрев на меня, строго сказала:

— Выйди, Половинкин, и подожди нас на улице.

Я ждал их на улице. И вдруг вспомнил, как дядя Саша сказал мне однажды, что я «плыву по воле волн». Как меня волна повернет, так я и плыву. Парень-то я, мол, хороший, сказал он, но вот живу, как придется: прожит день — и ладно. А так нельзя. Мне стало довольно тошно: что я, щепка, что ли, какая, в самом деле? Я задумался и не заметил, как из дома вышли девчонки.

— Двинули! — решительно сказала Татьяна

— Куда? — спросил я.

— К Балашову. К Веньке. Поговорим с ним начистоту и поймем что к чему.

— Пошли! — сказал я. И такая решительность на меня напала, что я понесся вперед как очумелый. Девчонки еле поспевали за мной.

На Моховой, не доходя до Венькиного дома, мы остановились.

— Кто пойдет? — спросила Татьяна.

— Я! — сказал я.

— Нет, — сказала Татьяна, — тебе нельзя. Вы с Венькой дрались.

— Ну и что? — сказал я, но сразу замолчал. Это чепуха, что дрались, а вот после того подвала мне к Веньке, и верно, ходить не стоит.

— Я пойду, — сказала Маша. — Я была у него, меня там знают.

— Хорошо, — сказала Татьяна. — Ты его вызови. Мы будем ждать вас на Фонтанке возле библиотеки.

Маша ушла. А мы пошли на Фонтанку.

— Чего такой кислый? — спросила Татьяна.

— Так, — сказал я.

Не хотелось мне ничего говорить, и пока мы

ждали Машу, болтали обо всякой чепухе. Я рассказал, как искал ее и налетел на Аполония. Она засмеялась.

— А откуда он знает, где я живу? — спросила она.

— Он говорит, что все про всех знает.

— Да, — задумчиво сказала Татьяна, — странный он какой-то.

Но поговорить об Аполонии мы не успели. По Фонтанке бежала Машка.

— Венька пропал! — с ходу выпалила она.

— Как пропал?!

— Я говорила с его матерью, но ничего не поняла. Она, по-моему... — тут Машка перешла на шепот. — Она, по-моему, пьяная... Соседка говорит: нет его второй день...

— Так, — сказала Татьяна. — Идемте!

— Куда? — спросила Маша.

— В милицию! — воскликнула Татьяна. — Вы что, совсем дураки?

— Нет, нет! — закричала Машка. — Ему тогда совсем плохо будет. Может, этот братец... его куда-нибудь запрятал. И... и... убьет.

Она вдруг замолчала и стала смотреть на воду. И мы стали смотреть на воду. А вода текла себе и текла под мостом, и под нами у самой гранитной стенки крутился в маленьком круговороте спичечный коробок. Крутился и никак не мог отплыть от этой стенки.

Тихо было, только машины изредка фырчали за нашими спинами.

Мы стояли, опершись о решетку набережной, и молчали. Я все смотрел на этот проклятый спичечный коробок, который никак не мог уплыть.

— Ладно, — сказал я. — Пошли.

— Куда? — спросила Маша.

— К батю, — железно сказал я.

Бати дома не было. Мама сказала, что к нему зашел Александр Степанович — дядя Саша. Они долго говорили, потом папа наскоро пообедал и ушел. Сказал, что придет поздно. Мама была ужасно расстроена. «Что за работа такая, — говорила она, — ни днем, ни ночью, ни в воскресенье покоя нет». А тетка Поля перекладывала свои покупки и поддакивала ей: «А что я говорю, да я давно говорила, да я все время твержу...»

Я разозлился.

— Работа как работа! — сказал я. — Как бы это вы все без милиции обошлись?

Я вышел к девочкам — они в коридоре стояли, не захотели в комнату заходить. Пожалуй, и лучше, что не зашли.

— Вот такие дела, — сказал я им. — Может, пойти батю поискать?

Татьяна пожала плечами.

— Ну, ладно, — сказал я. — Вечером с ним поговорю.

— Надо бы Венку поискать, — сказала Татьяна.

— Я поищу, — сказал я.

— Где? — спросила Маша.

— Есть у меня одна идея. Поспрошаю кое-кого.

— Только ты... осторожней, — сказала Маша и отвернулась. Интересно, за кого она боится — за Венку или... за меня?

Они ушли.

В комнате мама и тетка Поля о чем-то спорили, но, как только я вошел, сразу замолчали. Мишка гулял с Повидлой, а Ольга спала без задних ног; умоталась по магазинам, наверное. Я спросил у мамы, что пообедать, хотя есть мне совсем не хотелось. Через силу затолкал в себя пару котлет.

О чем, интересно, дядя Саша с батей говорил? Компот мне уже совсем в горло не полез, и я направился к дяде Саше. Ни его, ни Гали дома не было. Неужели он батю о нашем разговоре рассказал?

Я сказал маме, что ухожу, что у меня дела. Она только вздохнула. Я вышел на Моховую. Надо искать Венку. Где? И я решил найти или Фуфлу или Хлястика.

Фуфлы дома не было.

— Носит его целыми днями где-то допоздна, — жалобно сказала мне накрашенная женщина, которую я видел в прошлый раз. — Хоть бы занялся чем. Говорит, в футбол играет. А ночью что, тоже играют?

— Бывает, — сказал я, — при фонарях.

Я вышел, и ноги понесли меня к подвалу. Сердце екало, но я все же подошел к двери в подворотне и тихонько, а потом погромче позвал Фуфлу. Никто не ответил. Осмелев, я спустился на несколько ступенек вниз и опять позвал. Тихо. Только капли откуда-то падали на бетонный пол. Я вздохнул с облегчением и пошел обратно. Вдруг сзади раздался грохот. Я вылетел на улицу! И только там, отдышавшись на ветерке, я сообразил, что это оторвался кусок штукатурки. Да, Половинкин, слабоват ты еще, чтобы из тебя гвозди делали!

Нигде я не нашел ни Фуфлы, ни Хлястика. Как назло, когда не надо — все время на них натыкаешься, когда надо — не найдешь.

Я еще побродил по улицам и пошел домой. И не помню уж, из-за чего вдруг сцепился с теткой Полей. Сперва шуточками, шуточками, а потом всерьез.

— Вы добрая, — заорал я, — всем помогаете. Даже жуликам помогаете. В тюрьму и то яблочки посылаете. Фигу им под нос, а не яблочки! Милиция вам не нравится! Да?!

— Очумел? — оторопело спросила тетка Поля. — Чего он порет, Люда?

Я бы еще продолжал орать, но мама села на стул и приложила руки к груди. Я замолчал, накапал ей валерьянки и ушел на кухню. Выпил холодного чаю. Потом завалился спать. До завтра. Странно, но заснул я сразу и не слышал даже, когда пришел отец.

Такое длинное было воскресенье.

А утро началось с подарочка. Хор-рошего подарочка! Я проснулся и посмотрел на часы. Еще минут пять можно полежать. Но тут же

вскочил. Ты когда-нибудь начнешь серьезную жизнь, Половинкин?!

Раз! — и я одет. Два! — и одеяло с Мишки полетело на пол. Три! — и Ольга, похныкивая, застилает постель. Четыре! — и Мишка несет с Повидлой по лестнице. Пять! — и Ольга, уже умытая, ставит чайник на стол. Шесть! Шесть... и в кухню выходит батя.

Я посмотрел на него. Под глазом здоровенный фонарь, на правой щеке крест-накрест широкий пластырь. А на лбу — через весь лоб — огромная ссадина.

Правая рука у него была в кармане, глубоко-глубоко, а глаза хмурые и смотрел он на меня как... на чужого. И на скулах ходят тяжелые желваки.

— Выйди, Ольга, — говорит он почему-то тонким голосом.

Ольга испуганно выходит из кухни.

— Чт-т-то с тобой? — спрашиваю я.

Он молчит и как-то странно смотрит на меня. Потом медленно, как будто ему очень трудно, говорит:

— Наверно, я виноват, что обращал на тебя мало внимания. Наверно, виноват, что ничего не знаю о твоих делах. Пусть так, — и он вдруг сильно бьет кулаком по столу. Я даже вздрагиваю, — но как ты посмел молчать?! Почему ты советуешься со всеми, но только не со мной?!

Я растерялся и от растерянности вдруг сказал, что Венька Балашов вторую ночь не ночует дома.

— Знаю, — жестко говорит отец. — Без тебя знаю.

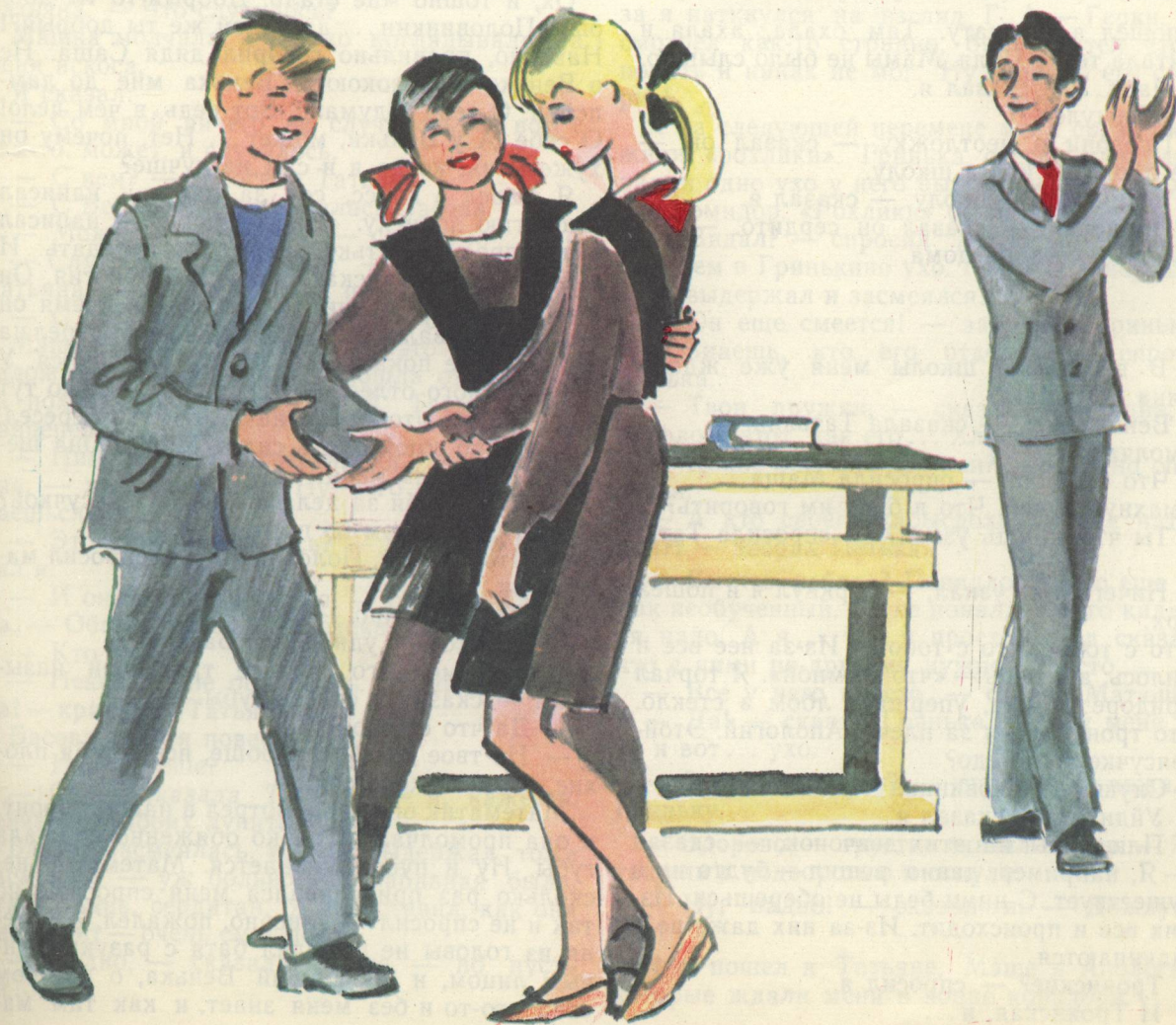
— Батя... а что было? — спрашиваю я. Я боюсь смотреть ему в лицо.

Он хмуро усмехается.

— Теперь «что было»? А где ты был раньше? — говорит он. — Да, я участковый и должен следить, чтобы во вверенном мне микрорайоне был порядок. А тебе — тебе на все наплевать!

Мне захотелось реветь. Никогда он так со мной не говорил.

— Батя, батя... я ведь...

— Ладно, — вдруг спокойно говорит он. — Сейчас некогда. После поговорим. — И выходит из кухни.

Минуту я стою у окна, потом тоже выхожу в коридор. Навстречу мне идет дядя Саша с полотенцем через плечо. Он насвистывает и улыбается.

— Зачем же вы, дядя Саша?.. — говорю я.

— Что «зачем»? — удивляется он, внимательно смотрит на меня и перестает улыбаться. — А-а, понял. Ты что думал — я такая же рохля, как ты? Да, я рассказал все твоему отцу. Пока ты трясся за свою шкуру и играл в благородство. Рассказал. И то чуть не опоздал. А ты... — он слегка толкнул меня в лоб ладонью. — А ты... нет, ты еще не героическая личность. Далеко не героическая. — И он, отодвинув меня, прошел в ванную.

— Да что случилось-то?.. — закричал я, чуть не плача.

Он обернулся.

— Отец расскажет, если найдет нужным, — сказал он, и дверь ванной захлопнулась за ним.

Я пошел в комнату. Там охала, ахала и причитала тетка Поля. Мамы не было слышно.

— Папа... — сказал я.

Он обернулся.

— Позвони в неотложку, — сказал он. — Маме плохо. И иди в школу.

— Я не пойду в школу, — сказал я.

— Пойдешь! — сказал он сердито. — Не волнуйся, я сегодня дома.

... В вестибюле школы меня уже ждали Татьяна и Маша.

— Веньки нет, — сказала Татьяна.

Я молчал.

— Что с тобой? — спросила Маша.

Я махнул рукой. Что я буду им говорить?

— Ты что-нибудь узнал? — спросила Татьяна.

— Ничего я не узнал, — буркнул я и пошел наверх.

«Что с тобой, что с тобой». Из-за нее все и случилось, а теперь — «что со мной». Я торчал в коридоре у окна, упершись лбом в стекло. Кто-то тронул меня за плечо. Апологий. Этой-то трясушке чего надо?

— Слушай, Половинкин... — начал он.

— Уйди ты, — сказал я.

— Плюнь ты на этих девчонок, — сказал он. — Я, например, давно решил — будто их и не существует. С ними беды не оберешься. Из-за них все и происходит. Из-за них даже войны начинаются.

— Троянские? — спросил я.

— И Троянская, и...

— Я тебе сейчас такую войну покажу, что ты своих не узнаешь, трясушка несчастная! — заорал я и двинулся на него, но сразу остановился.

Он стоял передо мной бледный-бледный, опустив руки, и глаза у него были такие, как у Повидлы, когда его несправедливо ударишь. Он посмотрел на меня, потом скривился как-то и тихо сказал: «Эх, ты...» — и ушел. Мне стало совсем не по себе. И тут ко мне подошла Маргарита Васильевна. Она смотрела на меня немного прищурившись. Значит, или сердится, или не понимает чего-то.

— Сеня, — сказала она очень серьезно, — ты мог бы посмеяться, ну, скажем, над человеком, который плохо слышит, или хромает, или над тем, кто заикается?

— Н-нет, — сказал я.

— Я тоже так думаю, — сказала она.

Я готов был сквозь землю провалиться. Значит, она слышала, как я на Аполошку орал. Так, может, он трясется от какой-нибудь болезни?!

Ох, и тошно мне стало. Добрый-то ты добрый, Половинкин... да какой же ты добрый?! Наверно, правильно говорил дядя Саша. Не о Веньке я беспокоюсь. Венька мне до лампочки. О себе я думаю. Вот ведь в чем дело! О себе. А у Веньки, может... Нет, почему он хуже меня, когда я и сам не лучше?

Я пошел в класс, сел за парту и написал Апологию записку. «Не сердись!» — написал я и попросил Петьку Зворыкина передать. И смотрел, как записка дошла до Апология. Он развернул ее и прочитал. Некоторое время он не поворачивал головы, но потом посмотрел на меня, и мне показалось, что он улыбнулся. У меня немного отлегло от сердца. И только тут я сообразил, что Апологий-то от меня пересел, а рядом со мной опять сидит Маша. Она шепотом спросила меня:

— Что у тебя за дела с этим... трясушкой? Я хватил кулаком по парте.

— Что с тобой, Половинкин? — спросил математик.

— Это нечаянно, — сказал я.

— Ты что? — удивилась Басова.

— Не смей его больше трясушкой называть! — сказал я сквозь зубы.

— Да что с тобой?

— Не твое дело! И вообще, все у тебя плохое, одна ты хорошая.

Математик опять посмотрел в нашу сторону, и она промолчала. Только обиженно поджала губы. Ну и пусть обижается. Математик несколько раз прицеливался меня спросить, но так и не спросил — наверно, пожалел. А у меня из головы не выходил батя с разукрашенным лицом, и пропавший Венька, о котором отец что-то и без меня знает, и как там ма-

ма?! И еще этот Апологий. Я не заметил, как кончился урок.

На перемене я сразу подошел к Апологию и громко, чтобы слышали все, сказал:

— Ты меня извини. Больше этого не будет.

Ребята удивленно смотрели на нас.

— Да ладно. Да что там, пустяки... — сказал Апологий.

— Нет, не пустяки, — сказал я твердо, хотя мне хотелось удрать куда глаза глядят. — И если хочешь, можешь дать мне по морде.

— Вот дает! — заорал Петька Зворыкин. — Чего это с ним?

— Ничего, — сказал я. — Только если кто будет, к нему приставать, тот получит! По-нятно?

— Чокнулся, Половинкин! — сказал Матюшин. — Кто к нему пристаёт?

— Он сам ко всем пристаёт, — пропищали Зоенька и Юлька.

— Ладно. Кончили этот разговор, — сказал я и вышел из класса.

За мной сразу вышли Татьяна и Машка.

— Ты какой-то странный, Семен, — сказала Татьяна. — Что случилось?

Машка молчала и только поглядывала на меня искоса.

Я сказал:

— Со мной ничего не случилось, а вот с кем-то, может, и случилось.

— С кем? — спросила Татьяна.

— С Венькой? — испугалась Басова.

— Может, и с Венькой, — сказал я.

— Слушай, Половинкин, — рассердилась Татьяна, — мы друзья или нет?

— С тобой еще может быть, — сказал я.

Машка дернула головой, как это она умеет, заложила руки за спину и пошла от нас своей походочкой принцессы. А Татьяна рас- свирепела:

— Пижон ты, Четвертинкин, — сказала она, — хуже девочки. Ну, чего ты выдрючи- ваешься?

— Это я выдрючиваюсь? — медленно спросил я.

— И она выдрючивается, — сказала Татьяна. — Оба вы хороши. Монтекки и Капулетти!

— Кто, кто?

— Некогда мне объяснять. Маша, иди сю- да! — крикнула Татьяна.

Басова нехотя повернулась:

— Ну, что еще?

— Ох, — сказала Татьяна, — я, кажется, сейчас вас обоих лупить буду!

Басова засмеялась. И я не выдержал, тоже засмеялся — уж больно она забавная была, эта Татьяна, сердитая. Я представил, как она нас лупит — очень смешно.

— Ладно, — сказала Маша, — но пусть он...

— Нет, пусть она... — сказал я.

— Пусть вы оба, — сказала Татьяна.

И мы опять засмеялись. А сзади Апологий сказал:

— Переговоры прошли в теплой и дружест- венной обстановке. Целуйтесь.

Я обернулся и по привычке чуть не дал ему по шее, но вовремя удержался.

— Это я так, — дружелюбно сказал Аполо- гий. — Шу-тю. Между прочим, вы Балашовым интересуетесь? Я могу вам кое-что сообщить.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно спросила Машка.

— Я все знаю.

— Ну? — спросили девочки.

Звонок не дал нам договорить.

На уроке я тихо спросил Машу, кто такие Монтекки и Капулетти.

Она почему-то покраснела и сказала:

— Это Ромео и Джульетта.

Больше я ничего не спрашивал. Про Ромео и Джульетту я кино видел. И вообще. Я сидел, уткнувшись в учебник, а на Машу боялся по- смотреть. И она уткнулась в учебник. Два ра- за я наткнулся на взгляд Г. А. — Герки. Он смотрел как-то странно, будто хотел что-то понять и никак не мог. Ну и пусть его смот- рит!

А на следующей перемене меня сразу окру- жили «рохлики». Гринька слегка прихрамы- вал, и одно ухо у него было красное и пухлое, как помидор. «Рохлики» были злые.

— Видал? — спросил Матюшин и ткнул пальцем в Гринькино ухо. Гринька заверещал. Я не выдержал и засмеялся.

— Он еще смеется! — закричал Гринька.

— Знаешь, кто его отделал? — спросил Петька.

— Твои дружки, — сказал Матюшин, — Фуфло и этот, как его... Хлястик.

— Какие они мне дружки? — спокойно спро- сил я.

— А кто своего кабысдоха на нас натра- вил?! — заорал Петька.

— Вы что, ребята? Повидло просто еще ду- рак необученный. Он не понял, на кого кидать- ся надо. А я... так я просто хотел сказать, что с ними по-другому нужно. Просто...

— Все у него просто, — сказал Матюшин.

— Да! — сказал Гринька. — А у меня но- га и вот... ухо.

— Здорово отдули? — спросил я, пожалев Гриньку.

— Здорово, — грустно сказал Гриня. — За- тащили в подворотню и отдули.

— Ну, ладно! — сказал я. — Дождутся они!

И я пошел к Татьяне, Маше и Апологию, которые ждали меня в конце коридора.

— Эти подонки вчера Гриньку избили, — сказал я.

— Это уж... это уж... — забормотала Маша.

— Погоди, — сказала Татьяна. — Логий, повтори, что ты нам рассказал.

Хм-м... Логий. Это, пожалуй, лучше, чем Апик.

— Я вчера видел Веньку, — сказал Аполоний и затрясся, но меня это уже не злило, я только отвернулся, даже и не отвернулся, а просто скосил глаза, чтобы не смотреть. А Маша скосила глаза в мою сторону.

— Где ты его видел? — спросил я.

— На Моховой.

— Одного?

— Нет. Фуфло с ним был и еще какой-то парень.

— Черный?

— Белобрысый. Маленький, но такой... квадратный.

— Тот! — сказал я.

— Какой «тот»? — спросила Маша. — Тот черный.

— Это другой, — сказал я. — Куда они шли?

— Они шли в подвал, — сказал Логий. — Там дом такой есть...

— Когда это было? — перебил я.

— Часов в шесть.

«Значит, это было до того, как я Фуфлу искал, — подумал я, — тогда в подвале уже никого не было».

— А дальше что? — нетерпеливо спросила Татьяна.

— Н-не знаю, — сказал Аполоний.

— А может, там, в подвале... Веньку... — Маша испуганно зажала рот ладошкой. — А мы тут разговариваем, разговариваем... Пошли!

— Куда? — спросила Татьяна.

— Туда... в подвал! — сказала Маша, и глаза у нее стали круглыми.

— Я там был, — нехотя сказал я. — Никого там не было.

Они обе уставились на меня и спросили хором:

— Когда?

Пришлось рассказать, что со мной в этом подвале случилось. Они тихонько ахали и смотрели на меня с уважением. Но когда я кончил рассказывать, Татьяна вдруг возмутилась, и Машка ее поддержала. Они начали кричать, почему я никому, например отцу, не сказал, да как я мог молчать, да зачем я им сразу не рассказал и так далее. Я разозлился.

— Сама же с меня слово взяла, — сказал я, когда они прокричались.

— Так ведь это уже тебя касалось, а не Веньки, — сказала Маша.

— А это все время меня касалось, — сказал я.

Они опять уставились на меня. Я хотел им рассказать про мой разговор с бате́й сегодня утром, и про то, что всю ночь его не было. Но не стал рассказывать, чего уж там...

А на последнем уроке в классе появились завуч Рената Петровна, Маргоша и... капитан милиции товарищ Воробьев в новенькой форме.

Когда все расселись, Рената Петровна постучала ладошкой по столу и сказала:

— Мы пришли нарочно до звонка. Чтоб вы не разбежались. Случилось очень серьезное, очень чрезвычайное, очень неприятное происшествие. Вот, товарищ капитан нам расскажет. А вы слушайте и делайте выводы.

Она укоризненно покачала головой и села.

«Ну, так, — подумал я, — вот и домолчался ты, Половинкин». Я посмотрел на Машу. Она сидела, выпрямившись, а руками прямо вцепилась в парту. Лицо у нее было бледное, и она глаз не сводила с капитана. А Татьяна, наоборот, раскраснелась, положила один кулак на другую, а подбородок уткнула в кулаки и тоже смотрела прямо в глаза капитану. У меня внутри все дрожало, и мне даже казалось, что я весь начал трястись, как этот... Логий.

Капитан Воробьев встал, одернул мундир, обвел нас всех взглядом и сказал:

— Один ваш товарищ попал в беду. Сейчас он находится в больнице с тяжкими... с довольно тяжкими телесными повреждениями.

Ребята загудели.

Герка Александров быстро оглядел весь класс, высматривая, кого нет, и, заметив, что нет Веньки, кивнул головой — дескать, ясно кто. Мне хотелось запустить в него чем-нибудь, но я сдержался. Сердце у меня колотилось, и я представлял себе всякие страшные картины. Подвал и... Веньку.

— А что случилось-то? — спросил Коля Матюшин. — Под машину попал, да?

— Кто попал под машину? — закричал Петька.

— Не перебивайте, — строго сказал капитан Воробьев. — Я все изложу. Под машину никто из вас пока не попадал. К счастью. И, надеюсь, не попадет. В больнице лежит ваш товарищ, — капитан достал из кармана бумажку и посмотрел в нее, — ваш товарищ Вениамин Балашов, тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года рождения, проживающий по улице Моховой... Вчера в 18.30 его жестоко избили. Ваш товарищ...

— Какой он нам товарищ... — заверещали вдруг эти две зануды — Зоенька и Юлька. — Он сам хулиган.

— А ну, цыц, попугайчики! — рявкнул Ко-

ля Матюшин, а ребята зашумели. Зоенька и Юлька обиженно поджали губы.

— Тихо! — сказал Герка. — Продолжайте, товарищ капитан.

Капитан удивленно покосился на Г. А.

— Я продолжаю, — сказал он. — Ваш товарищ в тяжелом состоянии был доставлен в больницу.

— А как это случилось, товарищ капитан? — громко спросила Татьяна.

— Как это случилось? — переспросил капитан. — О подробностях я вам сказать не могу. Будет суд. Но в двух словах скажу. За тем и пришел. Ваш товарищ Вениамин Балашов находился под влиянием плохой компании. Но в критический момент нашел в себе силы и сознательность выйти из-под этого влияния. Как настоящий советский школьник, — капитан наклонился к Маргоше и что-то спросил, а она кивнула в ответ, — как... г-мм... настоящий товарищ, он пришел к нам и сообщил о готовящемся преступлении. Бандиты-рецидивисты выследили и избили его.

В классе опять все зашумели, а Машка сжала мне локоть и в самое ухо сказала:

— А?! Что я говорила?

У меня все прямо перевернулось внутри и очень захотелось выскочить из класса. Но я заставил себя сидеть спокойно.

Капитан Воробьев вдруг широко улыбнулся.

— В общем, хороший парнишка оказался. Просто чудесный парень. Верно ведь?

— Верно! — закричали все и тоже заулыбались, даже попугайчики и те улыбались и кричали что-то радостное. Ишь ты!

Капитан Воробьев постучал ладонью по столу.

— Между прочим, — сказал он задумчиво, — очень нелегкая жизнь была у вашего товарища. Очень.

Он помолчал, а потом строго сказал:

— А вы, наверно, и не знали. Не ин-те-ре-со-вались. Это плохо. В этой компании были еще два подростка, — капитан снова достал бумажку — Константин Коновалов, 15 лет, и Борис Хлястик, 14 лет...

— Фуфло и Хлястик! — крикнул Аполоний. — Я знаю!

Капитан поморщился чуть-чуть и сказал:

— Правильно, это их клички. Но они не нашли в себе смелости порвать...

— А что с ними? — спросил Гриня, потирая свое ухо.

— Это будет решать комиссия, — сказал капитан. — И еще хочу добавить: беды могло бы не быть, если бы... — он обвел взглядом класс, и я опустил голову, так как его глаза остановились прямо на мне, — если бы и другие ваши товарищи тоже не трусили...

Тут мне показалось, что весь класс повернулся в мою сторону.

— Ну, это я так, к слову.

И тут опять все загалдели: «Мы хотели, да мы боролись, да мы...»

Капитан поднял руку.

— Знаю, — сказал он и улыбнулся. — Но здесь не надо никакой самодеятельности.

— А что с этими бандитами? — с любопытством спросил вдруг Аполоний.

— Они задержаны, — ответил капитан. — Должен сообщить, что при операции отличился участковый инспектор лейтенант милиции товарищ Половинкин.

Рената Петровна подумала немножко и захлопала в ладоши. И все захлопали в ладоши. А потом до кого-то дошло, что я тоже Половинкин, и все стали смотреть в мою сторону. И мне стало до того... до того... до того... не знаю, как сказать... Я встал и ни на кого не глядя вышел из класса.

... Полчаса, наверно, я стоял на Фонтанке около спуска, там, где мы с Татьяной ждали Машу. О чем я думал — никому не скажу.

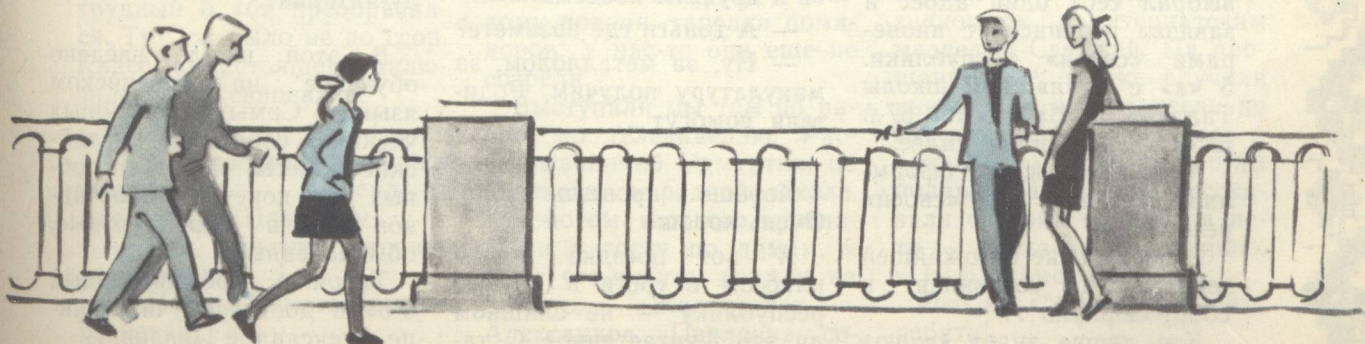
А потом ко мне подошла Маша, а дальше на набережной я увидел Татьяну и с ней почему-то Гриньку, Петьку и Колю Матюшина.

— У тебя яблоки остались? — спросила Маша. — Антоновские.

— Остались, — сказал я.

— Это хорошо, — сказала она. — Сходим к Веньке в больницу?

Я кивнул.

Своя республика

Г. Бельтюков

— Интересно, — спросил я старшую пионервожатую 67-й школы Ижевска, — нет ли среди учеников случайно кого-нибудь, кто бы переписывался с пионерами из других городов?

— Как же! Есть! — сказала вожатая.

— Хорошо! — обрадовался я. — В каком это классе?

Мой вопрос озадачил старшую вожатую, она взглянула на меня с удивлением:

— У нас переписываются все пионеры всех классов.

На другой день я — на заседании штаба «Мое отечество». Здесь обсуждали, как лучше провести сбор «Созвездие наших республик».

Уже давно каждый класс выбрал себе один адрес и завязал переписку с пионерами «своей» республики. 5 «а» с 5 «а» 67-й школы Таллина, 5 «б» с 5 «б» 67-й школы Киева и так далее.

И каждый класс оформлял к сбору зал «своей» республики...

В обстановке строжайшей секретности готовился к сбору сюрприз...

Кто лучше знает «свою»

республику, решит жюри. Победителю — приз.

Учителя истории, географии, домоводства, пения с удовольствием помогали ребятам.

— Сначала кое-кто в совете дружины возражал против сбора, — сказала старшая вожатая. «Да стоит ли? Да зачем?» Но штаб пришел на совет и доказал: стоит!

— Переписываться ради такого сбора — это, конечно, здорово, — согласился я со старшей вожатой. — Ну, а потом что же, после сбора? Кончать переписку?

— Зачем? Марш «Всегда готов!» рассчитан надолго. Будем продолжать. А со временем, может быть, в гости к друзьям поедem.

— А деньги где возьмете?

— Ну, за металлолом, за макулатуру получим. Родители помогут...

Хорошо провели сбор. Очень хорошо.

А вот поездка целым классом в гости в другую республику — не слишком ли это фантастично? С та-

кими сомнениями я пошел в Дом пионеров.

В Доме пионеров выяснилось, что 67-я школа — не исключение. Почти все школы Ижевска ведут переписку с пионерами разных краев.

— А поездка целым классом в другой город — это реально? — спросил я завуча Дома пионеров.

— Из Казани приезжали как-то сразу сто пятьдесят пионеров. В 43-ю школу, — сказала завуч. И достала из стола кукол в изумительно красивых татарских костюмах. — Вот привезли нам подарок. Сами вышивали. Правда, замечательно? А во второй школе-интернате еще лучше!

Я поехал во вторую школу-интернат.

В этой школе введено обучение на английском языке. Самых способных учеников собрали в английские классы, менее способных и, конечно, двоечников — в параллельные, обыкновенные.

Такой-то «обыкновенный 5-б» и достался учительнице Александре Павловне.

Вот это был класс!

Если бы только двоечники — это еще полбеды. Но — и с озорниками сладу нет, они разбегались из школы, и вечерами Александра Павловна разыскивала своих нерадивых питомцев...

Самое плохое было в том, что ученики разных национальностей, русские, удмурты, татары, не дружили между собой... И даже дразнили друг друга обидными, казалось бы, давно забытыми кличками. Александра Павловна убеждала, что позорно дразнить человека только за то, что он иной национальности — помогало мало, убеждение действовало слабо. Что делать, как быть?

Тогда Александра Павловна вспомнила о Клубе интернациональной дружбы.

Письма в разные республики! Один пишет, остальные подсказывают. Потом трудное ожидание: ответят ли? Выйдет ли что?

Отозвался Киев. Затем Минск, Ашхабад.

И постепенно завязывалась переписка. Обмен открытками, посылками, магнитофонными записями.

Общее дело, общий интерес всегда сближает людей. Начал складываться коллектив.

Когда же стало известно, что самый дружный класс поедет в гости к ребятам из других городов, бывший трудный 5 «б» преобразился. Тут уж было не до ссор. Класс по-настоящему включился в соревнование.

— Можно увидеть ваших учеников? — спросил я Александру Павловну.

— Нет, они уже окончили школу.

— И как? Помогло им соревнование?

— Это был самый дружный класс в школе, — гордо сказала Александра Павловна. — По всем видам соревнования мы занимали первые места. Все мои ребята экзамены сдали хорошо.

— Ну, а как с поездкой? Вышло что-нибудь?

— А вот пойдете в наш музей.

Когда Александра Павловна сказала: «наш музей», я не обратил внимания на это слово. Думал: ну, просто уголок. А она привела меня действительно в музей. Огромный зал с экспонатами. И еще другой зал, поменьше, и тоже стеллажи от пола до потолка.

Меня заинтересовали стенды Клуба интернациональной дружбы. Сувениры, сделанные руками пионеров всех 15 союзных республик. Принесла Александра Павловна и тяжелую стопку альбомов.

— Знакомьтесь. Путевые дневники, путевые альбомы моего класса.

Ижевск—Киев. Ижевск—Минск. Ижевск — Ашхабад...

— В Ашхабад приехали в час ночи, — сказала Александра Павловна. — Опасались, встретят ли. Встретили! С автобусом! Переночевали в школе, а утром чуть свет во дворе полным-полно ребят. Головки у всех черные, глаза блестят. И угощали нас щедро — каждому полная тарелка помидоров. У нас-то они еще не созрели.

Выступали мы там по радио, по телевидению. Рассказывали об Удмуртии, об Ижевске, о родной школе.

А потом каждого приглашали в гости по домам, и всем что-нибудь дарили на память. — Жалко вот, — Александра Павловна со-

крушенно окинула взглядом полки музея, — места не хватает для экспонатов...

Александра Павловна стала рассказывать о поездках в другие республики. Я слушал и, слушая, начал убеждаться, что люди переписываются друг с другом, чтобы лучше узнать друг друга. Узнавая, они начинают больше уважать других людей. И лучше понимать самих себя. Свои достоинства и свои, может быть, недостатки. Сравнение — важно!

В музее сидела маленькая девочка с книгой в руках.

— Ты тоже собираешься куда-нибудь поехать? — спросил я ее.

— Да, — ответила, потупившись, девочка. — В Воркуту.

— Это Катя Вахрушева из моего класса, — сказала Александра Павловна.

Катя протянула мне свою книгу. Это был путевой альбом их класса. Шестиклассники уже были в Казани, и теперь боролись за право поездки в Воркуту, соревновались с 6 «а» классом воркутинского интерната.

— Пока у нас счет... ничейный, — сказала Катя. — 1:1 по неуспевающим.

Мне пора уходить, но Катя сказала, что шестиклассники еще хотят рассказать о том, как принимали гостей из Воркуты, как водили их в цирк, как познакомили с интернатским медведем Сережей. На прощание мне, гостю, вручили книжку — путеводитель по Ижевску. Это уже вошло в привычку — дарить гостям подарки. И еще мне рассказали о своих планах на лето — поехать в Башкирию, в Нефтекамск...

Что ж, доброго пути вам, ребята!

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗ

Борис Раевский

Рисунки Ю. Шабанова

Бабушкин неторопливо, как и положено солидному страховому агенту, шел по улице. Был Иван Васильевич в черном кастровом пальто и котелке. В левой руке нес отливающую глянцем внушительную папку. На ней вытиснен распростерший крылья огромный двуглавый орел. И золотом напечатано: «Страховое общество «Феникс».

Уже полтора месяца работает Бабушкин страховым агентом. Привык помаленьку. Как и к своей новой фамилии — Шубенко. Впрочем, столько профессий и фамилий сменил Бабушкин за последние годы! И слесарем был, и кладовщиком, и столяром, и землекопом, и

коробейником. И Богданом, и Трамвайным, и Вязьминим, и даже женщиной был — «госпожой Новицкой», — в письмах его так называли.

«А что? Удобную работенку я подобрал, — уже в который раз с удовольствием отметил Бабушкин. — Страховой агент. Целый день броди, где хочешь, в любую квартиру заходи. Кто полюбопытствует: страхую — и весь сказ».

Идет Бабушкин по Малой Охте, повернул к своему дому. Глядит: ну, конечно! У ворот с метлой — дворник Харитон. Высокий и, как всегда, чуточку торжественный. И, конечно, в белом фартуке, а на груди — сияющая медная

бляха. Другие дворники нацепляли ее только в парадных случаях, а Харитон — всегда.

Этот Харитон попортил Бабушкину немало крови. Иван Васильевич понимал, что как и многие столичные дворники, Харитон — тайный осведомитель охраны и «приглядывается» к жильцам.

Когда Бабушкин приблизился, Харитон переложил метлу в левую руку, приподнял картуз и почтительно пробасил:

— Здравия желаем, господин Шубенко!

— Здравствуй, любезный! — ответил Бабушкин и остановился у ворот, глядя на тусклое, словно затянутое серым тюремным одеялом, питерское небо. — Погодка-то опять подгуляла...

— Одно слово — климат! — многозначительно произнес Харитон, с уважением поглядывая на тисненную золотом папку.

Такой разговор повторялся у Бабушкина с дворником ежедневно. А иногда Бабушкин еще совал Харитону монетку — «на чай». Денег всегда не хватало, но перед дворником — хочешь не хочешь — держи фасон.

По двору Бабушкин прошел все так же солидно, неторопливо, но едва очутился на лестнице, быстро взбежал на второй этаж, влетел к себе в квартиру и крикнул:

— Пашенька! Покорми голодного.

Ел он тоже торопливо и все время поглядывал на часы.

— Умаялся, поди? Приляг, — сказала мужу Прасковья Никитична. — День-деньской мотаешься. Всех страхуешь, от пожаров, наводнений, увечий. А себя не бережешь...

— Если бы вот от жандармов застраховаться — я бы с радостью, — отшутился Иван Васильевич. — А отдыхать, Пашенька, некогда. Наш брат, знаешь, где отдыхает? В тюрьме!

— Типун тебе на язык! — замахала руками жена. — Ну, опять небось в трактир?

— Опять! — засмеялся Бабушкин. — Не бойся, Пашенька, не сопьюсь!

Он подошел к кровати — точнее, ящику от комода, в котором спала Лидочка. Дочке было четыре месяца. Во сне ее левая ручонка как-то выпуталась из пеленок, и Лидочка держала ее возле лица, смешно шевеля пальчиками. Прикосновения этих пальчиков, видимо, беспокоили девочку, она морщила носик и надувала губы, будто хотела сдуть что-то.

Иван Васильевич осторожно заправил ручку в пеленку и поспешил к двери.

На улице он опять сразу стал неторопливым, солидно прошагал мимо Харитона и, только скрывшись за углом, вновь заспешил.

Вскоре он уже был у своего товарища — Петра Градова.

Задержав занавеску, Бабушкин быстро скинул черный триконый костюм-тройку, крах-

мальную сорочку, штилеты, в которых колесил по городу «страховой агент Шубенко». Так же быстро надел сатиновую косоворотку, суконные брюки, подпоясался широким ремнем, натянул высокие сапоги. Вместо шляпы-котелка и черного касторового пальто Бабушкин надел потертую фуражку и старенькую туужурку.

Конечно, проще было бы переодеться у себя дома. Но — нельзя. Харитон увидит — обязательно заподозрит неладное.

— Ну? — сказал Бабушкин. — Пошли?

Петр Градов обошел вокруг него, оглядел, все ли в порядке.

— Пошли, — кивнул он.

На конке добрались до Невской заставы.

Улицы были малолюдны и плохо освещены. С неба сеял редкий снежок и сразу превращался в грязь. Под ногами хлюпали зияющие проломами деревянные мостки. Сбоку тянулся забор, залатанный ржавыми обрезками кровли. Длинный — казалось, нет ему конца.

Иван Васильевич шагал уверенно. Места знакомые. Здесь, за Невской заставой, много лет назад слесарил он на Семянниковском заводе. «Когда же это было? Лет семь... Нет, восемь. Да, лет восемь назад. А кажется — так давно!...»

— Сюда? — спросил Петр.

Трактир «Бубна звон». На вывеске две огромные кружки с пивом, лихо пенящимся через край.

Возле трактира мерно прохаживался городской в черной шинели с шашкой на боку.

Бабушкин открыл дверь. Сразу же ударило в нос кислотой и запахом водки. Из «музыкальной машины» неслись бойкие звуки мазурки.

В тусклом низком зале быстро и ловко шмыгали половые с перекинутыми через локоть полотенцами, с подносами, густо заставленными пивом, водкой, закусками.

Стены трактира, выкрашенные в «веселый» канареечный цвет, были увешаны лубочными картинками. Но что на них нарисовано, не разобрать, свешивающиеся с потолка керосиновые лампы, как в бане, окружены облаками пара.

Бабушкин и Петр пересекли зал, заполненный десятками людей, и прошли в соседнюю комнату. В ней стояли два больших, обтянутых зеленым сукном стола. Игроки — подвыпившие рабочие парни — длинными полированными киями азартно гоняли костяные шары. После ловкого удара шар со стуком влетал в лузу.

Бабушкин и Петр, не задерживаясь, прошли в третью, заднюю комнату. Здесь было гораздо тише, чем в зале и бильярдной. За столиками сидело десятка два рабочих. В углу сто-

ял высокий сутулый мужчина и что-то говорил. Когда он открывал рот, под пышными усами виднелись длинные зубы. Волосы у него были приглажены, смазаны чем-то и челкой спускались на лоб. Мужчина был в простеньком кургузом пиджачке, из рукавов чуть не по локоть вылезали крепкие волосатые руки.

Небольшая комната освещалась одной керосиновой лампой-молнией, подвешенной к потолку на бронзовых цепочках.

Бабушкин, стараясь не шуметь, прошел к столику, над которым висела лампа, сел и заказал бутылку пива.

Петр сел за соседний столик.

— Братцы-мастеровые, — то и дело приглаживая челку, говорил усатый. — Тяжко скорблю я о вашем житии. Некоторые из вас, овцы заблудшие, слушают наущения дьявола, устраивают стачки и прочие беспорядки. А к чему? Детишки ваши малые голодом мучаются из-за этих стачек. Жить надо по-божески. Миром, полюбовно поладим с начальством. Оно учтет скудость нашу, надбавит заработок. Ежели кто чем недоволен — приходите в наш «Рабочий Союз» — мы всегда поможем...

Бабушкин украдкой оглядывал соседей. На столиках стояли бутылки, но сидели все тихо и слушали усатого.

Бабушкин внимательно присматривался к нему. В кургузом пиджачке и узких, коротких брюках усач напоминал рабочего. Но иногда расправлял плечи, делал несколько шагов и четко, по-военному, поворачивался, тогда Бабушкину казалось, что это — переодетый полицейский. Но говорил «полицейский» почему-то как дьячок.

«Наверно, попом был когда-то, да за пьянство изгнан», — поглядывая на его багровый с сизыми прожилками нос и мутные глаза, подумал Бабушкин.

— Удивительное дело, — шепотом, но таким громким, чтобы слышали все сидящие, сказал Бабушкин соседу по столику. — Вот у нас сейчас — рабочее собрание. А возле трактира стоит городской. И носом не ведет. Будто его и не касается. Впервые такое вижу. Обычно, как рабочие соберутся — полиция сразу разгоняет...

Сосед Бабушкина — пожилой наборщик — усмехнулся, но ничего не ответил. За другими столиками переглянулись.

Усатый забеспокоился, хмуро поглядывая на Бабушкина, он повысил голос.

«Неплохо поставил дело жандармский полковник Зубатов, — думал Бабушкин. — Хитрая бестия! Понимает: только тюрьмами да ссылками революцию не остановишь. И вот додумался: устроил свой фальшивый «Рабочий Союз». Зачем, мол, вам, рабочим, вступать в подпольные кружки, прятаться, скры-

ваться? Нате вам «Рабочий Союз», собирайтесь открыто, толкуйте, о чем хотите. Хитро! «Союз» рабочий, а во главе — жандармский полковник!»

Бабушкин посмотрел на Петра Градова. Тот сидел, положив тяжелые руки на стол, и словно бы внимательно слушал усатого.

Бабушкин тоже стал слушать.

«Ишь, как этот проповедник сладко поет, — подумал он. — Сейчас, наверно, скажет: ни к чему рабочим политика, нечего думать о революции, сам царь улучшит вашу жизнь».

И действительно, словно подслушав его мысли, зубатовец сказал:

— Зачем вам заниматься политикой, православные? От сотворения мира так поставлено: мастеровые работают, фабриканты — управляют. Сам царь-батюшка денно и нощно радуется о нас, рабочих...

— Дозвольте вопросик? — перебил его Бабушкин. — Вот вы говорите: царь-батюшка и заводчики сами все сделают для рабочих, — смиренно сказал Бабушкин. — Полюбовно, мол, надо, по-божески. А скажите, божий человек, — что, как заводчик не согласится на уступки?

— Еще раз попросить! С миром в сердце, а не как социалисты — суть смутьяны и бунтовщики, — ответил зубатовец. — Вот на Нобеле наш «Рабочий Союз» попросил — и плату увеличили...

— Увеличили! — гневно воскликнул Бабушкин. — Копейку на рубль накинули! Как нищим милостыню!

— А у нас вот, на Семянниковском, попросили «с миром в сердце», а хозяин казачков вызвал! Да с нагаечками! — ехидно выкрикнул низенький клепальщик из-за крайнего столика.

— А у нас на стеклянном старшой — он из вашего этого «Рабочего Союза» — с хозяином за ручку здоровается, — поддержал его бильярдист с кием в руке. Бабушкин и не заметил, когда тот вошел в комнату.

— Это что — вот у нас история была! — крикнул немолодой уже рабочий, сидевший за тем же столиком, где и Петр. — Мастер мне говорит: нужно прочистить заводскую трубу. А у нас завсегда так заведено: как чистить трубу — значит, бери скребок, садись голым в мешок, и тебя на веревке спускают в трубу... Я говорю мастеру — не полезу. Пускай хозяин не скупердяничает, наймет трубочистов. А я — слесарь. Нет таких прав — в мешок меня голым пихать. Я же все-таки не кутиенок слепой?! Мастер к другому рабочему, к третьему, а мы заранее уговорились: все отказываемся. И тут — что б вы думали? — один холуй из этого самого «Рабочего Союза» скидывает рубаху, портки и берет скребок...

Шум в трактире нарастал.

— Настоящие друзья рабочих — социал-демократы, искровцы, — громко заявил Бабушкин. — А этот «Рабочий Союз» правильнее называть «полицейским союзом»! Посмотрите-ка на этого тихоню, божьего человека: он того и гляди кликнет околоточного!

Этого уж усатый не выдержал.

— Держи его! Бунтовщик! — закричал он и бросился к Бабушкину. — Полицию!

— Вот так рабочий! Ай да божий человек! Городовых зовет!

Несколько рабочих и Петр Градов, вскочив, загородили дорогу зубатовцу, который рвался к Бабушкину.

— Ах, так! — заорал усатый и вдруг, схватив из кармана свисток, пронзительно заверещал на весь трактир.

Но Бабушкин был готов к этому. Не первый раз сталкивался он с зубатовцами.

— Рассвистелся, соловей, — усмехнулся он,

и, схватив табурет, с маху ударил им по лампе.

В крошечной темноте со столов со звоном посыпалась посуда.

— Батюшки! Жизни решили! — вдруг басом взревел кто-то.

По голосу Бабушкин узнал зубатовца. В углу уже шла потасовка. Очевидно, усатого били. И крепко.

Пользуясь суматохой, Бабушкин незаметно вышел из трактира и остановился неподалеку в переулке. Вскоре к нему подошел Петр.

— Ну? — спросил Бабушкин.

Петр кивнул. Мол, все в порядке.

— Тогда вот что... Ты двигай домой. Тебе ведь завтра в шесть на завод. А у меня еще одно дельце есть. — Бабушкин пожал руку Петру и быстро зашагал прочь.

Он торопился. Сегодня вечером зубатовцы устраивали еще одно собрание, в ночлежке на Сенной площади. Бабушкин надеялся еще успеть и туда.

СЕРИЯ СЕДЬМАЯ
„Осенняя встреча“

1. Знакомьтесь
„Ночная смена“
2. Наш пишет „ПЗУТС“
3. Наш гость — полковник
из Варшавы
4. Спрашивайте
„неуловимых“

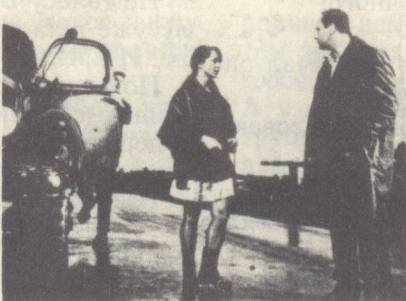
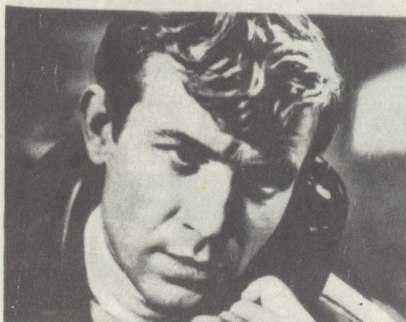
ЗНАКОМЬТЕСЬ — „НОЧНАЯ СМЕНА“!

Только что по экранам страны прошел фильм о жизни современного рабочего класса «Ночная смена» (авторы сценария А. Гельман, Т. Калецкая, режиссер Л. Менакер, оператор В. Карасев, исполнители главных ролей: нар. арт. СССР Ю. Толубеев, артисты Г. Корольков, А. Чернова, В. Владимиров, Г. Штиль, В. Павлов, Ю. Визбор).

Наш корреспондент задал кинодраматургу А. Гельману несколько вопросов:

— Скажите, пожалуйста, положены ли в основу вашего сценария подлинные случаи?

— Мы оба — Татьяна Калецкая и я — еще недавно жили и работали в Киришах на строительстве огромного нефтеперерабатывающего завода. Кое-что из того, что мы видели и пережили на этой стройке, вошло в сценарий. Некоторое время я сам был в Киришах диспетчером стройуправления и потому из «первых рук» знаю, чем занимается наш герой. Когда же мы писали о бригадире Павле Егоровиче Пономареве, то вспоминали другого бригадира — Павла Потаповича Пономарева, даже сохранили его имя и фамилию. «Ночная смена», разумеется, не документальный фильм, герои и события картины во многом не похожи на подлинные людей и на действительные события. И все же мы считаем, что картина отразила то, что часто случается в жизни. Вот подтверждение тому: картину смотрели киришане — наши первые зрители — и приняли ее хорошо. Когда режиссер фильма Леонид Менакер вез коробки с лен-

тами в Кириши на премьеру, он очень волновался, а вернулся в Ленинград после просмотра в отличном настроении. Это, конечно, не означает еще, что в фильме все удалось...

— Чему вы хотели научить зрителей, или, точнее, какие качества хотели воспитать у них!

— Начну издалека. Каждый человек, с одной стороны, как бы отдельное существо — личность, а с другой стороны, — ведь мы живем в обществе, — он только один из многих, один из всех, один из нас. А это не каждый помнит и понимает или, бывает, и помнит и понимает, но в поступках своих не учитывает. Скажем, эгоист. Он только о себе, о своем благополучии заботится, только со своими интересами считается. И в нашем фильме есть такие люди. Они готовы пойти (и идут) даже на явную подлость, лишь бы им было хорошо, лишь бы побольше заработать. Вот против таких людей, против таких поступков мы выступаем в нашей картине. Конечно, каждому человеку необходимы деньги. Но некоторые люди стремятся, что называется, «урвать» их любым, даже нечестным путем, теряя совесть, теряя рабочую гордость, справедливость. Если такой ценой достаются деньги, это плохо — и не только для других, за чей счет стремятся нажиться рвачи, но и для самих этих людей: им приходится гордиться не тем, что они настоящие люди, а тем, что у них много пар штанов. Однако нелегко всегда правильно соединять интересы материальные и духовные, нравственные. Мы стремились, чтобы наша картина помогла преодолеть эту трудность...

Хочу добавить: до того как стать диспетчером, я десять лет был рабочим и, мне кажется, знаю жизнь рабочих не со стороны, а изнутри. Наверное, некоторые ребята считают рабочие профессии неинтересными, — я хотел бы возразить им: в жизни нет неинтересных профессий...

— Не собираетесь ли вы сделать фильм специально для детей?

— Сейчас мы работаем над сценарием, герой которого, мальчишка шестнадцати лет, приходит работать на завод. Он учится на слесаря. У него — так уж вышло — сразу два учителя: два сорокалетних человека, у которых имеются дети, ровесники нашего героя.

Это будет фильм о том, как юноше впервые в жизни приходится разбираться в довольно сложной бытовой и производственной обстановке, о том, как это нелегко и как необходимо.

Наш «Киноклуб» растет. В него вступают новые члены, мы получаем от них все больше и больше интересных писем. Одно из таких писем мы решили здесь напечатать, хотя в нем и нет ни одного слова о кино.

Дорогой «Костер», дорогой помощник президента Киноклуба Маргарита Павлова!

Спасибо вам за поздравления и за ответы. Еще большое спасибо за то, что прислали советы, как делать куклы из папье-маше.

Мы рассказываем о нашем кружке «ПУПС».

У Коли Оборина есть сестра Оля. Она однажды купила ему двух кукол: Буратино и козла. С этого все и началось.

5 декабря 1968 года он купил еще двух кукол: Карандаша и Дюймовочку. К нему пришли Левкин и Юликов и стали думать, что им поставить. Оборин придумал сценку «Козел-проказник», а 9 декабря уже была поставлена пьеса с декорацией. В классе все хохотали над тем, как Буратино, Карандаш и Дюймовочка прочили козла.

Прошел ровно год, и мы вспомнили о куклах и поставили эту сценку в 1-м классе.

С этого дня у нас пошло.

«День родной» — была вторая пьеска. Наш кукольный кружок рос и рос. Оборин собирал ребят — тех, которые хотели показывать пьесы в кукольном театре. Копили деньги и покупали куклы (всем вместе) в Вышнем Волочке. Наша цель была — помогать младшим. Мы показывали кукол в детском саду, в школе, в лагере, на улице и дома.

Сейчас театр вырос. В нашем кружке тринадцать мальчиков и девочек. Есть один октябренок из 1 «а» класса, Миша Колчин. У нас тринадцать кукол. Некоторые уже сделаны из пластилина.

Мы поставили шестнадцать сценок. Многие написаны Обориным Колей. У нас есть и сцен-

ки, которые прошли очень удачно. Это сценки и сказки: «Дружба всего дороже», «С Новым годом, или Новогодняя сказка», «На границе», «Как козел зайку обидел», «Незнайка и его новые приключения», разные концерты и сценки.

Сейчас мы готовим «Сказку про царя Крестовика и его рать». Мы сейчас очень усердно работаем. Эту пьесу написал в нашей тетрадке Оборин Коля.

Репетиции у нас проходят успешно. Мы собираемся в классе, и каждый репетирует свою роль. Потом читаем и играем все вместе.

Мы все дружим.

Нас часто называют «Пупсятами», но мы не обижаемся, ведь у нас есть девиз

«Пусть
Успеху
Поможет
Смех».

Напишите нам, что хорошего в нашем кружке «ПУПС».

Ученики 6 «а» класса поселка Красный
Май Вышневолоцкого района
Калининской области

КТО ХОДИТ В КИНО

Читателям журнала КОСТЕР
от имени
экипажа «102»

Вернулись до дому, во огне опалены...

Полковника Януша Пишмановского в Польше хорошо знают. Он популярный писатель, известный журна-

лист, драматург, публицист, общественный деятель, педагог... Но, конечно, самую большую известность принесли Пишмановскому его книга «Четыре танкиста и собака» и сделанный по этой книге многосерийный телевизионный фильм.

По просьбе кино клуба «Костра» наш друг и специальный корреспондент Вацлав Биско встретился в Варшаве с полковником Пишмановским и записал его рассказ.

— Замысел телефильма возник у меня почти параллельно с работой над повестью, в 1964 году. Над кар-

тиной работал режиссер Конрад Наленцкий (творческое объединение «Сирена», Вроцлав). И книга, и фильм полностью опираются на мой солдатский опыт, на фронтовые наблюдения.

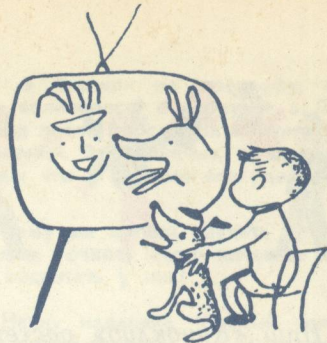
Приступая к работе, я изучил вдоль и поперек 227 солдатских воспоминаний о войне. Воссоздавая образы героев, эпизоды, в которых они участвовали, я старался достоверно передать атмосферу военных будней. Иногда — как мне кажется — был достигнут некоторый успех: об этом свидетельствуют письма очевидцев событий тех лет. Например, в командире экипажа «Руды» узнали себя Павел Мижур из Днепропетровской области и Виктор Тюфяков из Алматы. Узнали себя также две Лиды: одна из Щецины (Лидия Гайова), другая из Варшавы (Лидия Новаковская). Прототипом Янка Косы был Станислав Ржештук из Зеленогурска (он погиб в 1944 г. в Праге под Варшавой), а Станислав Щепаняк из Вроцлава послужил прототипом для образа морского пехотинца.

Что касается Шарика, то он задуман как своеобразный литературный памятник нашему другу — фронтовой собаке. На фронте солдаты часто встречали беспризорных, прилудных псов, и как правило, они не проходили равнодушно мимо этих животных: кормили, пригревали, приручали... Они служили солдатам не только для забавы: часто оказывали большую помощь в бою и многие из них погибли. Вот прототипом Шарика и была одна из таких фронтовых собак — Аза. Она тоже погибла. А «сыграл» Шарика в фильме специально обученный, выдрессированный милицейский пес.

После выхода первого цикла серий я получил около 24 000 писем из

Польши и из-за границы. Их авторы единодушно выражали желание, чтобы было рассказано, как сложится судьбы героев и дальше, в мирное время. Восемьдесят процентов моих корреспондентов потребовало, что-

бы Янек Коса с Марусей поженились! А более взрослые корреспонденты прислали мне в дар и собственные воспоминания о войне. Я подумал и решил, что продолжить «Танкистов» — это для меня как бы заказ общества. И взялся за работу.

Действие нового цикла будет происходить в апреле 1945 г. Экипаж «Руды» направится из Гданьска в штаб 1-й армии Войска Польского (в район Грифик) и примет участие в схватках с десантами, действующими в наших тылах. Он будет участвовать в обороне побережья, в форсировании Одера, сражаться под Берлином и в Берлине, дойдет до Эльбы. Действие последней серии по желанию моих корреспондентов-зрителей будет происходить в первые послевоенные дни, и все персонажи погу-

ляют на свадьбе некоторых знакомых вам лиц!

Пять лет назад, когда состоялась премьера первого, восьмисерийного цикла нашего фильма, редакция детского телевидения ввела в свою программу новую передачу — «Клуб танкистов». В игре (потому что «Клуб танкистов» — это, конечно, игра, а вовсе не новая общественная организация) могли участвовать «экипажи», то есть четыре человека, объединенные готовностью выполнять задания штаба «Клуба» и вдобавок имеющие на воспитании какого-нибудь своего «Шарика», то есть зверька, которому экипаж покровительствует¹.

¹ Об этом «Клубе» см. в «Костре» № 2, 1970 г. «Киноклуб» № 1.

Все члены экипажей, принявшие участие в игре, получили удостоверение «Клуба танкистов», на обороте которого были напечатаны обязательные законы «Клуба», а в них, между прочим, сказано, что командир имеет право свободно выбрать себе любых товарищей по экипажу. И вот в один из экипажей была принята «танковая»... бабушка! А командиром другого экипажа стала маленькая «танковая» дочка, которую беспрекословно слушались все члены ее экипажа, в том числе ее папа и старший брат.

Но это были экипажи, набранные, так сказать, по «семейному» принци-

ты его «экипажей» оказались не игровыми, а вполне серьезными и общественно важными. Например, в знаменитой операции «Лед» наши «танкисты» помогли очистить дороги, устроить катки, дорожки для саней.

В другой раз им дали задание отыскать людей, которые участвовали в освобождении родных городов и сел «танкистов» от гитлеровцев. Приходилось им отыскивать и мастеров, известных в своей отрасли труда. В последнее время «экипажи» вступили в борьбу с огнем, и у них появился новый девиз: «Танкисты на страже — пожар не страшен». И вот итог: в трехнедельной «Битве с огнем» «экипажи» предупредили, по меньшей мере, семьсот пожаров!

Самое лучшее и самое интересное,

что есть в работе харцерских отделений «Клуба танкистов», потом распространяется среди всех неорганизованных в отряды ребят и даже среди взрослых. Более того, целые государственные учреждения принимают иногда участие в выполнении заданий «Клуба».

Неслучайно ведь народный Совет Подгуржинского района в Кракове дал одной из краковских улиц новое название — «Улица четырех танкистов»!

В последней операции «Клуба танкистов» под кодовым названием «Битва за жизнь» приняли участие не только «экипажи» танкистов, но и уездные советы, и отделения милиции: все вместе они несколько недель энергично вели кампанию по борьбе с происшествиями на дорогах.

пу. А возникали и другие, из ребят одного класса, одной школы, одного интерната, даже одной больничной палаты. Сейчас «Клуб танкистов» насчитывает около шестидесяти тысяч экипажей. Хочу особо отметить, что среди них есть около трех тысяч членов нашей «Старой гвардии» — тех ветеранов, которые вступили в «Клуб» еще во время демонстрации первого цикла «Танкистов» — в 1966 году!

Хотя по форме «Клуб танкистов», повторяю, игра, но результаты рабо-

СПРАШИВАЙТЕ „НЕУЛОВИМЫХ“!

Наверно, нет таких ребят в нашей стране, которые не знали бы про отважную четверку «неуловимых мстителей». И каждый не прочь поговорить с Данькой, Яшкой, Валеркой и Ксанкой, задать им самые разные вопросы.

Мы даем вам эту возможность, ребята. Киноклуб объявляет конкурс на самый интересный вопрос к «неуловимым». Вопросы победителей будут заданы отважной четверке, а их ответы опубликованы в «Костре».

ИЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО

Кронштадтский детектив

ПОВЕСТЬ

Вадим Ифантиев

Рисунки А. Сколзунова

Поначалу новая работа мне даже нравилась. После темной душной мастерской, где в запыленных окнах луч солнышка редко увидишь, теперь весь день от восхода до заката — на льду. Кругом простор такой, что даже крикнуть во всю грудь хочется что-нибудь задорное. А тут уже солнце на лето повернуло, а зима на мороз. Февраль. Все чаще стали выдаваться солнечные дни с ветерком, и наши лица, мое и Артура Максимовича, стали черными, как у арапов.

Артур Максимович был неразговорчив и угрюм, но так... ничего себе, чужак, конечно, как и всякий барин. Вначале я все пытался спорить с ним, удивляясь его упорству. Пробей ему лунку именно в этом месте. Я ему и говорю:

— Артур Максимович, ну зачем здесь? Здесь же, видите сами, — снега намело, а саженья в десяти лед чистый.

А он свое — пробивай, где указано.

Мне что? Каждая лунка — в семью копейка, а работы я не боюсь. За день только несколько раз колушек на плечи накидывал, а то все работал в старой отцовской душегрейке, и ту расстегивал то и дело. Лед чуть не в аршин толщиной, пока его пробьешь — от тебя пар валит, как от паровоза. И сидеть у лунок долго не приходилось. Так и условились — ловить в каждой лунке не более четверти часа, а Артур Максимович в книжечку записывал, сколько в какой лунке поклевков было. Он мне так и разъяснил, что поймал рыбу, не поймал — твоя удача, а вот сколько ее подо льдом ходит, можно судить только по поклевкам.

Уставал я за день сильно. За ужином лицо горело, ложка из рук валилась и в сон тянуло так, что вот-вот носом в тарелку с горячей кашей воткнешься. Я даже читать по вечерам не мог, какая бы интересная книжка ни была. Ресницы хоть руками разлепляй, словно кле-ем намазаны, буквы расплываются и ничего написанного понять не можешь. Только ляжешь в постель, как уже мама за плечо трясет и говорит: пора.

Ровно в полдень, точно по часам и удару кронштадтской полуденной пушки, Артур Максимович заявлял:

— Стоп. Время обедать. Адмиральский час, как говорят моряки.

Он садился на ящик, вынимал из внутреннего кармана небольшую серебряную фляжку, делал несколько глотков, крякал, завинчивал крышечку и прятал фляжку обратно. Затем вынимал из ящика клеенчатый мешочек, расстилал на коленях салфетку, выкладывал на нее толстые ломти ситного хлеба, намазанные маслом и сверху прикрытые кусками ветчины или пластинами сыра. Ох и вкусная же штука ветчина! Я ее раньше не пробовал. Артур Максимович каждый раз давал мне кусочек. Я ее сразу не ел, берег под конец. Быстро уплетал краюху хлеба с луком и вареную картошку с квашеной капустой, что мать мне утром собирала, а затем принимался за угощение. Ветчина розовая, нежная, жуешь и глотать жалко: уж больно вкусно.

Артур Максимович задумывался, глядя на Кронштадт или в сторону Петербурга. Поев, он закуривал душистую папироску, выпускал тонкою струйкой дым и все смотрел на Кронштадт.

Я тоже очень люблю смотреть на Кронштадт. Вспоминаю каждую его улицу, каждый дом, булыжник мостовых и каменные плиты его тротуаров. Раскатистый стук подошв матросских отрядов. Красиво одетых офицеров, прогуливающихся с дамами, от которых пахнет духами. Перезвон склянок с кораблей, стоящих на рейде и в гаванях. По вечерам — музыку духового оркестра в Петровском парке... Мне очень хотелось вернуться в Кронштадт, мне все казалось, что там жилось нам лучше, хотя отец в Сестрорецке зарабатывает больше...

Бросив окурочку, Артур Максимович строго говорил:

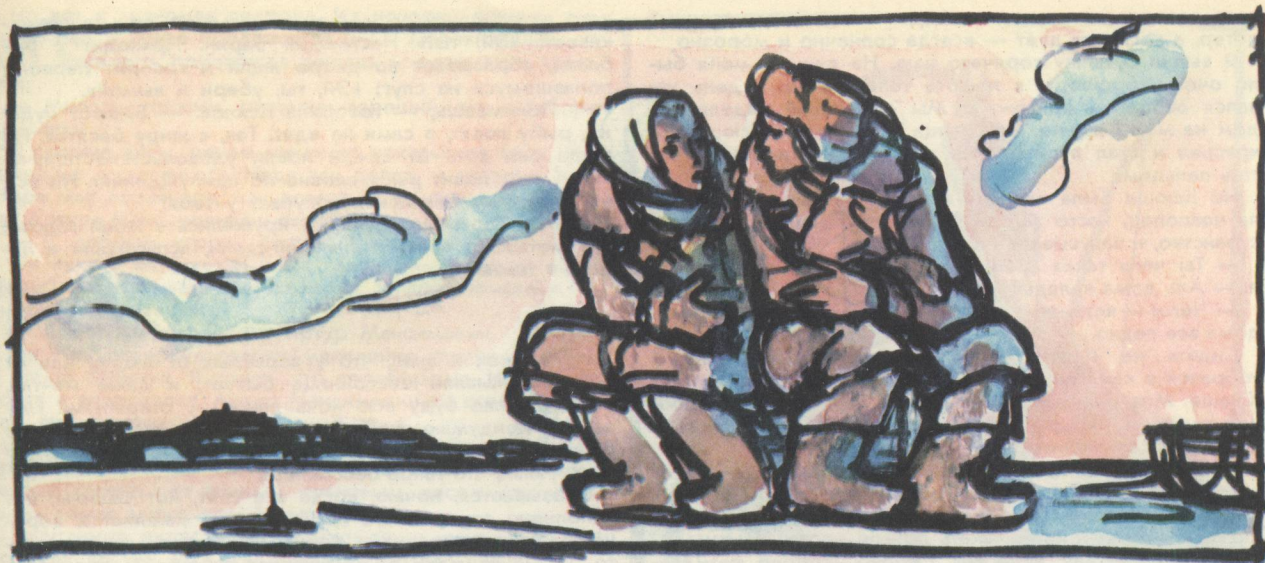
— Все. Пора за дело.

Наверно, такая привычка у него от военной службы осталась — все по часам делать и приказывать.

Артур Максимович все же такой чужак, даже в приметы верит.

Был тусклый день, выпал пушистый-пушистый снег, и стало так тихо, словно ватой уши заложены. Идешь по снегу и сам себя не слышишь. Артур Максимович опустил в лунку удочку, я направился пробивать новую, но, пройдя шага четыре, уронил свои удочки, и лески у них перепутались.

Продолжение. См. «Костер» № 8, 1971 г.

Тут торопиться нельзя, нужно осторожно перебирать леску, чтоб козлов не запустить — узлов, значит. А пальцы на морозе слушаются плохо. Леска-то тонкая — в два конских волоса. Вожусь, значит, с удочкой и слышу, как, наматывая леску на мотовильце своей удочки, Артур произносит себе под нос тарабарщину какую-то.

— Чего это вы приговариваете, Артур Максимович? — не утерпел я.

Он помолчал, посмотрел на меня внимательно через плечо, ухмыльнулся и ответил:

— Это я еще когда маленьким был, с друзьями такое заклинание придумал. Вот когда у меня что-либо не получается, я произнесу его... и все наладится.

— Ой, скажите мне его, Артур Максимович!

Он усмехнулся и покачал головой.

— Ни за что на свете.

Когда солнце начинало клониться к западу, а пешня вырывалась из рук, словно кто-то ее дергал в прорубь, мы заканчивали рыбалку. Артур Максимович, сидя на своем ящике, просматривал мой улов и показывал пальцем, какие рыбыны переложить ему, какие оставить себе. Считал их, потом давал мне деньги, как уговаривались, по копейке за каждую пробитую мною лунку и по восемь копеек за десяток крупных корюшек. Один раз он сказал как бы между прочим:

— Ты не очень рассказывай, что рыбу мне продаешь, смеяться надо мною станут.

— Могила! — ответил я. — Понимаю ведь.

Идти обратно — часа полтора-два. За день ноги устали так, что казалось, скрипели и визжали в суставах, как колеса у тачки.

Потом Артур Максимович договорился с конюхом баронессы Лукой, и тот нас на розвальнях каждое утро по прибрежной дороге подвозил до места, где надо было идти на лед. Провожая нас, конюх снимал шапку и угодливо говорил:

— Хорошего улова вам, барин.

Закончив рыбалку, мы теперь шли не к дому, а к дороге, где нас ждали сани. Конюх снова стаскивал шапку и кланялся:

— С уловом вас, барин, не зазябли-с?

Артур Максимович что-то мычал, конюх подхватывал его ящик и бережно, словно в нем была стеклянная посуда, ставил на сани. Артур Максимович боком валился на сено и закуривал, я пристраивался у него в ногах, и мы трогались.

Всю дорогу Артур Максимович устало смотрел на заснеженный лес, редко мигая воспаленными веками. Я же, измотавшись за день, кутался в свой старый полушубок и клевал носом, боясь свалиться с саней.

В Сестрорецке я соскакивал на ходу, рискуя растянуться на укатанной снежной дороге. Уставшие за день ноги за время езды нисколько не отдыхали, а наоборот, деревенели, не гнулись и не слушались.

СТРАШНАЯ ДОГАДКА

С каждым днем мы с Артуром Максимовичем ходили на лед все дальше и дальше от Сестрорецка, и я очень жалел, что Ксюша перестала навещать меня. Мы уже долбили лунки напротив Лисьего Носа, а это по прямой от Сестрорецка верст двенадцать. Около пяти часов ходу туда и обратно. На такое время Ксюшу из дома не отпускают, она же работает — матери помогает шить. А я по привычке после полудня все смотрел в сторону берега: не покажется ли крохотная точка на льду.

Артур Максимович стал чаще ездить в Петербург. Иногда он меня предупреждал, что, мол, завтра на лед не пойдем. А потом условились так: я буду ждать его на улице ровно час. Если он не подъедет — значит, на сегодня я свободен. Это и радовало меня, и огорчало — пропал дневной заработок. И я один шел на лед, только поближе, на знакомые мне места.

В марте корюшка стала ловиться лучше, и мать снова, отбирая из моего улова рыбу покрупнее, везла ее в столицу, а часть рыбы отец отнесил мастеру в подарок. Так уж принято было тогда за все и везде давать взятки. Рабочие угощали мастера водкой перед праздниками и еще — если даст хороший подряд.

По утрам было морозно, как в январе, но уже чувствовалась весна. На ледяной равнине залива было ослепительно чисто и простор ощущался еще сильнее. Дни казались приятными, и рыба у меня ловилась веселее, и на лед ко мне опять приходила Ксюша с бутылкой горячего чая под полушубком, и я снова удивлялся, как она нашла меня, коли не знала, пойду ли сегодня я сюда или под Лисий Нос.

...Стоял ясный, морозный мартовский день. Кронштадт был четко виден — темно-синий, словно вырезанный из листа вороненой стали. Дым из трубы Пароход-

ного завода относил к западу, значит, был восточный ветер, а когда он дует — всегда солнечно и морозно.

Я выпил бутылку горячего чаю. На душе у меня было очень хорошо, а в животе тепло-тепло, и день казался особенно пригожим. Мы с Ксюшей сидели рядом на моем ящике. От солнца и ветра нос Ксюши покраснел и стал лупиться, ее веснушки хотелось потрогать пальцем.

Но Ксюша была сегодня какая-то печальная, отвечала невпопад, часто задумывалась, грустно глядя в пространство, и закусывала губу.

— Ты чего такая квелия сегодня, Ксюха? — спросил я. — Аль дома нелады?

— Чего? — встрепенулась она. — Дома? Ах, дома... дома все ладно.

Сидеть на маленьком ящике вдвоем неудобно, я упирался в снег ногой, стараясь уступить больше места Ксюше. Мне очень хотелось ее поддержать, чтоб удобней сиделось, но для этого надо было обнять, на что я никак не мог решиться.

— Проха, а Проха? — тихо спросила Ксюша. — Вы на какой глубине ловите рыбу с этим дядькой?

— Да так... две-три сажени, не менее. А если меньше двух саженей, идем искать другое место. Мы ямы искали. Нашли одну напротив Разлива — около пяти саженей. Там неплохой клев был. Но Артур Максимович чудак, посидели немного и пошли искать другую яму. А зачем тебе?

Словно не расслышав меня, Ксюша снова тихо спросила:

— И так глубоко до Лисьего Носа?

— Ага, — ответил я. Поплавок в лунке шевельнулся, но я не насторожился. В эти часы клев бывает плохим. Рыба просто так поподробовала наживку и ушла. Поплавок сразу успокоился. Но что-то тревожное закопошилось в моей душе...

Ксюша вдруг повернулась ко мне, потом посмотрела на Кронштадт, в сторону дымного Петербурга и снова пристально уставилась мне в глаза. И спросила странным голосом:

— А помнишь, ты говорил — тут везде камни, рязжи, мели...

— Не я говорил, мне сказывали. Все так считают.

У меня три удочки, на одной семь аршин лески, это две с третьою сажени, и я ею часто не доставал дна, когда ловили рыбу с Артуром Максимовичем. На двух других удочках было по десяти аршин лески, и когда грузило ложилось на дно, на мотовильцах оставалось совсем мало лески...

— Проша!..

— Отстань, Ксюша, я думаю.

Я думал о том, что мы с Артуром Максимовичем начали пробивать лунки напротив самого конца Толбухинской косы — западной точки Кронштадта, а сейчас ловим напротив Лисьего Носа, уйдя за Кронштадт верст на пять... И везде находили глубины свыше двух саженей. Значит, большие корабли могут обойти Кронштадт с севера, а все форты и батареи находятся южнее Кронштадта... Наверно, что-то не так, мы просто случайно пропустили рязжи, мели и свайные преграды... Но свайные преграды были поставлены еще во время Крымской войны, почти сорок лет назад...

Мне стало не до рыбалки. Ксюша помогла сложить удочки, и мы направились к берегу. По дороге Ксюша рассказала, что экономка баронессы купила новые скатерти, покрывала, полотенца, занавески и договорилась с матерью Ксюши, чтоб на белье она вышла красивый вензель баронессы. Ксюша с матерью носила белье сначала с дачи к себе, а потом обратно. Пока экономка по несколько раз пересчитывала белье, а потом проверяла каждый вензель, Ксюша сидела на кухне, и кухарка угощала ее чаем с бубликами. И Ксюша узнала, что этот Артур Максимович никакой не родственник экономки и живет не в ее флигеле, а в угловой комнате на втором этаже дачи. Он очень спесивый и ни-

кого из прислуги по имени не называет, только покрывает: «Эй, ты!» Настоящий барин. Приходит с рыбалки, сбрасывает во дворе ящик и говорит первому попавшемуся из слуг: «Эй, ты, убери и вымой».

— Понимаешь, — говорила Ксюша. — Бывают чудачки, рыбу ловят, а сами не едят. Так, с жиру бесятся. Но тогда они хоть от самой ловли удовольствие получают. А этот ловит рыбу словно по принуждению. Не ест, не маринует. Так зачем покупает у тебя?

Я шел, спотыкался. Мысли кружились в моей голове, как мотыльки вокруг пламени свечи, вспыхивали и падали в темноту.

Из книжек я знал, что у взрослых от любви или от больших мыслей бессонница бывает, и даже мечтал, что вот тоже буду всю ночь лежать с открытыми глазами и придумаю что-нибудь умное и очень важное, но обычно засыпал тотчас, как в омут нырял... А в эту ночь узнал, что такое бессонница.

Оказывается, ночью, когда все спят, нет тишины, все наполнено звуками. За перегородкой кашляет и ворочается, скрипя досками топчана, дед, вздыхает и что-то бормочет мать, причмокивают губами и лепечут во сне сестренки. Стены дома потрескивают, на кухне что-то шуршит и иногда доносится короткий писк. С улицы долетает лай собак и скрип полозьев саней. И так всю ночь.

Я старался вспомнить, где мы пробивали лунки, какой длины была леска, спущенная в воду.

В одном месте напротив Сестрорецка мы наткнулись на мель, рязж или большой камень. После этого пробрили много лунок вокруг и нашли глубину на всю длину моей десятиаршинной лески. Артур Максимович тогда велел пробить еще несколько лунок, но под ними тоже была изрядная глубина, и мы отпавились дальше. Может, тогда мы нашли проход между рязжами?

В комнате стоял дымно-синий сумрак, в замерзшее окно проникал мутный лунный свет. Я сбросил одеяло, встал. По полу тянуло острым холодком, заняли босые ноги. Обуваться не стал, чтоб шагами не разбудить спящих. Пробрался на кухню, зажег свечу, принес из сени свой ящик, а из мастерской деду стальную линейку с дюймовыми делениями. Вынул из ящика удочки, выдрал кольшики мотовильцев, шилом просверлил новые дырочки и забил кольшики так, что между ними стало расстояние в шесть дюймов. Значит, один оборот лески будет равен двенадцати дюймам, то есть футу. Когда опускаешь в лунку леску, грузило удочки ложится на дно, а поплавок находится у самой поверхности воды, значит, расстояние от поплавка до грузила точно равняется глубине воды в этом месте.

Уложив все на место, я забрался под одеяло и долго не мог согреться. В доме все спали, и мне вдруг стало так обидно, что даже слезы навернулись. Спят вот, вздыхают, бормочут, сны смотрят разные, и никто не знает, как мне тяжело. Может, надо было сразу, вечером все рассказать отцу и деду?... А вдруг я ошибся и возведу на Артура Максимовича напраслину?

Потом снилась чушь. Я проваливался в болото, а Ксюша стояла рядом, не помогала, а только кричала:

— Проха, вставай! Проха, вставай!

— Да как же я встану, когда меня по грудь засосало в болото?

— Чего ты мелешь? Вставай, тебе говорят!

Я открыл глаза, надо мною склонилась мать. В окне розовело, а с кухни несло запахом жаренной на постном масле картошки.

Ох, как холодно было торчать на углу и ждать, когда появится противная рыжая кобыла, запряженная в розвальни с угодливым конюхом Лукой и мрачным Артуром Максимовичем. Как мне хотелось, чтоб сегодня Артур Максимович раздумал идти на лед. В Петербург поехал бы, что ли...

Но вот и знакомая подвода. Из ноздрей лошади вылетал пар, в гриве поблескивал иней. Поравнявшись со мной, Лука чуть придержал лошадь и дурашливо крикнул:

— Милости просим, господин хороший, аль к забору примерз?

Я стиснул зубы, решив никак не показывать виду, что о чем-то догадываюсь. Надо все делать и говорить, как вчера или позавчера, как всегда. Я пристроился в ногах Артура Максимовича и сказал:

— С добрым утром, Артур Максимович.

Он ничего не ответил. «Вот гадина, — подумал я. — Даже разговаривать не хочет, а я ему помогаю». И снова поздоровался:

— С добрым утречком, Артур Максимович.

Он чуть повернул голову, удивленно глянул на меня и что-то буркнул. Я понял, что переборщил. И раньше, когда я здоровался, Артур Максимович не всегда отвечал. Надо держать себя в руках.

Проехали Лисий Нос. Во всех домах топились печи, и оранжевый в лучах солнца дым столбами поднимался вверх, словно над темным сосновым лесом, над крышами домов вырос новый светлый лес.

Закутанные люди спешили куда-то, и никому не было дела до тех, кто ехал мимо на розвальнях.

Потом навстречу, позвякивая шпорами и шашками, на заиндевевших широкозадых конях проехали двое полицейских в надвинутых на глаза башлыках и даже не взглянули на нас.

«Ездят, ездят, — подумал я. — За порядком-де следят, за рабочими смотрят, чтоб стачку не устроили, а невдомек, чем занимается Артур Максимович».

Потом рядом с санями бежала лохматая собачонка и остервенело лаяла на нас. Ее черные глазки сердито сверкали, изо рта вылетали клубочки пара, как дымки от выстрелов. И мне казалось, что эта собачонка догадывается, куда и зачем мы едем. Лука попытался хлестнуть ее кнутом, но промахнулся и чуть не вывалился из саней. Собачонка залаяла еще звонче, а Лука начал хлестать кнутом лошадь.

Проехав с версту в сторону Лахты, мы остановились и вылезли из саней.

Над далекими куполами и трубами Петербурга вставало дымное косматое солнце. По розовому льду залива колыхались две длинных фиолетовых тени — Артура Максимовича и моя. Я брел сзади, волоча в санках ящички и пшени. Артур Максимович шел своим длинным размеренным шагом, иногда на ходу доставал из жилетного кармана часы и поглядывал на них. Сани вдруг дернулись и остановились. С них свалилась пшеница и застряла между полозьев.

— Артур Максимович! — крикнул я. — Погодите чуток, пшеница свалилась, мне не поспеть за вами!

Он будто не услышал, прошел еще немного своим размеренным шагом, потом задержался, посмотрел на меня и стал ждать.

Я приладил к саням пшеницу и поспешил по его следам. Они были ровными, словно он шел по линейке.

«Почему он сразу не остановился? — подумал я невольно. — Ведь когда человека внезапно сзади окликнут, он сразу останавливается и оборачивается. А этот прошел еще, словно ему нельзя было остановиться сразу... Нет, он не просто идет, а меряет, считает шаги. Ему важно не сбиться со счета».

Мне стало жарко, я растегнул полушубок и прибавил шаг. Вот Артур Максимович носком валенка провел черту. Это значило, что здесь мне надо долбить лунку. Он пошел дальше, я же, таща за собой санки, стал считать его шаги. Через пятьдесят шагов он снова провел черту. Достав портсигар, закурил и стал смотреть в сторону Петербурга.

Дойдя до первой черты, я начал отвязываться от санок пшени и, косясь одним глазом на Артура Максимовича, достал его удочки и свои, сложил их вместе мотовиль-

цами. Расстояние между колышками мотовильцев его удочек тоже было равно шести дюймам, значит, один оборот лески равен футу.

Сбросив полушубок, я со злобой начал долбить лунку. Ледяная крошка брызгала мне в лицо и больно колола, словно иголками. Мне было все равно. Я сейчас ненавижу этот лед, эту пшеницу. Черная противная вода с клекотом поднялась в лунке, я чумичкой вычерпнул из нее ледяное крошево и взялся было за свои удочки, но в это время подошел Артур Максимович и бросил:

— Иди, прорубай там. Здесь я буду ловить.

Он поставил свой ящик возле лунки и уселся на него. Я начал долбить новую лунку, но уже не так яростно, и не спускал глаз с Артура Максимовича. Видел, как он небрежно насадил на крючок наживку, опустил леску в лунку, несколько раз приподнимал, подгоняя поплавок, по сидел немного, быстро стал наматывать леску на мотовильце, но как только дошел до поплавка, сразу стал наматывать спокойнее и равномерней. Значит, считает футь глубины.

И я вспомнил, что Артур Максимович, для того чтобы после неудачной подсечки проверить наживку, на-

матывал леску на мотовильце. Никакой рыбак так не делает, на это уходит много времени, — просто руками выбирают леску и аккуратно укладывают ее на лед возле лунки. Проверив наживку, поправив ее или насадив новую, стоит только бросить грузило в лунку, как оно само утягивает за собой всю леску и поплавок. А на мотовильце леску наматывают только тогда, когда надо переходить на другое место.

Я лихорадочно продолбил свою лунку, быстро опустил леску, подогнал поплавок и, поглядывая на Артура Максимовича, боясь, чтоб не заподозрил меня, стал сматывать леску. Намотал двадцать один оборот, это значит: глубина здесь двадцать один фут. Снова быстро опустил леску в воду и стал ждать поклевку. Вскоре ко мне подошел Артур Максимович и спросил:

— Клевало?

— Ни разу, — ответил я.

— Сейчас я попробую, — сказал он.

Я стал выбирать удочку и, когда уже сматал почти всю леску, вспомнил, что впопыхах забыл насадить наживку. Меня даже пот прошиб, — вдруг Артур Максимович догадается, что я не ловил, а тоже мерял глубину. Он заметил и строго спросил:

— Как же не клевало, когда крючок голый?

— Да... ящик вот неудобно стоял, поправил его, не заметил поклевки. Наверно, окунь или ерш сдернул, — пролепетал я.

— Ерш если схватит, то с крючка не сойдет. Плохо насаживал.

— Ага, плохо, — признался я.

Артур Максимович опустил свою удочку в лунку, усевшись на мой ящик. Я стоял сзади, смотрел на его затылок, потом взгляд мой упал на лежащую рядом с ним пешню и мысль, как крапива, обожгла меня: «А что если он догадался? Подойдет сзади да как трахнет меня по голове этой пешней — «мама» крикнуть не успеешь. Потом раздолбит лунку пошире, сбросит тебя под лед, присыплет сверху снегом и поминай как звали...» Мне захотелось бросить все и убежать, пока не поздно, но я все-таки остался на месте. И другая мысль пристала, как репей: «А вдруг узнают, чем он занимается. На войне лазутчиков и шпионов вешают. Его арестуют, сошлют в Сибирь на каторгу... Но я-то ему помог! Значит, соучастник. Значит, и меня тоже на каторгу. Каково же родителям моим будет...»

— Ну, все, — сказал Артур Максимович, быстро сматал леску до поплавка, затем стал наматывать медленнее. Глядя через его плечо, я насчитал двадцать один оборот. Артур Максимович повернул голову, посмотрел на меня, улыбнулся, и его улыбка показалась мне похожей на оскал большой, злой, длинномордой собаки...

Артур Максимович сказал:

— Запишем, что была одна поклевка.

Подойти близко я не решался, но все равно заметил по движению карандаша, что он в своей записной книжке не единицу поставил, а написал какое-то число. Наверно, 21 фут.

Артур Максимович встал, кивнул на свой ящик и пошел обратно к первой лунке. На середине между лунками он вынул часы, посмотрел, спрятал, прошел поперек прежним следам еще пятьдесят шагов и черкнул ногой по снегу. Я взвалил его и свой ящики на санки, положил пешни и последовал за ним.

В полдень, как всегда, мы сели закусывать. Глазам было больно от солнечного света и блеска снега. Расстелив на коленях салфетку, Артур Максимович строго спросил:

— Ты, Прошка, почему сегодня не такой, как всегда? Что с тобой?

— Не знаю, Артур Максимович, — пробормотал я. — Чую сам, что не такой. Недомогаю, наверно. Вот и нутро побаливает, голова тоже. Может, не одну, а несколько поклевков прозевал.

— Болеть не надо, — тем же тоном сказал Артур Максимович, достал свою флягу, сделал несколько

глотков. У него громко булькало в горле. Пожевав губами, он задумался, затем налил в колпачок фляги и протянул мне:

— Выпей. Это помогает.

Я взял колпачок. В нем колыхалась прозрачная коричневатая жидкость и пахла, как мне показалось, неприятно. «Вот же, — подумал я, — все у господ не так, и вино пахнет клопами».

Вино обожгло мне рот, я закашлялся, из глаз брызнули слезы, в горле драло, словно я заглотнул рыболовный крючок.

— Ничего, — сказал Артур Максимович. — Скоро, как все русские мужики, будешь пить водку стаканами.

— Не буду, — просипел я. — Никогда не буду.

Он протянул мне кусочек хлеба с ветчиной. Она показалась мне безвкусной и жесткой, как мочало.

Артур Максимович откусывал хлеб длинными белыми зубами, спокойно жевал и, как всегда, смотрел в сторону Петербурга. Покурив, он встал и сказал мне:

— Пошли дальше. Закончим ловлю в апреле, я тебе серебряный рубль подарю.

— Спасибо, — ответил я и подумал, что же я могу купить на этот рубль. Но вдруг такая горечь меня охватила: «Серебряный рубль, сребреник... как Иуде! Предателю!..»

Вечером мать встревожилась, что я заболел. Кусок мне в горло не лез, отвечал я невпопад, а то и забывал ответить, когда спрашивали. Потянулся за хлебом, уронил бутылку с постным маслом, подхватил ее — рассыпал соль...

— Вот кулема, — проворчал отец.

Я не обиделся, глотал горячий чай, он обжигал мне горло так, что выступали слезы. Поев, я посидел молча, потом повернулся к отцу и сказал, не узнав своего голоса:

— Выйдем во двор. Поговорить надо.

Отец удивленно посмотрел на меня:

— Зачем секреты в доме разводите? Говори здесь.

— Выйдем. Надо поговорить! — повторил я.

Отец хмыкнул, накинуд на плечи пальто. И мы вышли во двор. Там я все ему рассказал.

— Чушь! — он рассмеялся и махнул рукой. — Там на шлюпках бояться ходить, только бывалые лихтерщики ухитряются провести свои суда меж камнями, мельями и рьяками... А ты: фарватер в две-три сажени глубиной. Барин рыбкой забавляется, а ты у него на побегушках и одурел от безделья.

— Папаня, но я сам же мерял глубину! — воскликнул я.

— Ну и что? Вы же ямы искали. А их тут до черта.

— Не ямы, мы через каждые полсотни шагов лунки пробивали...

Сколько я ни доказывал отцу, он в ответ только посмеивался и крутил головой, приговаривая:

— Ай да сынок вырос, такое удумал, а?

Уже сквозь слезы я крикнул:

— В полицию пойду и все там расскажу!

Отец сразу вскипел:

— Ты это брось привыкать по участкам шлаться! Да и меня нечего на смех выставять!

О полиции я, конечно, сказал нарочно, ни за что бы не пошел туда. Но что же делать?

— Папаня, расскажем деду Прохору?

— Деду можно, — повеселел отец. — Скучает старик. Вот и позабавим.

Мы прошли в каморку деда. Он сидел, как всегда, за верстаком и при свете керосиновой лампы что-то опиливал напильником.

— Батя, — сказал отец, — ты послушай, что твой внук мелет...

Я стал рассказывать все снова и так же подробно, как отцу. Дед продолжал пилить, глаза его слезились. Он даже ни разу не взглянул на меня.

Я закончил и сидел понурясь. Дед положил напильник на место и, редко мигая, уставился на лампу.

— Видал, батя, героя? — весело спросил отец.

Дед медленно повернул к нему голову и сказал, как всегда пуская петухов в голосе:

— Ты, Алеха, зря зубы не скаль. Тут дело серьезное. Еще когда я служил на флоте, помню, сказывали, что однажды большое заграничное купеческое судно само пришло в Петербург, обогнув Кронштадт с севера. Морское начальство тогда всполошилось, комиссии назначили. Потом было приказано новые ряжи насыпать....

— Ну вот, и закрыли ими фарватер.

— Сыпать-то сыпали, а вот сколько — не ведаю. Иногда не так камни в воду сыплут, как денежки в собственные карманы, — сердито ответил дед.

— Так в войну, в Крымскую еще, англичане и французы не сунулись севернее Кронштадта, — возразил ему отец.

— Так они и к Кронштадту боялись подойти, — спокойно ответил дед. — Только пальнули несколько раз по Сестрорецку и все.

— Но с тех пор не раз промеряли фарватер и с юга, и с севера.

— Может, и промеряли, да только нам с тобой об этом не докладывали, — задумчиво ответил дед. Помолчал, глядя на лампу, и добавил: — А Нева-то течет и течет. Где бар намост, где мель, а где и ямы выроет. Почитай с полсотни годков минуло с той войны, когда свайные преграды ставили и ряжи насыпали. А какие шторма тогда были! Гранитные причалы волнами разбивало. Нет, Алеха, надо подумать о том, что Проха рассказывает. — Дед опять задумался и произнес: — Конечно, не нашего ума это дело, но доложить надо.

— Кому? — спросил отец, и лицо его стало серьезным. Он не глядел на меня.

— Морскому начальству, — сказал дед.

— Э, куда хватил. Да кто нашего брата допустит?

Отец и дед замолчали. Потом отец сказал:

— Иди погуляй, Проха, мы с дедом еще посидим чуток.

Я накинул полушубок и вышел во двор. Ледяная корочка покрыла подтаявший за день снег и звонко похрустывала под ногами. Пахло весной. Голые ветви деревьев были необыкновенно черными и только там, где на них падал свет из окна, ярко блестели. Их тоже покрывала ледяная корка. Накатанная санями улица тоже блестела и отражала свет из окон домов, словно речка. Лаяли собаки. Узкий месяц, сгорбившись, осторожно пробирался между тучами, словно боялся, что его заметят и схватят.

Я сел на лавочку. Мне было тяжело и обидно. Хорошо, хоть дед поверил... Но я им все рассказал, а они меня выгнали... Хоть бы Ксюша пришла.. Хотя нет. Пусть лучше не приходит. Что я ей скажу?

В доме скрипнула дверь, захрустел снег под тяжелыми шагами отца. Звякнула щеколда калитки. Отец вышел на улицу, остановился, застегивая пальто. Кашлянул и негромко сказал:

— Шел бы домой, замерзнешь, студено на улице. Да без меня спать не ложись. Я скоро вернусь.

И долго было слышно, как на пустынной улице хрустел снег под ногами отца. А я сидел на лавочке, смотрел в небо, на дома. Месяц ухитрился забежать за какую-то длинную тучу, и на улице стало совсем темно. Одно за другим гасли окна домов. Люди ложились спать, ведь завтра, чуть забрезжит, им надо стоять у верстаков, а мне?

Я снова и снова вспоминал, где мы пробивали лунки и какой длины была опущенная в них леска...

Из темноты донесся хруст, я узнал шаги отца. Он шел медленнее, чем обычно. Вот он остановился у нашей калитки и удивленно спросил:

— Ты?

— Я.

— Окоченел поди?

— Я привычный.

Отец вздохнул, сел рядом на лавочку и произнес:

— Н-да, Проха, ну и дела...

Я ничего не ответил.

Отец вдруг спросил:

— Ты прапорщика Савельева, что на заводе работает, знаешь?

— Знаю. Он какую-то дальнобойную винтовку делает.

— Во-во. Он самый... Мы с дядей Семеном подумали-подумали и решили при случае завтра же рассказать ему. Он не как другое начальство. И поговорить с нашим братом любит, и посоветоваться... Мужик умный, шибко образованный.

— Но управляющий и помощник его не любят за это, — вставил я, — это заметно.

— Он не красная девица, чтоб его любить, — ответил отец. — Думаю, что он нас выслушает, не откажется.

— Ну а мне-то что делать? Завтра, к примеру, послезавтра?

— Ходи пока с этим самым Артуром на лед, помогай ему. Да только, ради бога, виду не показывай, не сболтни лишнего. Рисковое, ох, рискованное это дело. Он на все может решиться, коли за такое взялся.

— Понимаю, — ответил я. — Пришибить может, чтоб свидетеля убрать?

— То-то и оно, — вздохнул отец и обнял меня за плечи.

— А если бросить и больше не ходить с ним? Заболеть, к примеру? — спросил я.

Отец насупился.

— И об этом подумали мы с Семеном. Так-то оно спокойнее и безопасней... Но дело-то уж больно серьезное. Не только нас с тобой касается... Поэтому одно прошу—держись. Держись, Проха.

В эту ночь я понял, что бессонница хуже всякой болезни. Сколько разных мыслей приходит в голову, и все — одна мрачнее другой.

ДЕРЖИСЬ, ПРОХА!

Еще четыре проклятых дня ходил я на проклятый лед долбить проклятые лунки. Солнце слепило глаза, злое хрустел под ногами образовавшийся за ночь ледок, в лунках колыхалась вода. И как назло был хороший клев. «Ну какая же глупая рыба корюшка, чего она вздумала так споро клевать?» Я злился на корюшку, на себя. Порой мне становилось жалко рыбу, погибает ни за что. Бьется хвостом по льду, пучит глаза, разевает рот, шевелит жабрами и засыпает навсегда. Ее потом будет с хрустом жрать Артур Максимович, а остальную выбросит и велит вымыть ящик, чтоб даже не пахнул рыбой. Неужели все, что я ловил и продавал этому Артуру Максимовичу, летело потом в помойку? Нет, наверно, забирал себе конюх Лука и радовался барской подачке... А я разве лучше Луки? Я тоже радовался деньгам, которые высыпал мне в ладонь Артур Максимович.

По вечерам, слезая с саней Луки и попрощавшись с Артуром Максимовичем, я брел по улице домой, таща за собой санки, и мне казалось, что заработанные за день деньги так громко звенели в моих карманах, что встречные оборачивались и презрительно смотрели мне вслед.

Раза два видел Ксюшу. Мы уходили за огороды, садились на ствол поваленной ветром старой ветлы на берегу озера Разлив. Слушали, как шумит в плотине вода. Ксюша спрашивала:

— Значит, долбите лед?

— Значит, долбим, — отвечал я.

И мы сидели допоздна молча, рядышком, как озябшие воробы.

Отец с дедом стали разговаривать со мной по-иному, как со взрослым. Мать стала еще внимательней, и в то же время чувствовалось, что она сдерживается. Вдруг—

ни с того ни с сего — подойдет ко мне, обнимет за шею и гладит, гладит по голове. Только сестренки по-прежнему приставали ко мне со своими глупыми девчоночьими вопросами да трещали за столом наперебой, как весенние сороки.

Раньше, когда я, вернувшись со льда, высыпал из кармана на стол заработанные деньги, мать бережно собирала их в ладонь и каждый раз произносила:

— Слава богу, кормилец растет.

И запирала деньги в верхний ящик старого дубового комода, который давным-давно сделал дед из обрезков корабельных досок.

Теперь мать сокрушенно вздыхала, деньги брала боязливо, осторожно, словно горячие угли. А может, все это было не так, может, просто казалось... Но для меня это были не просто серебряные деньги, а сребреники. Однажды ночью, лежа на койке с открытыми глазами, я подсчитал, что получил от этого Артура Максимовича уже более тридцати сребреников. Больше, чем предатель Иуда. Эта мысль засела в голове, как ржавый гвоздь в доске.

Как-то, вернувшись с работы, отец сказал:

— Проха, подмети-ка пол получше, а ты, мать, постели чистую скатерть, стекло у лампы почисти, керосином заправь. Гости пожалуют.

— Что за гости-то? — спросила мать. — Те, что всегда ходят?

— Увидишь, какие, — ответил отец. — Когда придут, заведи девочку и пойди с ними к соседям... к кому-нибудь на вечерок. Мешать здесь будете.

Отец ужинал молча, хмурился, часто замирая с ложкой у рта. Вычистив стекло, мать заправила лампу керосином, убрала со стола посуду и постелила свежую скатерть.

Потом отец ходил по комнате из угла в угол, мать хлопотала на кухне, часто роняла кастрюли, ложки, и только дед в своей каморке невозмутимо постукивал молоточками и мурлыкал старинные матросские песни.

Но вот звякнула қалитка, захрустел ледок под ногами, хлопнула дверь в сенях, потом раздался стук, и в кухню вошли двое: первым — прапорщик Савельев в длинной шинели с серебряными погонами на плечах, за ним, сверкнув золотом погон и двумя рядами начищенных позолоченных пуговиц, флотский офицер.

— Милости просим, — сказал отец, — прошу раздеваться, в избе тепло, ваше благородие.

Прапорщик Савельев растегнул португую, отцепил шашку, повесил ее вместе с шинелью на гвоздь в стене. Пригладил волнистые волосы, поправил светлые усы и показал на моряка:

— Прощу любить и жаловать. Мичман Порогин Дмитрий Васильевич.

У мичмана было смуглое продолговатое лицо, тонкий с горбинкой нос, короткие усики и гладко причесанные черные волосы. Он со всеми поздоровался за руку, прошел в комнату и положил на стол длинный кожаный футляр.

Мичман окинул взглядом комнату, покачал головой, потом, увидев моих сестренку, глазевших из двери, поклонился им и сказал:

— Здравствуйте, красавицы, — и повернулся к прапорщику: — Виктор Иванович, что ж ты меня не предупредил, хоть конфет бы приваляли.

— Спасибо, они у нас не сластены, — ответила мать, оттаскивая сестренку от двери.

Дверь захлопнулась, но было слышно, как мать прикрикнула:

— А ну живей одевайтесь!

— Пойду самовар поставлю, — сказал дед и, скрипя деревяшкой, ушел на кухню.

Проводив его взглядом, мичман спросил отца:

— Где он ногу потерял?

— В Выборгском заливе в пятьдесят пятом году. Был комендором на гребной канонерке.

Мичман многозначительно поднял черные брови и покачал головой:

— Н-да, боевой старик. Сколько ему сейчас?

— Седьмой десяток идет.

— А сами где служили?

— На Балтике, в бригаде броненосных кораблей на плавучей батарее «Не тронь меня», тоже комендором, — четко ответил отец.

— Та-ак, морская, значит, семья. Значит, не зря дело затеяли. — Мичман повернулся ко мне: — Мне Виктор Иванович все рассказал, но я хочу услышать из первых уст. Это ты ходишь на подледный лов с Артуром Максимовичем?

Я кивнул в ответ.

— Так вот, садись и не спеша, подробно расскажи с самого начала, как познакомились, где ловили рыбу и что тебе показалось странным.

— Ваш-ско-родь, — вмешался отец. — Может, не безруете сначала с морозца рюмочку?

Мичман укоризненно взглянул на отца и сухо ответил:

— Меня зовут Дмитрием Васильевичем, во-первых. А во-вторых, дело, кажется, серьезное и не стоит хмелить голову. Как-нибудь потом, Алексей Прохорович. — И мичман снова повернулся ко мне: — Итак, я слушаю тебя. Только ничего не выдумывай. Сколько тебе лет?

— Тринадцатый.

— Ну, а мне двадцать третий.

Я рассказывал долго, сбивался, повторялся. Рассказывал обо всем, что делали на льду, что видел, что показалось странным и о чем думал по ночам.

Мичман и прапорщик слушали не перебивая, только темные глаза мичмана становились все строже и строже. Когда я закончил, он задумался, барабанил пальцами по столу. Стало слышно, как на кухне, кряхтя и чертыхаясь, дед раздувал сапогом потухший самовар.

Мичман стал задавать мне вопросы. Он, видимо, старался четко разделить в моем рассказе то, что я видел, от того, что я предполагал. Потом снова задумался, взял кожаный футляр и сказал отцу, показав глазами на стол:

— Освободите, пожалуйста, место.

— Леха! — крикнул отцу с кухни дед. — Тащи самовар, мне не сподручно!

— Погоди, батя, не до него сейчас, — ответил отец, неловко сгребая со стола посуду и ставя ее на комод.

Мичман расстелил карту. В левом верхнем углу ее был изображен герб и написано: «Балтийское море. Финский залив. От Санкт-Петербурга до острова Сескар». А под этим — что-то мелким шрифтом и колонкой цифр. На каждом углу карты за рамкой стоял номер: 415, у нижнего среза карты этот номер был вверх ногами.

— Это морская карта. Видал когда-нибудь? — спросил мичман.

— Видал в книжках, но только там все яснее, и море, и горы, и леса нарисованы.

— Здесь они лишние, — ответил мичман. Он вынул из кармана черную плоскую коробочку, раскрыл ее, в ней были бронзовый циркуль и карандаш. Мичман обвел длинное, во весь лист, голубое пятно и пояснил: — Это восточная часть Финского залива. Вот Петербург. — Циркуль остановился на черных заштрихованных квадратах и голубых прожилках. — Это Большая Нева, Малая Нева и Невки: Большая, Средняя и Малая. Вот остров Котлин. — Циркуль остановился на черном крестике: — Это кронштадтский собор, а эта пирамидка с хвостиком — труба Кронштадтского пароходного завода, вот Разлив, Лисий Нос. Разбираешь?

— Не очень, — откровенно признался я.

— Тогда так, — сказал мичман. — Покажи, в какой стороне залив?

Я показал на стену.

— Хорошо. А где юг? Где солнце бывает в полдень? Я вспомнил, куда падают солнечные лучи из окна, и тоже показал.

— Отлично, — заметил мичман, встал, передвинул стол, потом разгладил карту ладонями. — Вот сейчас карта сориентирована по сторонам горизонта. Верхняя рамка ее точно обращена на север, правая на восток, левая на запад, а нижняя на юг. Представляешь?

— Представляю.

— Превосходно. Теперь встань лицом к карте у северной кромки. Ничего, что карта перед тобой вверх ногами, зато сейчас там, где залив, он также на карте перед тобой, только в меньшем размере. Вот Сестрорецк, вот протока Сестрорецкого разлива. Здесь ваш дом. В нем — ты. Представь себя на этой карте крохотной точкой и показывай, как вы с этим Артуром ходили на лед.

Я весь взмок. Надо было вспоминать, ползти, как букашка, по карте и еще подробно рассказывать. А мичман не унимался, расспрашивал, заставлял повторять по нескольку раз.

— ...Когда вы шли на лед первый раз, где тебе виделся кронштадтский собор? По левую руку. А конец Толбухинской косы? Прямо. Так. Когда пробивали лунки, где была труба Сестрорецкого завода, если ты смотрел на конец Толбухинской косы? Прямо за спиной? Понятно. Ты это хорошо помнишь?

— Еще бы! Чтобы в снегопад не заблудиться на льду, я все время замечал по берегу, куда иду и где остановился.

— Та-ак... Значит, много лунок вы пробивали на середине между концом Толбухинской косы и Сестрорецком.

— Да.

Мичман многозначительно взглянул на прапорщика, тот настороженно смотрел на карту. Мичман карандашом нарисовал кружок с копейку величиной и сказал, указав на цепочку крестиков, протянувшихся от Толбухинской косы до Александровки:

— Это ряжи тысяча восемьсот шестьдесят второго года, а это свайная преграда тысяча восемьсот пятьдесят шестого года. — Мичман показал на нарисованный им кружок: — Здесь они искали проход. — Мичман повернулся ко мне: — Какая глубина была у вас в этих местах?

— Сажени три с лишком, — ответил я.

И так весь вечер допоздна расспрашивал меня мичман, делая на карте пометки карандашом, и лицо его становилось мрачнее и мрачнее. Потом он, забыв обо всем, полчаса сидел, обхватив голову руками и пристально глядя на карту.

Прапорщик Савельев произнес:

— Карта, я думаю, больше не нужна, Дмитрий Васильевич?

Не меняя позы, мичман рассеянно кивнул. Савельев скатал карту в рулон, спрятал в кожаный футляр. Я накрыл на стол. От самовара веяло жаром, и в комнате стало уютнее. Звения чашками, отец неумело разливал чай, а мичман все сидел, обхватив руками голову, и смотрел на то место стола, где лежала карта.

— Дмитрий Васильевич, — сказал отец, придвигая чашку, — чай стынет.

Мичман удивленно посмотрел на чашку, на меня, встрепетул.

— Ты настоящий молодец, Прошка. Учиться тебе надо непременно, отличный моряк из тебя выйдет.

Потом все вместе, гости, отец, дед и я, пили чай. На душе у меня было празднично. Я чувствовал себя равным среди всех, мне казалось, что мои плечи стали шире, чем, у отца, а головой я задеваю потолочную балку. Мичман пил чай, рассеянно глядя на скатерть. Прапорщик Савельев расспрашивал меня об Артуре Максимиовиче. Я сказал:

— Чудной он. Я раз слышал, как он какое-то глупое заклинание бормочет, когда сматывает леску.

— Какое же? — помешивая ложкой, спросил прапорщик.

Подражая Артуру Максимиовичу, я произнес:

— Иван, ты жри с Вовой...

Прапорщик рассмеялся. А мичман вдруг, не донеся чашку до рта, опустил ее на блюдце и анимательно уставился на меня:

— Как-как?

— Иван, ты жри с Вовой...

Улыбка застыла на моем лице, потому что лицо мичмана стало твердым, сосредоточенным. Он подался ко мне:

— А может, он так говорил? — И мичман, незнакомо складывая губы, картаво, ну, как тогда Артур Максимиович, сказал: — Уан, ту, фри, фо, фэйв.

— Во-во! Точь-в-точь! — воскликнул я.

— Это счет по-английски, — ответил мичман, — один, два, три, четыре, пять... Теперь понятней становится, кому это нужно.

Прапорщик сказал:

— В прошлую русско-турецкую войну мы чуть-чуть с Англией не поссорились, и сейчас отношения натянутые.

— Рост нашего флота беспокоит западные державы, — добавил мичман. — Вот и сейчас прощупывают подходы к Петербургу с моря.

Отец, осторожно кашлянув, спросил:

— Одно непонятно, господа офицеры, зачем этому Артуру... как его, Максимиовичу, понадобилось зимой на льду возиться? Летом здесь много рыбацких лодок болтаются. За месяц бы все промерял.

Мичман ответил:

— Промерять-то промерял бы, а как места промеров определить? Брать пеленги по береговым ориентирам с помощью корабельного компаса? Лодка вертится, качается, ошибки будут большие, да и компас с наклоном в рыбацкой лодке сразу обратит на себя внимание. К тому же летом рыбаков больше, чем зимой... — Мичман взглянул на меня: — Говоришь, часто на часы поглядывал? Ты видел эти часы?

— Видел, большие, с мою ладонь, медные, — ответил я.

— Скорей всего, это компас. По нему он определял направление от лунки до лунки. А для привычного человека шаг довольно точная мера, так ведь, Виктор Иванович?

— Так точно, — ответил прапорщик. — Например, сто моих шагов равны тридцати четырем с половиной саженьям с ошибкой в пол-аршина.

— Ну вот, — сказал мичман и снова посмотрел на меня: — Этот англичанин, или кто он там, хитер и умен. Взрослого в помощники не взял, мальчишку нанял, думал — несмышляшка. Да не на такого напал. Напоролся. — И мичман похлопал меня по плечу.

Я выпятил грудь от гордости. И вдруг сразу сник. Мне стало стыдно от мысли, что я бы до сих пор, как годо-

валый щенок, высунув от удовольствия язык, бегал бы по льду вокруг Артура Максимиовича, получая серебряники, если бы не Ксюша. Ведь она это догадалась, что мы занимаемся не тем, чем я думаю... Я долго дул в чай на блюдце, соображая и решаясь, наконец заявил:

— Ваше благородие, Дмитрий Васильевич, первой догадалась, что Артур Максимиович — шпион, Ксюша... Ну, Ксения Лупаткина. Она узнала, что никакой он не родственник экономки и живет не у нее, а в комнате баронессы на втором этаже, держится хозяином и на всех покрикивает.

Мичман и прапорщик переглянулись.

— Это неплохо, — заметил Дмитрий Васильевич и снова повернулся ко мне: — Но пока никому ни слова, даже лучшим друзьям. Все дело можешь испортить, да и сам заплатишься.

Я сказал сдавленным голосом:

— Мне завтра, значит, опять идти на лед? Шпиону помогать?

— Да, — твердо сказал мичман. — И старайся всю. Пересиль себя. Представь, что ты во вражеском лагере. Можешь попрошайничать, торговаться, прикидываться дурачком.

...Долго еще после ухода гостей в доме стоял запах кожи, ваксы и дорогого табака. Мои сестренки так в этот вечер намаялись, что младшая, Нюрка, не допив чаю, заснула за столом.

Я лежал на спине, смотрел в темноту, перед глазами плыли разноцветные пятна, какие-то огоньки кружились и гасли и снова возникали. По сдержанному дыханию я догадывался, что не спит ни отец, ни мать, и слишком часто скрипят доски дедовского топчана за дощатой стенкой. И опять десятки вопросов, как ожившие тени, стояли у моего изголовья.

— Папаня, а папаня? — шепотом спросил я.

Отец глухо ответил:

— Чего тебе?

— Что же это получается? — продолжал я. — Сами вы говорите о том, что царь с чиновниками и офицерами обкрадывают народ... А тут помощь понадобилась — сами офицеров позвали...

Отец долго молчал.

— Сложно все это, Проха. Понимаешь, Россия... она большая, громадная, и людей в ней много всяких: царь с господами и чиновниками, рабочие, крестьяне, иностранцы разные... А Россия для всех одна. Родина она, понимаешь?

— Понимаю, папаня.

— Одним дорогá Россия как господская, другие о рабочей России думают... Песню на маевке слышал?

— Слышал.

— Ее профессор Михайловской академии полковник Лавров написал. Его за книги, им написанные, всех чинов и званий лишили и сослали в Вологодскую губернию.

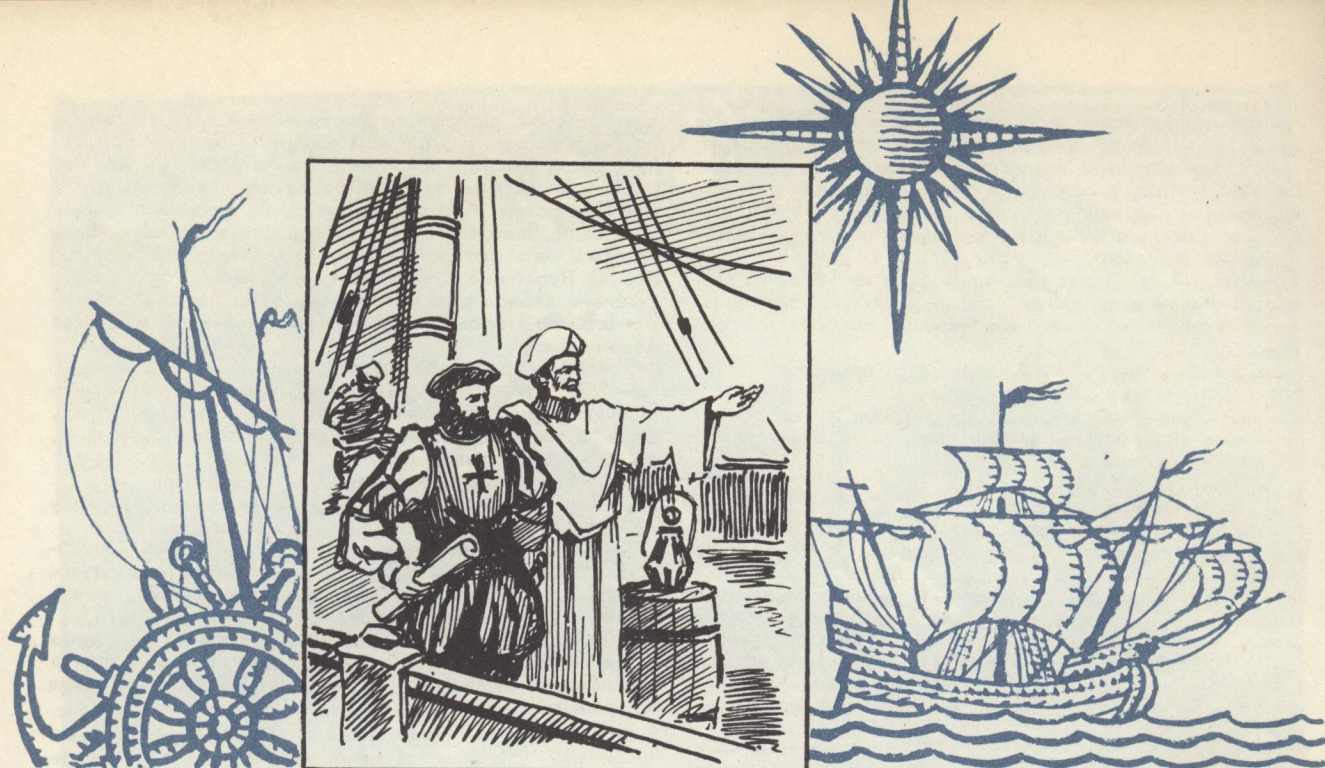
— Что, там и помер?

— Нет, бежал во Францию, парижским коммунарам помогал...

— Да спите вы, окаянные, — проворчала вдруг мать. — За весь вечер наговориться не могли. Чуть свет тебе, Алексей, на работу, а Прохе на лед.

— Ладно, спи, Проха, — прошептал отец. — Подрастешь — разберешься лучше меня. Молодые всегда стариков обгоняют. Так в жизни повелось. Спи, сынок.

Окончание следует

ПРАВДА О КОРМЧЕМ

В. Голант, кандидат исторических наук

Рисунки В. Бендингера

Экспедиция Васко да Гама достигла восточноафриканского порта Малинди.

Позади лежал длинный путь, из Португалии вокруг Африки, мимо мыса Доброй Надежды — и — вдоль побережья — на северо-восток.

Между прочим, первая половина этого пути была, так сказать, повторением пройденного: одиннадцатью годами раньше, в 1487 году, мыс Доброй Надежды обогнул другой португалец, Бартоломеу Диаш. Правда, Диаш не добрался до Индии — а Васко да Гама надеялся до нее добраться.

Но поступил он странно: не свернул от южной оконечности Африки в открытый океан, не отдал свои корабли на произвол ветров и течений, как это сделал, кстати, Христофор Колумб, тоже ведь искавший морской путь в Индию. Вместо этого «Сан-Габриэль» и «Сан-Рафаэль» поплыли, держась берегов, обгибая материк с востока.

И приплыли в конце концов в Малинди.

«Много прекрасных многоэтажных каменных и выбеленных известью домов со множеством окон и с плоскими крышами на наш манер, — описывал Малинди тех времен ученый-португалец. — Город удачно разбит на улицы. Население состоит как из белых, так и из черных. Некото-

рые носят широкие одежды и тюрбаны из богатой ткани. И они великие менялы и торгуют тканями, золотом, слоновой костью и иными товарами... И в эту гавань приходит ежегодно много кораблей с товарами».

Все это так, но зачем кораблям Васко да Гама понадобилось сюда заходить? Малинди в Африке, а им-то нужна была Индия!

Вот зачем, оказывается:

*«Искал капитан давно уж,
искал моряка такого,
Которому были б открыты
все тайны пути морского,
Мечтал об искусном кормчем,
отважном и безопасном,
Что в Индию путь укажет,
к ее берегам желанным».*

Это строки (в переводе А. Смоляна) — из поэмы «Лусиада», принадлежащей перу величайшего поэта Португалии XV века Луиса Камозэнса. В «Лусиаде» как раз рассказывается о плаваниях Васко да Гама.

Итак, искусный кормчий, — вот кто нужен был, вот для чего понадобилось заходить в Малинди.

Васко да Гама знал, что арабские суда уверенно совершают переходы из Африки в Индию и обратно. И решил, прикинувшись мирным купцом, просить у здешних путешественников помощи и советов.

Желания его исполнились: вскоре на борт его корабля вззошел мореплаватель, для которого переход в Индию был обычным делом.

Васко да Гама и кормчий из Малинди говорили между собой через переводчика. Португальский адмирал с удивлением узнал, что местные моряки, также как и португальские, прокладывают себе путь в океане по солнцу и звездам, пользуясь для этого приборами, ничуть не уступающими европейским. Еще больше поразился он, когда тот же кормчий показал ему подробную карту индийского побережья.

До нас дошел путевой журнал экспедиции. Его вел спутник Васко да Гама, оставшийся неизвестным. «Мы очень радовались кормчему, которого прислал король» (то есть правитель Малинди), — писал этот моряк. С его не очень грамотными заметками неожиданно перекликается прекрасная строфа из поэмы Камозэнса:

*«В кормчем, суда стремящем,
нет ни лжеца, ни труса,
Верным путем ведет он в море
потомков Луса!
Стало дышаться легче,
место нашлось надежде,
Стал безопасным путь наш,
полный тревоги прежде».*

¹ то есть португальцев

Переход кораблей Васко да Гама из Восточной Африки в Индию стал подлинным торжеством мореходного искусства кормчего. Он продолжался всего двадцать шесть суток. Корабли прорезали западную часть Индийского океана почти по самой середине. Это дало парусникам возможность использовать противоборство двух ветров и идти к цели безостановочно.

Смелость, с которой кормчий из Малинди провел португальские корабли через океан, была основана на глубоком знании направления ветров и течений, береговой линии и даже очертаний морского дна в прибрежной полосе.

Мореплаватель не терялся ни при каких обстоятельствах. Берег Индии показался на двадцать третий день плавания, но был затянута пеленой дождя и тумана. Кормчий, колеблясь, увел флотилию назад в открытый океан, невзирая на ветер и бурю.

В поэме Камозенса описание этой бури полно всяких художественных преувеличений. Но в том, что касается поведения кормчего, поэт, сам не раз ходивший в Индию, остается в рамках вероятного. Предугадав бурю по хорошо известным ему признакам, кормчий отдает четкие и ясные приказания, а в опасную минуту велит выбросить за борт лишние товары и выкачивать насосами воду, которую зачерпнул корабль. В это время Васко да Гама, если верить Камозенсу, молился богу, предоставив земные дела все тому же кормчему.

Через трое суток буря прекратилась, небо очистилось и на горизонте показалась возвышенность, расположенная к северу от индийского порта Каликут. Камозенс вложил в уста мореплавателя из Малинди следующие слова, обращенные к португальскому адмиралу:

«Если мое искусство

не подвело и ныне,
То Каликут пред нами —

этой земли твердыня!

Вот он — индийский берег,

берег наших мечтаний,

Цель, ради которой все вы

избрали удел скитаний!»

И все же этот замечательный мореход оказался простодушным мудрецом.

Он так и не догадался об истинных намерениях Васко да Гама. Узнав морской путь в Индию, португальцы принялись беспощадно жечь и топить суда восточных мореходов — прежде всего, арабских. Они стреляли из пушек по беззащитным прибрежным городам Азии и Африки, чтобы заставить жителей подчиниться своему владычеству. На смену мирной торговле, которую веками вели между собой и с Европой народы стран, прилегающих к Индийскому океану, пришел открытый разбой португальских пиратов.

Кто же он, тот, кто по неведению привел жестоких пиратов в Индию? Как сложилась его судьба? Более четырех веков никто не знал этого.

Участники экспедиции Васко да Гама звали своего проводника по водной пустыне так же, как жители Малинди: Малемо Кана. Но это не имя, а прозвище. «Малемо» — слово на языке суахили. Оно происходит от арабского «муаллим», что означает «учитель», «знаток». «Кана» (вернее, «канак») — слово, взятое из тамильского языка, на котором говорит часть жителей прибрежной Индии. Оно означает «вычислитель», «звездочет». Итак, Малемо Кана это «знаток морского дела и астрономии». В самом его двуязычном прозвище воплотилось сотрудничество народов, которые сообща осваивали просторы Индийского океана.

В начале нашего века знаменитый французский востоковед Габриэль Ферран обнаружил в библиотеке всеми забытые рукописные труды арабского ученого Ахмада ибн Маджид. Работы этого ученого в области астрономии и искусства судовождения можно без всякого преувеличения назвать вершиной мировой морской науки XV столетия. Несколько лет спустя Ферран случайно прочел в сочинении писателя XVI века ан-Нахравали о человеке по имени Ахмад ибн Маджид, который указал «проклятым португальцам» путь в Индию.

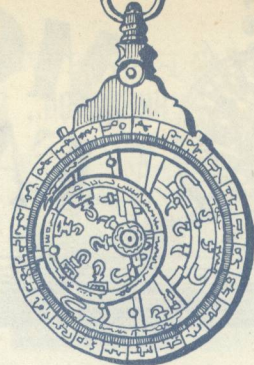
Кормчий из Малинди Малемо Кана и арабский ученый Ахмад ибн Маджид оказались одним и тем же человеком.

Работы Г. Феррана, разумеется, читал замечательный советский ученый, непревзойденный знаток арабского языка и литературы академик И. Ю. Крачковский. Имя Ахмада ибн Маджид показалось ему чем-то знакомым. Но чем именно, он долго не мог припомнить. И вот однажды он прочел про то, что сочинения, арабского мореплавателя более полувека пролежали никому неизвестными в парижской библиотеке.

«Почти в тот же момент я почувствовал, как краска стыда приливает у меня к лицу, — писал он потом в своей книге «Над арабскими рукописями», — Ахмад ибн Маджид... Да ведь так зовут автора тех стихотворений, что находятся в сборнике, который я со скучающим видом несколько раз держал в руках (кстати, сборник этот был известен с 1817 года!»).

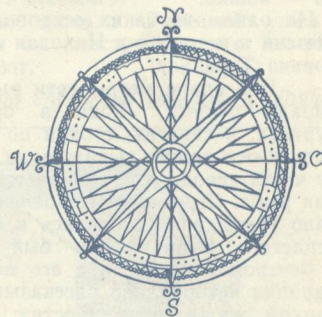
Стихотворения, о которых говорит академик Крачковский, это лоции, путеводители для моряков, плавающих по Индийскому океану и сопредельным с ним морям.

В средние века и на Востоке и на Западе ученые нередко писали стихами. Ахмад ибн Маджид был не только ученым, но и поэтом.

Всякий большой ученый верит в молодежь, тщательно воспитывает себе смену. И в 1937 году академик предложил заняться арабскими лоциями не профессору или доценту, а всего-навсего студенту IV курса Ленинградского университета Теодору Адамовичу Шумовскому.

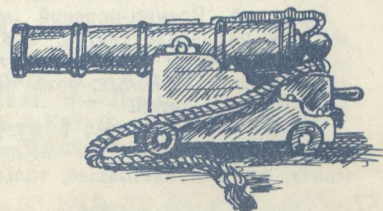
Вчитываясь в произведения Ахмада ибн Маджид, Шумовский чувствовал себя, как путник, заблудившийся в дремучем лесу. Ни в каких словарях нельзя было найти многих слов, обозначающих, например, понятия из области морской астрономии. Перевод каждого такого слова превра-

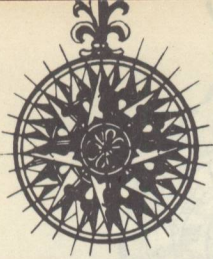

щался в самостоятельное научное исследование.

Но Шумовский не боялся трудностей. В 1957 году в Ленинграде вышел труд кандидата наук Т. А. Шумовского «Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджид, арабского лоцмана Васко да Гама, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР». Это полный перевод лоций с объяснениями Т. А. Шумовского.

Казалось бы, в таком труде, как лоция, нет места для чувств. Но в лоции, составленной ибн Маджидом уже после его плавания с Васко да Гама, отражены и страдания их автора, обманутого коварными пришельцами. «О, если бы я знал, что от них будет!» — восклицает он, имея в виду португальских колонизаторов.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

РАЗВЕДЧИК НА БЕЛОМ МОРЕ

Река Мезень переходит в Белое море постепенно. Отступают речные берега, образуя залив, медленно смешиваются воды — коричневая, речная, и зеленая, беломорская. Каждый полсуток входит в устье прилив, затопляя песчаные острова — кошки.

На одном из таких островов в устье Мезени и встретил я Николая Александровича Таранина.

... Последние метры сети рыбаки выбирали руками. Люди в оранжевых куртках, в сапогах, стояли по колено в воде и осторожно вылавливали матицу — ту часть невода, где собирается пойманная рыба. Огромные бело-зеленые семги, вяло трепыхаясь, ложились к ногам коренастого рыбака. Это был Таранин.

Вечером мы сидели в его избушке, и Таранин неторопливо рассказывал о рыбацком житье, о трудностях: бревна с лесосплава забивают реку, рвут невода...

Николай Александрович родился в этих краях, учился, работал. Отсюда пошел на войну — разведчиком.

Под Житомиром готовилось наше

Николай
Александрович
Таранин

наступление. Чтобы узнать, где расположен враг, за линию фронта отправились шестеро разведчиков. Выполнив задание, они стали выходить к своим. Тут-то и ранила фашистская пуля Таранина в бок. Очнулся он уже в госпитале...

Утром Николай Александрович в узенькой лодке, карбасе, отвез меня назад на кошку. Песчаный остров медленно заливала вода.

— Ожила река! — сказал Таранин. Он имел в виду — начался прилив.

Мы простились.

До Мезени-города я добрался к вечеру. У дощатого тротуара на главной улице заметил щит, закрытый стеклом. На нем было написано: «Мезенцы — герои войны 1941—1945 гг». Лицо на одной фотографии показалось знакомым. Я присмотрелся. Это был Таранин, в солдатской форме. На груди — три одинаковые звезды. Оттого, что смеркалось, подпись под снимком прочесть не удалось. Я разобрал только первые слова: «Кавалер трех степеней ордена Славы...»

С. Сахарнов

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Я был в музее

Одесский Военно-морской музей как раз возле театра. Сразу можно отличить: у входа в театр — больше взрослых, возле музея — больше детей.

Первое, что я увидел в музее, была модель парохода «Клермонт», все как настоящее, только

уменьшено. Сразу можно представить себе, как «Клермонт» плыл по Темзе...

Дальше стоят модели бригантин, шхуны и клипера.

Есть и кораблики, на которых плавали Нансен, Скотт, Амундсен. Модели корабликов, конечно.

Очень мне понравилась рулевая

рубка. Здесь всякому разрешается покрутить штурвал и все потрогать.

Видел я и якорь, которому двести лет, и водолазный костюм, и аквариум, где показывают, как поднимают затонувшие корабли...

Юнкор Женя Вислоцкий,
село Парга

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Странный корабль... Вроде бы и труба как труба, и мачты как мачты. Только на носу — огромная катушка... Оказывается, этот корабль прокладывает по дну моря телеграфный кабель. Не спеша крутится катушка, а корабль идет задним ходом, и бесконечный толстый кабель ложится на глубину.

Говорят, кашалоты принимают кабель за щупальца спрута и рвут его на куски, или просто от времени приходит кабель в негодность; тогда поднимают его и чинят или заменяют новым.

Трудная работа у этого корабля, но нужная. Вот и вертится огромная катушка... А так — корабль как корабль. Работу закончит, пойдет носом вперед, по всем правилам.

ПОДВОДНЫЕ ГРИБЫ

Поглядишь на него — обыкновенный гриб-подосиновик! Красная шляпка на светлой ножке... Только почему на морском дне?

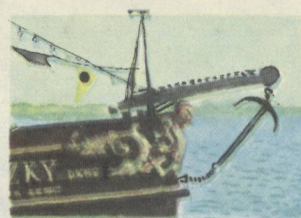
Получше разгляди гриб и увидишь: в шляпке много отверстий, а из них торчат, как цветочки, звездочки на ножках — полипы. Каждый цветочек — отдельный организм, а весь гриб — колония. Это — Аномастус, мягкий коралл. Каждый полип-звездочка щупальцами захватывает добычу: мелких рачков и их личинок.

Встречаются грибы-Аномастусы очень редко.

Софья Степаньянц

БОЛГАРСКИЙ „ПОТЕМКИН“

«Радецкий» — это болгарский броненосец «Потемкин». Поэт-революционер Христо Ботев в 1872 году поднял на этом пароходе знамя восстания. Десять дней мятежный корабль плавал по Дунаю. И всюду, где он приставал к берегу, болгары вставали на борьбу против турецких угнетателей...

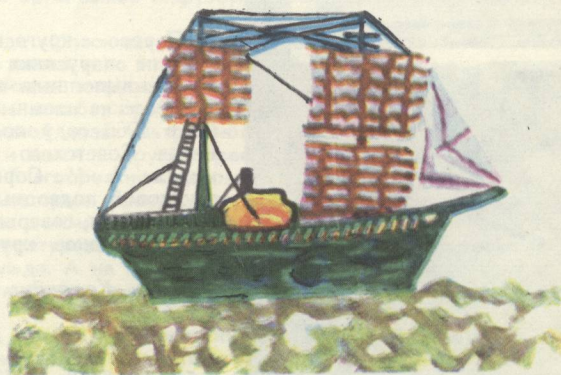
Прошли годы, и юные моряки из болгарского города Русе начали операцию «Радецкий». К ним присоединились все пионеры Болгарии: собирали металлолом, макулатуру, помогали в сельском хозяйстве и на производстве. На заработанные деньги был построен новый «Радецкий».

Болгары пригласили с собой в плавание пионеров из социалистических стран, тех, кто отличился в труде. И это было справедливо — ведь корабль создан ребячьим трудом.

Посетив Братиславу, Будапешт, Белград, Джурджу, «Радецкий» прибыл в советский порт Измаил. Встречать его приехали сюда четыре пионерских отряда из городов, где проходила жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина, — Москвы, Ленинграда, Ульяновска и Казани...

Миновала осень, зима, весна, и «Радецкий» ушел в новые плаванья. Если вы повстречаете его где-нибудь, отдайте ему салют.

Спец. корр. «Морской газеты» А. Лосев

С ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

«Парусник», Коля Ващенко, Донецкая обл., пос. Строитель. Рисунок удостоен диплома и третьей премии «Желтый пингвиненок».

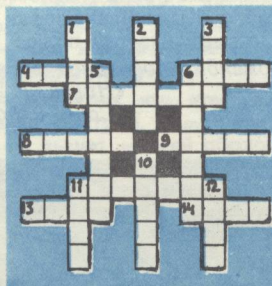
МОРСКОЙ КРОССВОРД

По горизонтали:

4 — Металлический или пеньковый канат. 6 — Промысловая рыба рода дальневосточных лососей. 7 — Птица отряда веслоногих. 8 — Уступ на днище быстрого катера. 9 — Несамостоятельное судно. 11 — Мелко сидящий боевой корабль. 13 — Морское ракообразное. 14 — Затекаяющий кусок брезента.

По вертикали:

1 — Узел на конце каната. 2 — Небольшое гребное судно. 3 — Боковой наклон

судна. 5 — Сигнализация при помощи различных положений рук. 6 — Морское млекопитающее. 10 — Специальность на военном корабле. 11 — Знак-ориентир, освещаемый ночью. 12 — Место, пригодное для якорной стоянки судов.

ОТВЕТ НА ЗАГАДОЧНУЮ КАРТИНКУ «ФЛОРА И ФАУНА МОРЕ» (см. № 7)

1 — Черепаха. 2 — Краб. 3 — Креветка. 4 — Камбала. 5 — Луна. 6 — Скат. 7 — Медуза. 8 — Кит. 9 — Тюлень. 10 — Лангуст. 11 — Кашалот. 12 — Акула. 13 — Минога.

Из донесений
командиров кораблей.

«Южные Сандвичевы острова необитаемы. Южная группа (о-ва Саундерса, Монтегу, Бристоль и Южный Тум) открыта в 1775 году Джеймсом Куком. О-ва Завадского, Лескова и Высокий открыты в 1819 году Фаддеем Беллинсгаузеном...»

Командир брига «Нева-3»
Слава Тихонов

«Точка стоянки флотилии (69°25' ю. ш.; 2°10' з. д.) знаменательна тем, что именно отсюда 16 января 1820 года русские путешественники на шлюпе «Восток», которым командовал Ф. Ф. Беллинсгаузен, впервые увидели шестой континент Земли. Так была открыта Антарктида...»

Командир ракетного катера № 021
Рита Смирнова

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 9

Кораблям пионерской эскадры, выполняющей в ходе кругосветного плавания исследования Мирового Океана и учебные стрельбы, приказываем после двухнедельной стоянки в точке 69°25' ю. ш.; 2°10' з. д. продолжить поход, имея курс к мысу Доброй Надежды, и задержаться в 100 милях южнее него до получения следующего приказа.

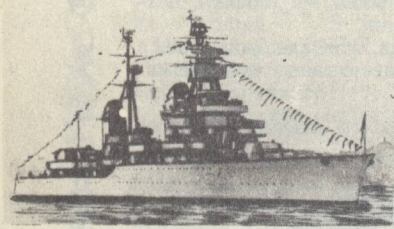
В пути следования провести учебную стрельбу «Молния». Выполняя ее, в штаб маневров доложить:

1. Какие виды оружия имеются на современных боевых кораблях нашего флота для борьбы с вражескими самолетами, надводными кораблями и подводными лодками.

2. Где, кем и когда был изобретен ракетный двигатель.

3. Что такое «брандскугель»; когда и для чего его применяли.

„ОКЕАН-2“

«Первое кругосветное плавание русские парусники «Нева» и «Надежда» выполнили в 1803—1806 годах.

Советские атомные подводные лодки в 1966 году под командованием Героя Советского Союза контр-адмирала А. И. Сорокина выполнили групповой подводный поход за полтора месяца, совершив первое в истории подводное кругосветное плавание...»

Командир подводной лодки
«Краб-2»
Юра Мей

«Я, капитан Немо, 21 марта 1868 года дошел до Южного полюса...» И с этими словами он развернул черный флаг с вышитой на нем золотой буквой «N».

«... Вокруг простиралась равнина, сверкающая на солнце чистой, девственной белизной. Это был Южный полюс Земли...»

Из воспоминаний Руала Амундсена
Так в романе Жюль Верна и так в жизни был открыт Южный полюс...

Командир подводной лодки
«Наутилус-2»
Саша Рябов

**В пресс-группе
„Океан-2“**

«... Четырнадцать членов экипажа крейсера «Алые паруса» приняты в ряды Ленинского Комсомола...»

Командир крейсера
Дьякова Тамара
Борт крейсера

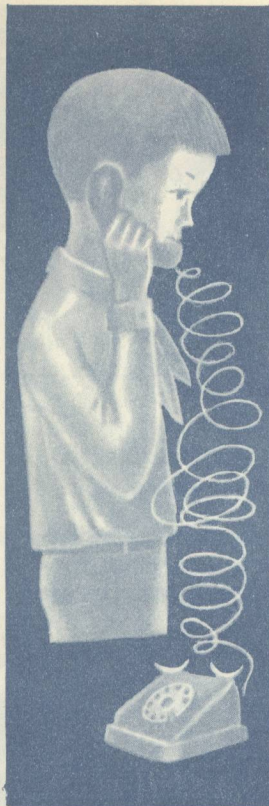
КОМАНДИРУ КРЕЙСЕРА
«АЛЫЕ ПАРУСА»
ДЬЯКОВОЙ ТАМАРЕ
ДОНЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ,
ДЗЕРЖИНСК-3, ШКОЛА № 8
ИМ. СКАЧКОВА

«Сердечно поздравляю всех четырнадцать членов вашего экипажа юных моряков с вступлением в ряды Всесоюзного Ленинского Комсомола.

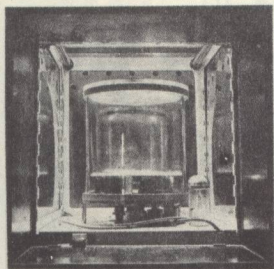
Носите с гордостью комсомольский билет и всегда будьте лучшими в учебе, в труде, в жизни. Как завещал великий Ленин, «учитесь военному делу настоящим образом».

Дважды Герой Советского Союза
контр-адмирал А. Шабалин

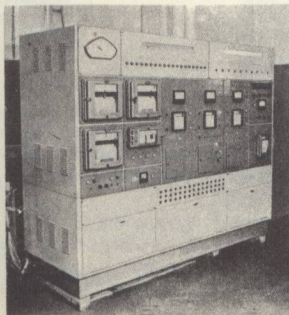
КОСтя ТЕРкин берет интервью

Рабочая камера фотостата. Внутри видна камера низкого давления — «Марс на Земле». Вверху — ксенон-новые лампы, излучающие «марсианскую порцию» ультрафиолетовых лучей

Пульт управления — мозг фотостата

Марсиане живут в Ленинграде, на проспекте Маклина. У них «постоянная земная прописка», но, в отличие от нас, ничем особенно не рискуя, они решились бы высадиться на поверхность красной планеты. Причем без скафандров и иных систем жизнеобеспечения.

Эту замечательную способность выявил и развил у них тренировками доктор биологических наук Лев Константинович Лозина-Лозинский, возглавляющий лабораторию космической биологии в Институте цитологии Академии наук СССР.

Лаборатория послужила ленинградским «марсианам» космодромом для «полетов на Марс» — без полетов на Марс.

Мой первый вопрос профессору:

— Прежде всего, Лев Константинович, кто же они, эти потенциальные марсиане!

— Сказано громковато. Но, в общем-то верно, — соглашается профессор. — Это не обезьяны, не морские свинки и даже не белые мыши. Это — одноклеточные животные, и чтобы познакомиться с ними, понадобится микроскоп.

Представительницы таких животных — инфузории колюпады мопаси — способны переносить исключительно неблагоприятные условия, даже более суровые, чем на Марсе. Их «космические способности» помог выявить фотостат — установка, которой институт гордится по праву. Его восемнадцатилитровая камера — это единственные пока на Земле «18 литров настоящего Марса».

— Точнее, почти настоящего, — оговаривается Лев Константинович. — В фотостате — условия, наиболее близкие к существующим на поверхности загадочной планеты.

Режим внутри камеры низкого давления фотостата — атмосферное давление, содержание кислорода, мощность ультрафиолетового облучения — программируется заранее.

— А почему из всего многообразия живой природы вы выбрали для своих опытов именно инфузорию?

— Таких марсиан, с которыми нас познакомил Герберт Уэллс, не существует и существовать не может, — говорит Лев Константинович. — А среди простейших организмов инфузории, бесспорно, наиболее высоко организованы.

На Земле колюпады мопаси встречается в самых разных климатических зонах. Живет она и в почве, и во мхах, и в лишайниках.

В процессе эволюции инфузории приобрели замечательную способность — высыхать, не погибая при этом. Высохшая инфузория — циста — «не боится» повышенной дозы ультрафиолетового облучения, полного отсутствия кислорода и влаги и других превратностей судьбы.

Но, дождавшись благоприятных условий, цисты вновь становятся бойкими инфузориями, которые движутся, питаются, размножаются так, словно ничего особенного с ними и не случилось.

При низких температурах внутри цист не образуются губительные для жизни кристаллики льда. А на Марсе даже в районе экватора температура в течение суток меняется в пределах плюс 25 — минус 80 градусов по Цельсию.

Цистам колюпады мопаси не опасно купание в жидком азоте, температура которого, как известно, составляет минус 196 градусов.

Правда, и инфузории перед рекордными бросками в холод проходили основательную закалку в лаборатории, а еще раньше — в природе.

Культуру инфузурий для своих «космических опытов» Лев Константинович отобрал в горах Кавказа, близ ледника, на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря. Именно тамошние инфузории наиболее привычны к перепадам температуры и разреженной атмосфере.

— Лев Константинович, ученые теперь склоняются к мысли, что марсианская атмосфера содержит кислорода в тысячу раз меньше, чем атмосфера Земли. И ваши подопечные!..

— ...выдерживают кислородный режим камеры фотостата, во много раз более жесткий, чем на Марсе. И не только выдерживают — живут!..

— Чем же объясняется «терпимость» инфузурий к такому кислородному сверхголоду?

— Известно, что при уменьшении предмета его объем уменьшается гораздо быстрее, чем площадь поверхности. Инфузории вбирают кислород — дышат — всей оболочкой. А при их диаметре в 40 микрон эта геометрическая закономерность позволяет организму обходиться ничтожно малым количеством газа жизни.

— И последний, самый, вопрос: есть ли жизнь на Марсе!

— Подождем визита землян на загадочную планету. Пока же удовлетворимся тем, что знаем: у нас на Земле есть живые организмы, которые смогли бы существовать на Марсе.

À l'Hôtel de ville -
PARIS - Mars 1871

Французский художник Мишель де Сервиль — друг Советского Союза, не раз бывавший у нас в гостях. Молодой человек из аристократической семьи (его прадед служил адъютантом Наполеона), он навсегда связал жизнь с простым народом родной страны. В годы оккупации фашистами Франции сражался в партизан-

ских рядах и был ранен. В мирное время, отдав свой родовой замок детям — сиротам войны, Сервиль целиком посвятил себя искусству. Он стал графиком, известным во Франции и за ее рубежами.

Не так давно, к столетнему юбилею Парижской коммуны, художник завершил большую серию рисунков.

Три из них, присланные в подарок «Костру», мы публикуем. Вы видите на них славных героев Коммуны, сражавшихся на парижских улицах в 1871 году.

В рисунки художник вложил гордость за свой свободолюбивый народ и боль за него.

Арк. Минчковский

История одной двойки

У Костра
Рассказы
и стихи
наших
читателей

Рисунки И. Казаковой

Завуч вызвала меня на большой перемене к себе в учительскую и сказала:

— Почему у тебя такой плохой почерк? Пиши лучше!

Я объяснил:

— Когда я пишу медленно, то пишу хорошо, а когда быстро — пишу плохо. Учительница диктует быстро, вот я и пишу плохо.

Но ее этот ответ не удовлетворил, и она сказала:

— Ладно, иди на урок, но все-таки постарайся писать лучше.

На следующий день первым был урок русского языка. После урока меня опять вызвала к себе завуч.

— Ну-ка, покажи тетрадь, — сказала она. — Хм, что же у тебя так мало написано?

— Зато хорошим почерком, — ответил я.

— Неужели ты за сорок пять минут мог написать только семь предложений?

— Но учительница пол-урока объясняла новый материал, — возразил я.

— Ну и что ж? За пол-урока семь предложений? Не густо, — усмехнулась завуч.

— Ну почему же? Когда я медленно пишу, на каждое слово трачу примерно по пятнадцать секунд. В одном предложении в среднем по десять слов. Чтобы написать десять слов, мне нужно потратить примерно две с половиной минуты. На семь предложений я потратил семнадцать с половиной минут...

Завуч внимательно выслушала меня, а потом и говорит:

— Неужели ты так быстро считаешь в уме? И когда это ты успел высчитать, сколько секунд тратишь на одно слово?

— На уроке, — ответил я, не подозревая подвоха.

— На каком уроке?

— Русского языка, — ответил я и осекся.

— Теперь мне понятно, почему ты так мало написал, — усмехнулась завуч и вклеила мне в дневник здоровенную двойку. — За то, что не работал на уроке, — пояснила она.

Дима Анкудинов, 7 класс
Москва

НАХОДКА

Софка сидит на скамейке и смотрит на щенка Джули. Щенок очень красивый. На лбу у него звездочка, а уши висят. Его привез папа ко дню рождения Софы. Ей исполнилось семь лет, она скоро пойдет в школу.

Из соседнего дома появляется Шурка Ягодкин.

— Софка, иди-ка сюда! А я что нашел! Отгадай!

В прошлом году Шурка нашел в речке настоящий старинный, но, может, и не старинный, котелок, а на нем крест немецкий. Мама сказала, что это немецкая каска. А сейчас Шурка еще что-то нашел, надо узнать.

Софка хитрая. Не показывая своего любопытства, она спросила:

— Наверно, какую-то железку нашел?

Шурка обиделся. Он думал, что Софка будет просить показать, что он нашел.

Она прыгнула со скамейки и подбежала к Шурке.

— Может, ты просто врешь, а сам ничего не нашел?

Шурка важно вытащил из кармана большой кружочек. Присмотревшись, можно было разглядеть, что это монета и на ней что-то написано.

— Мама сказала, что это пятак, когда еще был царь, — важно сказал Шурка.

Софка фыркнула и сказала:

— Он такой некрасивый, весь в плесени. Его и задаром никто не возьмет.

— Я вычищу его песком и будет блестеть как золотой.

— Лучше не ври! — крикнула Софка и побежала на улицу.

Подозвав щенка, она пошла к своим друзьям Тимке и Римке Колышевым. Но когда подошла к их дому, увидела, что дом на запер. И очень огорчилась. Что теперь делать?

По дороге домой Софка играла со щенком, он забавно прыгал и гонялся за воробьями. Придя домой, она увидела Шурку, который сидел на скамейке. У него в руках что-то блестело. Софка подошла и увидела тот самый пятак. Он блестел на солнце как золотой.

Шурка спросил:

— Ну, как мой пятак?

Софка вдруг подскочила к Шурке и схватила пятак.

Она мчалась как ветер. Шурка за ней. Незаметно очутились у речки. Софка прыгнула с откоса на самый берег. Шурка остановился. Она предупредила:

— Если прыгнешь сюда, брошу пятак в речку.

Шурка умоляюще сказал:

— Пожалуйста, дай мне его, не бросай.

Софка ехидно засмеялась.

— На что тебе пятак? Я отдам его, если ты не будешь драться, подаришь свою черепаху и сделаешь мне мебель для кукол.

Этого Шурка не смог стерпеть. И прыгнул на берег. И вот над водой блеснул старинный пятак. По воде пошли большие круги.

Вот и вся история.

Н. Пименова, ученица 7 класса
поселок Подтыбок, Коми АССР

ГРОЗА

Налетела туча,
Разразился гром.
Мы спросили ливень:
— Ты пришел с добром?
— Добра-серебра
Я насыплю из ведра!
Грянул гром:
— Бах-бабах!

Небо режет молниями,
В океанах и морях
Шторм играет волнами.
Вдруг утихомирился,
Весь на землю вылился.
И на небо, наконец,
Вышло солнце-леденец.

Анатолий Крылов,
337 школа, 8 класс, Ленинград

Дзержене — спортивный центр

В сборную 1973 года

Андрис и Карлс утром не спеша бегут вместе. Во-первых, спешить им не надо: до начала уроков больше часа, а бежать-то всего ничего — до железнодорожной станции Дзержене и обратно, около шести километров. Во-вторых, Ян Адольфович, директор школы, несколько раз напоминал, чтобы бегали не торопясь. И даже показывал, как при этом работать руками и дышать.

А уж Яну Адольфовичу ребята доверяют вполне. Директор работал учителем физкультуры почти двадцать лет. Его очень уважают все жители Дзержене, небольшого поселка, приютившегося в живописном уголке Латвии, километрах в тридцати от города Цесис. Недавно Андрис узнал от своей матери, что директору предлагали переселиться в Ригу навсегда. Но Ян Адольфович Ужанс решил вернуться в родное Дзержене.

Бежать до станции и обратно совсем не легко! Но если хочешь стать таким же лыжником и бегуном, как Талис Слайдынь, десятиклассник их же Дзерженской школы, нужно тренироваться даже «через не хочу». Когда вся школа чест-

вовала Талиса — лыжного чемпиона республики, малозаметные мальчишки из четвертого класса Андрис и Карлс тоже чувствовали себя именинниками и немного завидовали Слайдыню, который, и сменив лыжи на коньки, даст любому в Дзержене фору.

В столе Яна Адольфовича уже сейчас лежат списки будущих сборных команд юных дзерженцев. Команд 1972, 1973, 1974 годов.

— Придется внести в эти списки кое-какие поправки, — говорит Юрис Адольфович, брат директора и нынешний преподаватель физкультуры, — перевести Андриса и Карлса из самого отдаленного списка в ближний. Ведь в гонке, где разыгрывался традиционный «Кубок Дзержене», десятилетний Андрис уже опередил двадцать участников, которым по 15—16 лет, а Карлс оставил позади себя семнадцать человек.

„Кубок Дзержене“

Оспаривать этот кубок приезжают юные и взрослые спортсмены со всей Латвии. С гордостью принимают победители медали и памятные подарки, изготовленные школь-

ным умельцем Имантом Зукулисом и его товарищами.

Второй год подряд после лыжных гонок проводились соревнования по сложнейшему виду спорта — биатлону, в котором успеха может добиться только тот, кто на «ты» с лыжней и сверхметко стреляет. Гости (кое-кому из них предстояло несколько дней спустя оспаривать Кубок СССР в Цесисе) обратили внимание на дзерженского шестиклассника Алдиса Лоренца, без промаха и словно шутя поражавшего мишень. Научил Алдиса метко стрелять его отец, потомственной охотник.

— Займись посерьезнее лыжами и будь тебе чемпионом, — напутствовали парнишку те, кому достались алая, голубая и зеленая ленты призеров.

Между прочим, окажись в гонках на «Кубок Дзержене» специальный приз «Самому юному спортсмену», достался бы этот трофей отнюдь не Андрису или Карлсу. Дебютировал в этот день на большой лыжне девятилетний Нормунд Ужанс.

— Первый блин комом, — вздыхал после гонки Ян Адольфович, отец Нормунда.

Случилось же вот что. Нор-

мунд, которому по жребию выпал не очень-то желанный для любого лыжника второй номер, не захотел, как установлено правилами гонок, уступать трассу старшим, обгонявшим малыша. Пришлось судьям всерьез побеседовать с нарушителем. А судьи кто? Да те же самые дзержбенские девчата и ребята. Закон здесь такой: любишь кататься, люби и гонки посудить!

Так они живут

Стекланный шкаф со спортивными трофеями и витрина с фотографиями отличников

Дзержбенской школы стоят рядом. И, видимо, не случайно те, кто завоевал кубки, в числе лучших учеников.

Задорно смотрит со стены Алда Рубене из 7-го класса. Ни веселой, ни задорной не была она, увы, в тот зимний день, когда на лыжне вблизи городка Плявиняс решалась судьба приза «Пионерской правды». Гуте и Марите, готовящимся вместе с ней выйти на старт эстафеты 3×2 километра, Алда не сказала с утра, что ей нездоровится. Поведала подругам обо всем лишь после победного финиша. И заслу-

шала один нагоняй за другим. Но разве заплачешь с горя, когда в руках столь почетный и долгожданный трофей?!

Рядом — фотография Марите Ешкиной, опередившей тогда всех сверстниц в двухкилометровой гонке на снежной трассе, и Гуты Бригиты, так удачно преодолевшей свой первый этап в победной эстафете. Гута в летние месяцы становится пастухом. Как и Гунтарс Калныньш и еще кое-кто из рекордсменов и чемпионов Дзержбенской школы.

Летом здесь настоящее раздолье! Малышня обычно сажает капусту на совхозном поле. Взгромоздятся вчетвером на

и получается: по 650—700 километров набегает за лето, к примеру, Ешкина и Рубене). А раз в две недели, точнее — по средам, ровно в восемнадцать ноль-ноль, — здесь же, у бассейна, начинаются очередные экзамены на скорость и выносливость.

Во главе юных дзержбенских спортсменов — совет физкультуры. Появилась, к примеру, дерзкая, но заманчивая идея: соорудить свою освещенную лыжную трассу. И сразу же совет физкультуры поднял на ноги всех без исключения двести тридцать учеников Дзержбенской школы. На строительство выходили и родите-

овощную сеялку, прицепленную к трактору, и орудуют хоть куда. Ребята чуть постарше сколачивают бригады дрозозаготовителей. Пилят и колют десятки кубометров в день.

А в свободное время — на озеро, где простейший плавательный бассейн с тумбочками и вышками оборудован своими руками. Вокруг озера — давно облюбованная дистанция пробега. Дневную норму все школьные спортсмены обязательно фиксируют в специальном дневнике (знакомлюсь с некоторыми, суммирую записи

ли спортсменов, а совхоз здорово помог машинами. И вот в короткий срок появилась трехкилометровая отлично освещенная лыжная трасса — первая в Латвии!

Далеко Дзержбене от больших городов с огромными спортивными комплексами. И все же это самый настоящий спортивный центр. Один из многих в нашей стране.

«Школа = спортшкола». Ребята из небольшой сельской школы в Латвии решили задачу по этой формуле!

М. Эстерлис
Фото Л. Полякова

Ты идешь в первый класс?

Тогда послушай, что тебе советуют ребята из школы № 24 города Ленинграда. Они уже люди опытные — во второй перешли.

Аля Кобзева:

Может случиться такое, что ты получишь двойку. Тогда я тебе очень советую не плакать при ребятах. Лучше потерпеть до дому. А там уж в ванной выплакаться, чтобы никто не видел, даже кошка.

Вадик Васильев:

Если ты придешь из школы, поешь, погуляешь, сядешь уроки делать и вдруг тебе страшно захочется одевать куклу или рисовать самолеты, то ты уроки делать в эту минуту себя не заставляй. А возьми и нарисуй маленький самолетик или переодень свою любимую куклу. Уроки от этого еще лучше пойдут. Потому что ты себе как будто слово дал, за то, что чуть-чуть поиграл, заниматься на совесть.

Аля Кобзева

Вадик Васильев

1

- Мама, Марина тебе сказала, что я порвал штаны?
- Нет.
- Ну, хорошо, тогда и я не скажу тебе, что она разбила вазу.

- Мама, сколько лет нашему коту?
- Три года.
- Меньше чем мне! Почему же у него уже есть хвост, а у меня еще нет?

Перевела со словацкого Н. Гернет

Дом стоит одноэтажный.
На прохожих смотрит важно:
Он сегодня отмечает
Свой столетний юбилей...
Рядом внуки подрастают
В пять и восемь этажей.

Коншин Андрияша

2 Жаброва Оля

Коншин Андрияша:

Ни в коем случае не бегай на перемене, а на уроке и подавно. Потому что можно налететь на учительницу, и она может упасть.

Потом, если получишь плохую отметку, скажи про нее только папе с мамой, а бабушке не рассказывай. Потому что бабушки все очень расстраиваются, а им это совсем нельзя.

Жаброва Оля:

Если ты увидишь, что мальчишка бьет твою подругу, не надо идти и говорить про него учительнице. Так поступает только ябеда. Надо забияку самим одолеть. А учительнице зачем говорить? Он ее и без того боится.

Когда ты будешь возвращаться из школы и переходить дорогу с машинами, попроси, чтобы перевел тебя только тот человек, которому по пути. А то вдруг он очень торопится, обратно побежит и сам под машину попадет.

Ильина Лена:

Если у кого из твоих одноклассников будет день рождения, не нужно драться с ним в этот день и ссориться. С ним надо всем только играть и угощать его своим яблоком.

Ильина Лена

Записала Адель Богатых
Сфотографировал Владимир Герасимов

КАРУСЕЛЬ В ГОЛОВЕ

К началу учебного года я просил отца купить мне двухколесный велосипед, пистолет-пулемет на батарейках, самолет на батарейках, летающий вертолет и настольный хоккей.

— Все эти вещи, — сказал я отцу, — вертятся у меня в голове наподобие карусели, от этого кружится голова и трудно удержаться на ногах.

— Держись, — сказал отец, — не упади, и напиши мне на листке, чтоб не забыть.

— Да зачем же писать, эти вещи и так у меня крепко в голове сидят.

— Пиши, — сказал отец.

— В общем-то, ничего не стоит, — сказал я, — только лишняя морока. — И я написал большими буквами во весь лист:

ВИЛИСАПЕТ
ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЕТ
САМАЛЕТ
ВИРТАЛЕТ
ХАКЕЙ

Подумал и еще решил дописать мороженое, подошел к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ

Отец прочел и говорит:

— Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождем.

Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

— До которого часу?

— До лучших времен.

— До каких?

— До окончания учебного года.

— Почему?

— Да потому, что буквы в твоей голове вертятся как карусель, от этого у тебя кружится голова и слова оказываются не на своих ногах.

Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали...

ВИЛИСАПЕ
ПИСТАЛЕТ
САМАЛЕТ
ВИРТАЛЕ

Виктор Голявкин
Рисунки Е. Соколов

БЮРО „ВОПРОС — ОТВЕТЫ“

«Я знаю, что все международные соревнования по шашкам проводятся на столклеточной доске. А как на ней играют?» — спрашивает Коля Зыбин из Иркутска.

Столклеточные шашки отличаются от русских величиной доски (100 клеток), числом шашек (по 20 у каждого противника) и тремя правилами взятия:

А. Если бить можно по-разному, то обязательно побить так, чтобы забрать больше шашек.

Б. Если бьющая шашка достигает дамочного поля и может бить дальше как простая, то она обязана это сделать и остается простой.

В. Если бьющая шашка достигает дамочного поля и дальше бить как простой ей нечего, то она превращается в дамку и останавливается до ответного хода противника.

Запись ходов — цифровая. Каждому темному полю присвоен порядковый номер от 1-го до 50-го. Нумерация начинается сверху (то есть где лагерь черных) и идет слева направо и вниз.

На диаграмме № 1 шашки стоят так — белые: 21, 27, 29, 35, 37, 38; черные: 6, 12, 13, 16, 25, 33. Белые гибнут? Нет, они побеждают! 1. 35—30! Теперь черные обязаны побить большинство — 1... 33:22. А тогда 2. 21—17! 25:23 (надо бить большинство!) 3. 17:17 — и выигрыш белых.

Поставьте шашки так — белые: 32, 33, 38, 41, 42; черные: 21, 23, 24, 34, 36. Белые выигрывают. 1. 32—27! 21:43. 2. 33—28! 36:38 (по правилу Б шашка 36 осталась простой) 3. 28:48×

Белые: 20, 28, 34, 37, 38, 42; черные: 8, 9, 10, 17, 26, 27. И тут победа белых — 1. 37—31! 26:48 (по правилу В черная шашка превращается в дамку и останавли-

АРЧЕБЕК

вается) 2. 38—32! 48:14 3. 32:3 14:46 4. 3:5 ×. Такое расположение двух дамк называется столбняком.

РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

Шахматисты! Найдите—А) выигрыш в этюде (диаграмма № 2); Б) мат в три хода в задаче — белые: Крd6, Фf2, Лс5, п. с3; черные: Крd3; В) мат в три хода в задаче — белые: Кра4, Cd5, Ка6, Кс6; черные: Кра8, Лг2, п. е2.

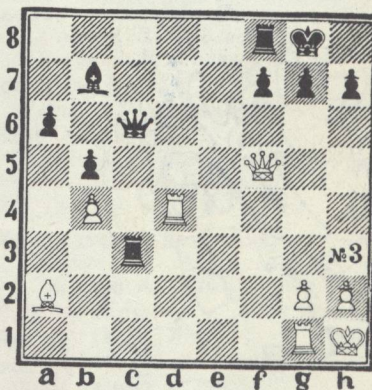
Шашисты! Перед вами три позиции, везде ход белых. Но везде

оно определит победителей турнира. Выполнять его следует только шахматистам, уже набравшим 120 или 115 очков.

1. Белые: Крd3, Сb3, пп. с2, d4, е6; черные: Крс6, Са8, пп. d6, d7, е7, g3. Белые выигрывают.

2. Белые: Кrh6, Фh1, Сb6; черные: Кrb8, Лh8, пп. b7, h7. Мат в четыре хода.

Репорты по этому заданию шлите отдельно с пометкой на конверте: «Для лидеров!».

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Твое боевое задание — из двух частей. На диаграмме № 3 сначала найди, как объявляют мат белые. Затем найди, как объявляют мат черные, если бы ход был их.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Ответы к задачам тренировочной кабины «Костра» № 8.

Юра Селявкин — 1. Фd8! Феликс Косниковский — 1. Лd5! Володя Рязанов — 1. Се5 Крe7 2. d8Ф+!

ПРИКАЗ № 9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

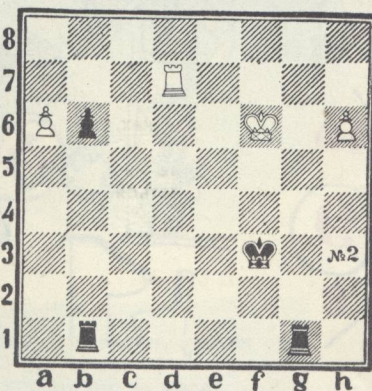
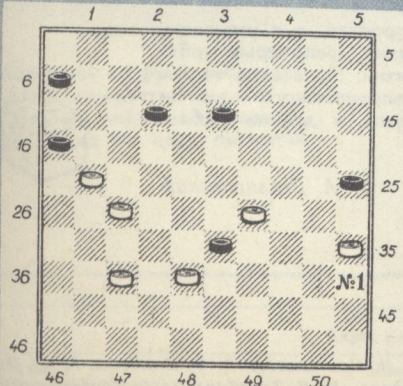
§ 1. О выполнении боевых заданий и задания для лидеров доложить до 15-го ноября.

§ 2. Почетные знаки за выполнение приказа № 9 будут рассылаться после 15 ноября

Шахмат-адмирал Ферзьберри

ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИДЕРОВ!

Здесь задание особой важности. При равенстве очков на финише

28. За подсказку весь отряд
Дружно их осудит...
Сделать семь ходов назад
Справедливо будет.

29 30 31 32

19. С малышами стыдно драться —
Возвращайся на «пятнадцать».

24. Если урок на «пятерку» готов,
Всех ты обгонишь на десять ходов.

28 27 26 25 24

33. Двоек в дневнике не счастье —
Ну-ка, марш на «двадцать шесть»!

34 35 36

14

14. Не пропустил учителя вперед —
За это сам в игре пропустишь ход.

9. Славное дело —
Цветы поливать.
Двигайся смело
На «тридцать пять».

13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

Дорогие ребята! Перед вами игра. Игра — да только не простая, а с умыслом. В редакцию приходят письма, где вы рассказываете о своей жизни. Некоторые ребята присылают рисунки, высмеивающие недостатки школьной жизни. По вашим темам мы и составили игру. Приглядитесь к рисункам художника М. Беломлинского — нет ли ваших знакомых-одноклассников? Если есть, напишите нам. Пусть и другие ребята узнают о них в выпусках «Боевого школьного карандаша».

А пока — бросайте кубик. Ваш ход!

А. Шкляринский

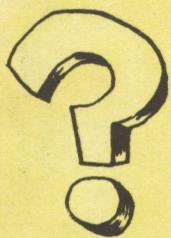
Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Порошков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

56 57 58 59 60

56. Ход назад... Тут вывод краткий —
Где-то в школе неполадки.
Где же? Если глаз остер,
Ты ответ пришьлешь в «Костер».

50. Помощь другу — не безделка.
Дружбе нет препятствий в мире.
Друг с тобой — вперед,
за стрелкой
К цифре «пятьдесят четыре».

45. Дым глотая, ученик
Чуть пожар не учинил.
Это что за мода?
Пропусти три хода!

38. Взявшись за руку послушно,
Сзади семенит старушка.
Паренек надежный, зоркий...
Заслужил он «две пятерки».

СОДЕРЖАНИЕ

Первый звонок	1
Стихотворение А. Лосева	
Здесь строят море	2
Очерк П. Соловей	
Оформление А. Януса	
Страна Поэзия	5
Марк Максимов	
Все — настоящее!	7
Репортаж А. Томилина	
Стихи	10
Е. Серовой	
Рисунки Н. Муратова	
Поворот	12
Повесть В. Фролова	
Рисунки И. Харкевича	
Своя республика	30
Очерк Г. Бельтюкова	
Божий человек	32
Рассказ Б. Раевского	
Рисунки Ю. Шабанова	
Киноклуб	36
Кронштадтский детектив	40
Повесть В. Инфантьева	
Рисунки А. Сколзубова	
Правда о кормчем	50
Статья В. Голанта	
Рисунки В. Бендингера	
Морская газета	52
Океан-2	54
Костя ТЕРкин берет интервью	55
Рассказы и стихи наших читателей	57
Дзержене — спортивный центр	59
Очерк М. Эстерлиса	
Фото Л. Полякова	
Уголёк	61
Арчебек	63
Шахматы, шашки	
Боевой школьный карандаш	64

На обложке рисунок Т. Ксенофонтова

Мышиный горошек
(Мотыльковые)

Нарцисс
(Амариллисовые)

Ландыш
(Лилейные)

Мать-и-мачеха
(Сложноцветные)

Тюльпан
(Лилейные)

Незабудка болотная
(Бурачниковые)

Гвоздика (травянка)
(Гвоздичные)

Колокольчик
круглолистный
(Колокольчиковые)

Лютик едкий
(Лютиковые)

Иван-чай
(Онагриковые)

Герань луговая
(журавельник)
(Гераниевые)

Поповник
(нивянка)
(Сложноцветные)

Ребята из квартиры 64 собрались вместе после каникул.
Алеша вынул из портфеля гербарий, который он решил подарить школе.
Рассмотрев гербарий, ребята сказали:
— Если мы правильно поняли, по какому признаку ты подбирал растения, то два растения в твоём гербарии лишние.
А из вас, ребята, кто может сказать, по какому признаку подобраны растения и какие два растения в гербарии лишние?